

12+

ВЕСТНИК
ПЕРМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия № 3
ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ

Выпуск 2/2022

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет»

12 +

**ВЕСТНИК
ПЕРМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

Серия № 3

ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Выпуск 2 / 2022

Электронный научный журнал

Пермь
ПГГПУ
2022

Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Сер. № 3. Гуманитарные и общественные науки. Вып. 2 / 2022: электронный научный журнал [Электронный ресурс] / ред. кол. : А.А. Краузе (отв. ред. вып.), С.П. Парамонова, Н.Л. Габриель (отв. секретарь); Перм. гос. гуманит.-пед. ун-т. – Пермь, 2022. – 3,1 Мб – Текст (визуальный) : электронный.

В текущий выпуск журнала включены статьи молодых ученых, где обсуждаются актуальные проблемы современной науки, ее влияние на общество, выявляются познавательные ориентиры и ценности образования, культуры и гуманитарных наук на современном этапе. Данный выпуск будет интересен ученым, специалистам в области социально-гуманитарных наук.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ВЕСТНИКА ПГГПУ:

А.М. БЕЛАВИН – д-р ист. наук, проф. ПГГПУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ:

А.А. КРАУЗЕ – канд. филос. наук, доц., зав. кафедрой философии и обществ. наук ПГГПУ (отв. ред.)
Н.Л. ГАБРИЕЛЬ – канд. ист. наук, доц. кафедры философии и обществ. наук ПГГПУ (отв. секретарь)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ВЫПУСКА:

А.А. КРАУЗЕ – канд. филос. наук, доц., зав. кафедрой философии и обществ. наук ПГГПУ (отв. ред.)
С.П. ПАРАМОНОВА – д-р филос. наук, проф. кафедры социологии ПНИПУ.
Н.Л. ГАБРИЕЛЬ – канд. ист. наук, доц. кафедры философии и обществ. наук ПГГПУ (отв. секретарь)

Электронный журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ № ФС77-78185 от 27.03.2020

Журнал размещен в НЭБ eLibrary, договор № 270-04/2014 от 28.04.2014

Журнал зарегистрирован как сериальное издание в международном регистрационном каталоге (ISSN International Centre, Франция, Париж)

Сайт журнала «Вестник ПГГПУ». Серия № 3 «Гуманитарные и общественные науки»:

URL: <http://www.vestnik3.pspu.ru>

Префикс DOI: 10.24412/2308-7196

Электронная почта журнала для отправки статей: krauze@pspu.ru
Издается по решению редакционно-издательского совета ПГГПУ

**ПЕРМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

I. ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПРОГРАММЫ В СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ 5

- СОКОЛОВ М.А.* СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРОГРАММА В ТВОРЧЕСТВЕ Л. БЕРТАЛАНФИ..... 5
- ЕРЕМЕЕВА Ю.Д.* ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА 18
- ЯНКИНА О.П.* КОНЦЕПЦИЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПРОГРАММ В ФИЛОСОФИИ НАУКИ И. ЛАКАТОСА 26
- КОСТАРЕВА К.Д.* ИНСТРУМЕНТАЛИСТСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ АНАЛИЗА СУБЪЕКТА СОЦИАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ 38
- ЩЕКОЛДИНА С.В.* ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ФЕНОМЕНУ «ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ» 46
- КЛОЧКО М.А.* ЯЗЫК И ПОЗНАНИЕ В ФИЛОСОФИИ ЛЮДВИГА ВИТГЕНШТЕЙНА 62
- ПОЛЯКОВА С.А.* ФИЛОСОФИЯ КОСМИЗМА И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ В РАБОТАХ К. ЦИОЛКОВСКОГО 74
- КОНСТАНТИНОВ Г.Е.* КАТЕГОРИЯ ИДЕАЛЬНОГО КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ФЕНОМЕНА ПРОПАГАНДЫ 82

II. АНАЛИЗ НАПРАВЛЕНИЙ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ И ВЫЗОВОВ СОВРЕМЕННОСТИ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ПРАКТИКЕ..... 88

- ШИШИГИН А.В.* ВЗГЛЯД ПЕДАГОГОВ НА ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ УЧАЩИХСЯ, ВЫПОЛНЕННОЙ В ЦИФРОВОМ ФОРМАТЕ 88
- ШОВАГ А.Н.* ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО ПОЗНАНИЯ 94
- ЗАЙКИНА Е.С.* РЕАЛИЗАЦИЯ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА В ОБЛАСТИ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ..... 103
- САБЛИНА А.А.* ФИЛОСОФСКИЙ ПОДХОД К ФЕНОМЕНУ «САМООПРЕДЕЛЕНИЕ» 116
- ДРУЗИНА О.С.* ФИЛОСОФСКИЙ СМЫСЛ КАТЕГОРИЙ «ТРАДИЦИЯ» И «РУССКИЕ ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ» 124

<i>ПЕККЕР Е.А.</i> НАРРАТИВНОЕ ЗНАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ЯЗЫКОВЫХ ИГР	136
<i>ПРИКАЗЧИКОВА О.С.</i> ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ФЕНОМЕНУ «ГОТОВНОСТЬ» В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ.....	147
<i>ЛИПИНА Т.А.</i> КАТЕГОРИЯ «ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ» В СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОМ ПОЗНАНИИ	160
<i>КОРОБИНЦЕВА М.С.</i> ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В ПОЗНАНИИ ПРИЧИН ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ.....	175

РАЗДЕЛ 1. ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПРОГРАММЫ В СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ

УДК 372.851

DOI: 10.24412/2308-7196-2022-2-5-17

Михаил Александрович Соколов

аспирант кафедры дошкольной педагогики и психологии

*ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический
университет», Пермь, Россия*

614990, Пермь, ул. Сибирская, 24

Тел: 8-906-878-61-24, e-mail: cooler.perm@mail.ru

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРОГРАММА В ТВОРЧЕСТВЕ Л. БЕРТАЛАНФИ

Michail A. Sokolov

PhD student of the Chair of Preschool Pedagogy and Psychology

Federal State Budget Educational Institution of Higher Education

«Perm State Humanitarian Pedagogical University»

24, Sibirskaja, 614990, Perm, Russia

SYSTEM APPROACH AS A RESEARCH PROGRAM IN THE WORK OF L. BERTALANFI

Аннотация. Статья посвящена становлению системного знания и его применению в творчестве Людвиг фон Берталанфи. Рассмотрены общее понятие системы и ее особенности, а также ее характеристики. Выделены основные пункты и описаны компоненты общей теории систем. Описаны важные моменты развития творчества Л. Берталанфи.

Ключевые слова: системный подход, система, общая теория систем.

Abstract. The article is devoted to the formation of systemic knowledge and its application in the work of Ludwig von Bertalanffy. The general concept of the system and its features, as well as its characteristics are considered. The main points are highlighted and the components of the general systems theory are described. The important moments of L. Bertalanffy's creative development are described.

Key words: systems approach, system, general systems theory.

В нашем мире абсолютно все «завязано» на системах. Понятие системы вошло во все сферы человеческой деятельности, в том числе в науку. На данный момент система не только выступает теоретическим аспектом, но и становится главным элементом в некоторых областях прикладной науки.

Современная наука придерживается позиции, по которой природные объекты исследуются прежде всего в рамках взаимодействия и многогранности. Для изучения систем необходим подход, который сможет описать целостность объектов окружающего мира и обосновать взаимосвязь между ними. Именно поэтому было введено понятие системного подхода.

В XX в. системный подход стал наиболее значимым для научного познания, так как именно в это время был осуществлен переход к новому типу задач, которые включали в себя изучение проблем устройства и работы сложных объектов. Также во второй половине XX в., с активным внедрением технических средств в жизнь человека, изучение систем становится востребованным и в социальной практике. Также была выявлена общая теория систем. Одним из основоположников теории стал Карл Людвиг фон Берталанфи.

Л. фон Берталанфи по образованию биолог. Его самая известная организмическая концепция с названием «теория открытых систем» нашла применение во многих сферах деятельности. Он является первооткрывателем теории биологических открытых систем, которая играла главную роль в его трудах 1920-х гг. Теория открытых систем повлияла на восприятие и управление организациями, а также способствовала созданию в середине XX в. теории организации и управления, которая сохраняла актуальность до 1990-х гг. В конце 30-х у автора появились наброски представления общей теории систем. В частности, к этим наброскам относится его идея о единстве науки, которая была актуальна и в 90-х. Начиная с 50-х гг. и до окончания своей научно-исследовательской деятельности Л. Берталанфи занимался применением теории открытых систем и общей теории систем к общественным наукам, в результате чего появился «системный» взгляд на социум. Он был одним из немногих исследователей, значительно повлиявших на то, как западные цивилизации воспринимают связь друг с другом и с окружающим миром.

Как и любая концепция, общая теория систем основана на результатах предыдущих исследований. Л. фон Берталанфи основывался на теории немецкого философа Готфрида Вильгельма Лейбница и крупнейшего немецкого мыслителя Николая Кузанского. Берталанфи писал: «Конечно, как и любое другое научное понятие, понятие системы имеет свою долгую историю... В этой связи необходимо упомянуть “натуральную философию” Лейбница, Николая Кузанского с его совпадением противоположностей, мистическую медицину Парацельса, предложенную Вико и Ибн-Халдуном версию истории последовательности культурных сущностей, или “систем”, диалектику Маркса и Гегеля...» [2].

Впервые идея наличия общих закономерностей при взаимодействии достаточно большого числа социальных, физических и биологических объектов была представлена Берталанфи в Чикагском университете в 1937 г.

Система и системные идеи появились довольно давно. Формирование каких-либо последовательностей у людей появилось за счет познания мира

с углублением в разные взаимосвязи. В процессе познания люди превращали целое в частичное или, наоборот, части объединяли в целое для выполнения каких-либо интеллектуальных действий. Системные идеи рождались в повседневной практической деятельности, например, при ремесле или торговле. Также философия давала некоторые представления о системе, изучая частный элемент и целое.

Понятие системного подхода раскрывается как «направление методологии научного познания и социальной практики, в основе которого лежит рассмотрение объектов как систем; ориентирует исследование на раскрытие целостности объекта, на выявление многообразных типов связей в нем и сведение их в единую теоретическую картину» [5].

Такой подход направлен на разработку особых познавательных инструментов, которые отвечали бы задачам исследования и конструирования сложных объектов. Он является методологическим центром всех нынешних системных исследований. К такому подходу можно отнести и общую теорию систем.

Общая теория систем зарождалась еще в 1912 г. в такой области, как тектология. Тектология является учением писателя-фантаста и революционного деятеля Александра Богданова. Оно уделяло особое внимание закономерностям развития организации, устойчивому и изменяющемуся значению обратных связей, роли открытых систем и учету целей организации системы. Богданов считал, что если привести противоположности к балансу, то можно добиться устойчивости динамической системы. Из этого родилась следующая идея: «...любой кризис, то есть усиление противоречий, влечет за собой или деградацию системы, по-другому – дезингрессию, или ее преобразование, по-другому – ингрессию» [6]. Также он полагал, что чем сильнее свойства целого отличаются от совокупности свойств его частей, тем уровень организации системы выше.

Некоторые отголоски общей теории систем можно было встретить еще в началах естественных наук и философии, например, в трудах немецкого ученого Георга Гегеля, так как он принимал позицию холизма, которая изучала проблему соотношения части и целого и исходила из приоритета целого по отношению к его частям. Он выделял несколько основных идей. Первая идея гласит: целое есть нечто большее, чем сумма частей. Вторая: целое определяет природу частей. Третья – подразумевает, что части не могут быть познаны при рассмотрении их вне целого. Четвертая: части находятся в постоянной взаимосвязи и взаимозависимости [4].

Диалектика Гегеля выделила новый способ мышления, который ориентирует на поиск внутренних источников существования и развития объектов, представляющий собой диалектическое единство целого и его частей.

Также предпосылки возникновения общей теории систем были в работах Джона фон Неймана [10], который разработал общую теорию самовоспроизводящихся автоматов. Клод Элвуд Шеннон в своих трудах по теории информации дал обоснование понятию «количество информации»

с позиции теории связи [13]. В работе по кибернетике Норберта Винера [8], в которой найдена связь энтропии, неупорядоченности, количества информации и неопределенности, была особенно выделена ценность этих понятий для изучения систем. С именем Винера связывают продвижение типизации моделей систем, выделение обратных связей, акцент на принцип оптимальности в управлении и синтезе систем, развитие моделирования как методологии и понимание информации как свойства материи.

Многие ученые говорили, что понятие «система» относительно, так как при иерархическом делении один уровень сам может быть системой, но на другом уровне он уже будет элементом более крупной системы.

Любая система находится в среде – совокупности всех объектов и систем. Изменение их свойств влияет на рассматриваемую систему. Также в среду входят объекты и системы, которые меняются под воздействием конкретной рассматриваемой системы. Таким образом, элементы, которые попали в границу исследования, образуют систему, а те, что остались за границей, образуют среду, или, по-другому, системное окружение. Изучение системы обязательно проводится с учетом взаимодействия с окружающей ее средой, так как система формируется и ее свойства появляются только в процессе взаимодействия.

Система имеет некоторые особенности. Первая особенность системы: она имеет новые свойства, в отличие от элементов, из которых она состоит. Следующая особенность: система обладает свойствами оптимальности. Еще одной особенностью является то, что системы создают для определенной цели и решения задач.

Резко выросшее системное движение в науке ставит перед собой цель – обеспечить целостный взгляд на мир, отстранить узконаправленный дисциплинарный подход к его познанию и помогать в раскрытии потенциала программ, направленных на междисциплинарное исследование комплексных проблем.

Основываясь на приведенных выше работах, можно сформулировать принципы, которые ложатся в основу общей теории систем. Важным условием существования рабочей системы является наличие связей между отдельными системными единицами, которые впоследствии вступают во взаимоотношения. Система как одно целое оказывает влияние на свойства отдельных элементов, изменяя их направление. Качественное изменение свойств системных элементов может привести к изменению всей системы. В данном случае возможны два варианта: либо появление системы высокого уровня, либо упрощение внутренней структуры.

Системы можно классифицировать множеством способов. По содержанию системы разделяются на реальные или материальные, объективно-существующие, абстрактные. Реальные подразделяются еще на два типа: естественные, или природные, и искусственные, то есть вызванные деятельностью человека [9].

Естественные системы включают в себя системы живой природы – биологические и социальные, а также системы неживой природы – физические. Физические системы подвластны физическим законам механики, термодинамики и др. Биологические системы образуются большими разновидностями живых существ – от самого низкого уровня до самого высокого. Биология занимается изучением таких систем, и она до сих пор остается в первых рядах по исследованию систем. Накопленный в изучении биологических систем опыт долгое время не могли перенести в другие сферы науки, например, в социальные науки. Социальные системы рассматривают людей и образованные ими цивилизации, национальности и еще множество различных коллективов как главный компонент системы. Социальные системы делят по сферам жизнедеятельности человека, например, духовные, политические, экономические, этнические и т. д.

Искусственные системы тоже являются немаловажной частью исследований. Такие системы появляются в результате целенаправленных человеческих усилий. В искусственные системы включают технические системы, которые проектируются с определенной целью. Такие системы выделяются условно, так как они не имеют возможности вырабатывать свое состояние. Для них главным фактором функционирования является эффективное взаимодействие человека с подсистемой технического плана.

Общей теорией систем называют специально-научную и логико-методологическую концепцию, позволяющую анализировать объекты как системы [11]. Главной целью выделяют нахождение основных принципов функционирования систем, которые требуются для описания взаимодействия этих объектов. Такой группой объектов можно назвать как любой информационный или электромеханический объект, так и общество.

Общая теория систем конкретизирует принципы и методы системного подхода. Также теория является методологической концепцией исследования систем.

Конкретизируя теорию, выделяют предмет исследования, который состоит из нескольких пунктов. Пункт первый – изучение основных закономерностей и принципов функционирования системы. Пункт второй – изучение классов, типов и видов систем. Пункт третий – изучение процессов, происходящих в системах, например, адаптации, эволюции, переходных процессов и др.

Также существуют некоторые факторы, определяющие систему как сложное организованное целое, такие как устройство и состав системы, текущее состояние и среда, в которой система функционирует.

При ее рассмотрении стоит обратить внимание на понятия, используемые в рамках теории. Первое и основное понятие – система. Существует большое количество определений системы, вот некоторые из них. Бергаланфи определял систему как множество отдельных частей, которые при взаимодействии образуют единое целое [2]. Американский ученый Дж. Ванн Гиг дает определение системе как совокупности связанных между собой элементов [1].

Рассел Линкольн Акофф и Фредерик Эммери – ученые и исследователи системного подхода – в своей книге «О целеустремленных системах» [7] дали такое определение: система – это множество взаимосвязанных элементов, каждый из которых связан прямо или косвенно с каждым другим элементом, а два любые подмножества этого множества не могут быть независимыми. Исходя из приведенных выше определений, можно сделать вывод, что в системе обязательно должны быть элементы и между ними должна быть взаимосвязь. Системой может являться любой объект или процесс окружающего мира.

Любые объект или система обязательно имеют такие важные характеристики, как свойства. Под свойством понимают внешние проявления процесса или способа, при помощи которого получают знания об исследуемом объекте. Свойства позволяют описывать объекты системы количественно, выражая размерность интересующего фактора в единицах. Система (объект системы) имеет достаточно большое количество свойств.

Первое свойство – это, как бы это ни казалось странным, системность. Системностью называют совокупность элементов и возможность при некоторых условиях рассматривать элементы как отдельные системы. Далее выделяют существенные свойства, которые определяют интегративные свойства системы, а также связи между элементами. Любая система должна иметь определенную организацию, которая будет снижать степень неопределенности. Следующее свойство – эмерджентность. Оно не позволяет приравнивать свойства отдельных элементов и системы в целом. Свойство целостности гласит о том, что при изменении любого компонента системы происходит изменение целой системы и наоборот. Делимость системы дает возможность разделить каждую систему на несколько подсистем для удобства анализа. Коммуникативность дает возможность системе развиваться и адаптироваться к новым условиям за счет взаимосвязи со средой. Развитие дает объяснение сложных процессов в обществе и природе. Последовательное разделение системы на уровни, устанавливающее отношения между нижележащими и вышележащими уровнями, называют свойством иерархичности. У любой системы есть инерция, она определяет время для перехода системы из одного состояния в другое. Многофункциональность дает возможность сложной системе реализовывать множества функций на некоторой структуре, а также влияет на свойства гибкости, адаптации, живучести. Гибкость меняет цель функционирования и подстраивается под условия работы системы. Свойство адаптивности изменяет структуру и выбор вариантов поведения, подстраиваясь под факторы внешней среды и цели системы. В процессе адаптивности система имеет свойство уязвимости, то есть она получает повреждения от внешнего воздействия или факторов внутри системы. Структурированность определяет зависимость поведения системы от ее элементов и свойств. Динамичность системы демонстрирует ее функционирование во времени. Состояние системы показывает момент, когда система останавливается в развитии. Свойство равновесия сохраняет свое

состояние сколько угодно, но только либо при постоянном воздействии на систему, либо без воздействий извне. Наконец, свойство устойчивости возвращает систему в состояние равновесия после того, как она была выведена из нормального состояния.

Также, как и любой элемент, система имеет структуру, которая представлена в виде множества, состоящего из элементов и связей. В структуре выражены строение элементов, их расположение и порядок. Помимо этого, структура отражает отношения между элементами, необходимые для достижения цели системы.

Элементом системы является какая-либо часть сложного целого или системы, представляющей множество взаимосвязанных компонентов. Элемент считается самостоятельной частью, но ее строение отдельно не рассматривается, смотрят лишь на ее свойства, которые служат для функционирования системы. Только в иерархических системах элемент может быть рассмотрен как система.

Заключительным понятием является понятие «функции». Функции выступают способами для достижения цели, которые основаны на целесообразных свойствах системы. А процесс реализации целесообразных свойств системы называется функционированием. Целью системы выделяют то, чего система должна достигнуть в результате функционирования. Целью может стать достигнутое определенное состояние системы или же другой продукт функционирования.

Теперь рассмотрим основные вехи общей теории систем в творчестве Л. фон Берталанфи.

Так как Берталанфи – биолог, он использовал открытые системы в объяснении некоторых тем, связанных с биологией и генетикой, но после сделал вывод, что данный метод можно применять совершенно в разных областях науки. Таким образом, появились предпосылки общей теории систем. В 30-е гг. Берталанфи первым выдвинул задачу построения общей теории систем, которая принималась бы как основная наука, исследующая системы различного происхождения, но по каким-то причинам не стал дальше развивать эту идею. Исследования продолжились уже после окончания Второй мировой войны.

Изучив первые труды по общей теории систем, многие посчитали ее абсолютно лженаучной концепцией. На защиту Берталанфи встал венгерский философ Эрвин Ласло, который сопоставил критику с трудностью перевода слова «теория». В немецком языке этот термин рассматривается гораздо шире, нежели в английском. Также Ласло призвал понимать идеи Берталанфи как исследовательскую парадигму. Об этом он написал в предисловии к одной из книг Берталанфи.

В 1956 г. в одном из своих заявлений Берталанфи назвал причины появления этой отдельной области знания. Он считал, что существует общая тенденция к достижению единства естественных и общественных наук и такое единство может стать предметом для изучения в рамках общей теории систем. Также он считал, что теория может стать важным средством формирования

строгих теорий в науках об обществе и природе. Все эти факторы, в свою очередь, могут привести к необходимому единству научного образования.

Но для Берталанфи общая теория систем не была идеальной, так как он считал, что выдвинул ее как науку, которая заменяет философию, на что сразу же получил негативные ответы от философов. Внимательно изучив состав общей теории систем, можно заметить, что она включает в основном формализованные науки, с помощью которых можно изучать простые системы. Для исследования сложных систем применяется качественный анализ, который как раз есть у философов.

В своей книге «Общая теория систем. Критический обзор» [3] Берталанфи описывал общие черты методологии биологической, социальной и бихевиоральных областей научного познания и даже выделил один раздел теории личности, которая описывает системный подход к анализу психологии и поведения человека. Он посчитал нужным также вставить в свой обзор раздел, посвященный проблеме познания «тех высших сил и пока еще весьма смутно определяемых явлений, которые обычно называют человеческой культурой и цивилизацией». Этой фразой автор называет разговоры о том, что называется «философией истории», но он сам называет это «теоретической историей». Берталанфи утверждает, что, хотя теория систем не может дать историкам «конечных решений» их проблем, она дает им «здравую методологическую установку», так как тянет нить, связывающую науку и гуманитарные дисциплины, в частности, социальные науки и историю. Но, несмотря на это, западные ученые подхватили его идеи и использовали их в менеджменте.

После таких заявлений Берталанфи все-таки не стал провозглашать теорию как всеохватывающую. У него был определенный интерес к истории философии и современным историческим проблемам, но он не был профессионально связан с гуманитарными науками и просто не смог бы выработать методологию, специально направленную на гуманитарный цикл.

В книге «Общая теория систем. Основы, развитие, применение» [14] Берталанфи высказывался о происхождении общей теории систем как результате конфликта между механицизмом и витализмом. Ни то, ни другое для него было неприемлемо, так как первая точка зрения казалась тривиальной, а вторая – антинаучной. Он говорил: «В этих условиях я был вынужден стать защитником так называемой организмической точки зрения. Суть этой концепции можно выразить в одном предложении следующим образом: организмы суть организованные явления, и мы, биологи, должны проанализировать их в этом аспекте. <...> Одним из результатов, полученных мною, оказалась так называемая теория открытых систем и состояний подвижного равновесия, которая, по существу, является расширением обычной физической химии, кинетики и термодинамики. Оказалось, однако, что я не смог остановиться на однажды избранном пути и был вынужден прийти к еще большей генерализации, которую я назвал общей теорией систем. Эта идея относится к весьма давнему времени – я выдвинул ее впервые в 1937

году на семинаре по философии, проходившем под руководством Чарльза Морриса в Чикагском университете. Но в то время теоретическое знание, как таковое, пользовалось плохой репутацией в биологии, и я опасался того, что математик Гаусс однажды назвал “крикливостью”. Поэтому я спрятал свои наброски в ящик стола, и только после войны впервые появились мои публикации по этой теме» [14].

Берталанфи выделял ряд научных областей, которые стремятся к осуществлению целостности систем, которые делятся на несколько составляющих. Теоретическая составляющая включала в себя кибернетику, теорию игр, теорию информации, теорию решений, реляционную математику, факторный анализ. Прикладная составляющая разделялась на системотехнику, исследование операций, инженерную психологию [3].

Кибернетика основывается на принципе обратной связи или круговых причинных цепях, а также она открывает механизмы целенаправленного и самоконтролируемого поведения системы. Теория информации предлагает понятие «информация» как количество чего-то и развивает принципы передачи информации. Теория информации на сегодняшний день достаточно актуальна, так как человечество живет в информационно-цифровом обществе и поток информации огромен. Следующая научная область – теория игр. Она анализирует рациональную конкуренцию нескольких противодействующих сил в рамках особого математического аппарата и выявляет максимальный выигрыш и максимальный проигрыш. Теория решений анализирует практически по такому же принципу, как и теория игр, но только она рассматривает рациональные выборы внутри человеческих организаций и основывается на рассмотрении возможных исходов. Реляционная математика, по-другому называемая топологией, основывается на неизмеряемых областях знаний, таких как теория графов и теория сетей. Факторный анализ состоит из процедур изоляции, то есть работает посредством математического анализа в психологических явлениях, содержащих большое количество переменных, что применимо и к другим научным областям.

По критическому анализу [3], все вышеприведенные теории имеют общие черты. Например, все они сходятся в том, что необходимо решать проблемы, характерные для бихевиоральных и биологических наук и не имеющие отношения к обычной физической теории. Также они вводят новые по сравнению с физикой понятия и модели, например, обобщенное понятие системы, понятия информации, которое сравнимо по значению с понятием энергии в физике. Следующий общий фактор – это то, что они имеют дело с проблемами со многими переменными. Модели, вводимые этими теориями, по своему характеру являются междисциплинарными, поэтому они выходят далеко за пределы, сложившееся в науке. Например, основные понятия кибернетики выходят из специальных областей современной техники, но все это начиналось с обычного термостата, поддерживающего температуру, а потом привело к сервомеханизму и автоматике. Подобные схемы можно наблюдать и в биологических явлениях регулирования или поведения.

Еще одно сходство наблюдается в том, что опонятиях «целостность», «организация», «телеология», «направленность функционирования» ранее в науке сложилось представление как о метафизических или ненаучных, сейчас же они получили полные права и рассматриваются как важные средства научного анализа.

Автор говорил, что все вышеперечисленные подходы «не должны рассматриваться как монополярные», а должны использоваться совместно, и призывал признать то, что уникальная и всеохватывающая картина мира существует. Например, какие-то явления можно изучить, применив кибернетику, а другие – общую теорию систем.

Общая теория систем, используемая Людвигом фон Берталанфи, является методологической концепцией, которая представляет закономерности строения, развития и функционирования систем. Данная теория подразумевает поиск соответствий в нескольких системах для того, чтобы познать законы одной системы, зная законы другой, вне зависимости друг от друга. Самая главная идея Л. Берталанфи – изоморфизм законов, т. е. соотношение объектов, которое позволяет выявить общность их строения.

С опорой на труды Александра Богданова были выделены задачи теории: определить общие законы и принципы поведения систем; заложить основы для синтеза научного знания, учитывая изоморфоз законов, которые относятся к разным сферам деятельности. Именно такой подход был назван «перспективизмом», также его рассматривали как альтернативу «редукционизму».

В рамках общей теории систем было выдвинуто свойство эквифинальности – способности достигать цели независимо от нарушений или случайных изменений среды на начальных этапах развития [14]. Это свойство необходимо учитывать при планировании организованных изменений. Например, руководитель всегда имеет возможность выбора вариантов, каждый из которых и есть «правильный», а именно приводит к нужному преобразованию. Также Берталанфи смог объединить в единую концепцию принципы изоморфизма, организации и целостности.

Совместно с единомышленниками был разработан специальный аппарат, позволявший описывать «поведение» открытых систем. Поведение систем описывается с помощью теологических уравнений, показывающих характеристики поведения системы в тот момент времени, когда происходит отклонение от конечного состояния, к которому стремится система.

Одним из самых важных достижений Берталанфи стало разделение систем на открытые и закрытые. С открытыми системами работа проходит при помощи динамического подхода, или, по-другому, «текучего равновесия». Открытые системы имеют свойство эквифинальности. С закрытыми же системами работают с использованием механического подхода.

Еще одно разделение систем – на живые и неживые. Живые обязательно обладают биологическими функциями, например, рождение, смерть, воспроизводство. Неживые могут принимать на себя свойства «рождение»

и «смерть», но их нельзя характеризовать в биологическом смысле. В итоге живые и неживые системы различаются по способу организации частей, а не в самих частях [12].

Берталанфи считал, что системный подход в полной мере можно использовать в социальных системах, в том числе и в бизнес-организациях. Аналитики заметили, что если в бизнес-компании нет определенной системы в управлении, то бизнес обречен на неудачу.

Подводя итоги анализа сущности системного подхода, можно сказать следующее. На сегодняшний день понятие «система» и принцип системности играют достаточно важную роль в жизни человека. Все в этом мире системно, и, чтобы познать его, необходимо уметь выделять частичное из общего или же наоборот, пробовать объединить частицы в одну единую систему.

Общий прогресс науки проходит неравномерно, так как всегда есть моменты, которые развиваются быстрее, а есть те, которые запаздывают, и в связи с этим появляется потребность в более детальном изучении запаздывающего фактора, чаще всего требующего особого подхода к исследованию. Разделение большой системы на более мелкие подсистемы решает данный вопрос.

Характеристики подсистемы определяют требования, предъявленные к самой системе, стоящей на более высокой ступени иерархии. Следует обратить внимание на компоненты, из которых строится система.

Берталанфи, подчеркивая, что система – это структура, элементы которой действуют друг на друга, говорил: «Система – это набор взаимодействующих элементов» [14]. Другие определения системы имеют схожее содержание.

Системный анализ позволяет облегчить понимание процессов, происходящих в мире. Но самое главное, для чего служит системный анализ, – превращение экспериментальной науки в аналитическую. Различие между экспериментом и аналитикой достаточно весомое. Эмпирическое познание предлагает определенные факты, но совсем не объясняет их. Аналитическое знание в сочетании с эмпирическим может предоставить факты, объяснить их и спрогнозировать. Такой путь дает большое количество преимуществ.

Говоря о позитивной роли системного подхода, можно выделить несколько основных моментов. Первым таким моментом является то, что понятия и принципы системного подхода выявляют более широкую реальность познания, в отличие от той, которая была до введения подхода. Далее, системный подход содержит в себе, в отличие от предшествующих, инновационную схему объяснения, основой которой является поиск определенных механизмов целостности объекта и выявление полного списка типов связей. Однако такая функция связана с некоторыми трудностями, а именно для эффективного исследования недостаточно установить наличие разных связей в объекте, но все эти связи необходимо изобразить как логически однородные для их успешного сравнения и сопоставления. С этой задачей исследователи успешно справились. Также системный подход является общенаучным направлением в современной методологии. Широкий спектр

принципов и основных понятий ставит системный подход в тесную связь с другими общенаучными направлениями.

Введенное понятие общей теории систем было подвержено множеству изменений в работах Л. фон Берталанфи и других ученых. Из-за этого можно полагать, что с течением времени происходило колоссальное расширение задач для этой теории, но практически не менялись научно-концептуальный аппарат, средства и методы. Теория систем не является теорией в традиционном понимании, ее можно охарактеризовать как междисциплинарную область или же особый подход.

Была и критика общей теории систем, так как существовала неопределенность с теоретической основой и отсутствовали связи с научными дисциплинами. Берталанфи хотел сделать теорию вездесущей, но потом дал лишь идеи и основные принципы системы, чтобы их возможно было использовать в других областях научного знания.

Сегодня, при стремительном развитии технологий и увеличении скорости появления все новой и новой информации, можно наблюдать, что теория вышла за рамки своих первых положений и постепенно перетекла в теорию хаоса. Теория хаоса подразумевает, что сложные системы очень зависимы от тех условий, которые были заданы вначале, и всего лишь небольшие изменения уже смогут привести к абсолютно непредсказуемым последствиям. Хаос может стать следующей веткой эволюции системного подхода, которая будет делать акцент на большую сложность и динамичность систем, и необходимо будет сделать так, чтобы этот «хаос» стал управляемым.

В заключение хочется сказать, что системный анализ и, в частности, общая теория систем, которая активно обсуждалась до конца XX в., внесли большой вклад в прогресс современной науки и техники. Общая теория систем позволяет сформулировать общие методологические принципы, не подменяя специальные теории и концепции. Многие ученые подхватили идеи Берталанфи и, основываясь на них, стали строить свои теории для систем, что позволяет исследовать быстро развивающийся современный мир.

Список литературы

1. *Акофф Р.* О целеустремленных системах. – М. : Сов. радио, 1974. – 272 с.
2. *Берталанфи Л. фон.* Исторический статус общей теории систем // Системные исследования. Ежегодник 1973. – М., 1973. – С. 20–37 [Электронный ресурс]. – URL: https://systems-analysis.ru/assets/systems_research_1973.pdf (дата обращения: 23.02.2022).
3. *Берталанфи Л. фон.* Общая теория систем: критический обзор. – М. : Прогресс, 1969. – 520 с.
4. *Берталанфи Л. фон.* Очерк общей теории систем // Британский журнал философии науки. Вып. 1, № 2 (август 1950 г.). – С. 134–165.
5. *Блауберг И.В.* Системный подход как предмет историко-научной рефлексии // Системные исследования. Ежегодник 1973. – М., 1973. – С. 7–19.

6. *Богданов А.А.* Тектология: всеобщая организационная наука. – 3-е изд., перераб. и доп. – М., 1989 [Электронный ресурс]. – URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/5909/5914#t25> (дата обращения: 16.04.2022).
7. *Ван Гиг Дж.* Прикладная общая теория систем. Т. 1. – М. : Мир, 1981. – 336 с.
8. *Винер Н.* Кибернетика и общество : сборник. М. : АСТ, 1982. – (Наука: открытия и первооткрыватели) [Электронный ресурс]. – URL: <https://monster-book.com/reader/35821> (дата обращения: 03.05.2022).
9. Исследования по общей теории систем : сборник переводов / общ. ред. и вступ. ст. В.Н. Садовского и Э.Г. Юдина. – М. : Прогресс, 1969. – С. 23–82 [Электронный ресурс]. – URL: http://grachev62.narod.ru/bertalanffy/bertalanffy_1.html (дата обращения: 14.05.2022).
10. *Нейман Дж. фон.* Теория самовоспроизводящихся автоматов. – М. : Мир, 1971. – 386 с.
11. *Садовский В.Н.* Общая теория систем // Центр гуманитарных технологий, 2002–2022 [Электронный ресурс]. – URL: <https://gtmarket.ru/concepts/7102> (дата обращения: 25.03.2022).
12. *Фомина Ю.А.* Исследование теории К. Маркса на основе системного подхода // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – 2013. – № 4. – С. 22–27 [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-teorii-k-marksa-na-osnove-sistemnogo-podhoda-chast-i-teoriya-kapitalizma> (дата обращения: 15.04.2022).
13. *Шеннон К.* Работы по теории информации и кибернетики. – М. : Изд-во иностр. лит., 1963 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.d54x.ru/books51/02/Шеннон%20К.%20Работы%20по%20теории%20и%20информации%20и%20кибернетике.pdf> (дата обращения: 10.05.2022).
14. *Von Bertalanffy L.* General System Theory. Foundations, Development, Applications. – N. Y., 1968. – 289 с. [Электронный ресурс]. – URL: https://monoskop.org/images/7/77/Von_Bertalanffy_Ludwig_General_System_Theory_1968.pdf (дата обращения: 24.02.2022).

УДК 141

DOI: 10.24412/2308-7196-2022-2-18-25

Юлия Дмитриевна Еремеева

аспирант кафедры философии и общественных наук

*ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», Пермь, Россия
614990, Пермь, ул. Сибирская, 24, 89922081430, e-mail: eremyl@mail.ru*

ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА

Julia D. Eremeeva

Post-graduate student of the Department of Philosophy and Social Sciences

*Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
«Perm State Humanitarian Pedagogical University»
24, Sibirskaja, 614990, Perm, Russia, e-mail: eremyl@mail.ru*

HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS OF A SYSTEMATIC APPROACH

Аннотация. Представлены предпосылки становления системного подхода: а) анализ историко-философских аспектов исследований систем, б) вклад ученых в изучение систем (по областям знаний).

Ключевые слова: системный подход, исследование систем, познание.

Abstract. The article presents the prerequisites for the formation of a systematic approach: a) analysis of historical and philosophical aspects of systems research, b) the contribution of scientists to the study of systems (by fields of knowledge).

Key words: system approach, systems research, cognition.

Системный подход – философское и методологическое направление науки, в его основе лежит исследование объектов как систем.

Системный подход считается общепринятым в науке. Он выступает средством формирования целостного мировоззрения, в котором человек чувствует неразрывную связь со всем окружающим миром, благодаря этому создается новое мышление. Основание системного подхода – признание целостности сложных объектов, их границ и наличия внутренних и внешних связей. Общая теория систем распространяет эти фундаментальные признаки на все системные объекты действительности [2].

Понятие «системный подход» окончательно устоялось и нашло употребление в середине XX в., однако идеи системных исследований объектов мира и процессов познания возникли еще в античной философии благодаря Платону (427–347 до н. э.) и Аристотелю (384–322 до н. э.). В философии Нового времени системы изучались Иммануилом Кантом (1724–1804) и Георгом Вильгельмом Фридрихом Гегелем (1770–1831). Чарльз Дарвин (1809–1882) создал теорию биологической эволюции, где были сформулированы не только идея, но и представление о действительности надорганизменных уровней организации жизни (важная предпосылка системного мышления в биологии), а Карл Маркс (1818–1883) исследовал системы в экономической структуре капиталистического общества.

Эрик Григорьевич Юдин (1930–1976) – советский ученый, посвятивший свои труды проблемам методологии науки и философии системных исследований. Э.Г. Юдин считается одним из первопроходцев в развитии российских исследований систем. Он сыграл ключевую роль в разработке исходных представлений и концепций системного подхода (совместно с Игорем Блаубергом, Владимиром Лефевром, Вадимом Садовским и Георгием Щедровицким). С точки зрения Э.Г. Юдина, специфика системного исследования определялась «выдвижением новых принципов подхода к объекту изучения, новой ориентации всего движения исследователя. В самом общем виде эта ориентация выражалась в стремлении построить целостную картину объекта» [2].

Мы осветим историко-философские основания системного подхода как метода научного познания, отталкиваясь от анализа работы И. Блауберга и Э. Юдина «Становление и сущность системного подхода».

Развитие науки Нового времени привело к отказу от ряда предпосылок мировоззрения, которые сформировались еще в античной философии, были выдвинуты новые принципы познания. Важно отметить концепции элементаризма и механицизма.

Концепция элементаризма исходила из постулата онтологии об элементарных «кирпичиках», из которых состоял каждый действительный объект. Она не только породила определенное представление о структуре мироздания, но и сформировала направления исследований науки. Например, при изучении функций психики или объектов живой природы выдвигалось требование: найти среди всех объектов простейший, который невозможно будет разложить в ходе дальнейших исследований. Таким образом, при рассмотрении сложных объектов первоначальной необходимостью было их разделение на более простые. В свою очередь, целые объекты сводились к их составным и неделимым частям, а если исследователь не находил первичного простого элемента, то это означало, что познание было невозможно [2].

Противоположность концепции элементаризма – концепция целостности. Она приводила к несводимости сложного объекта к более простому, целого – к его составным частям, а также к наличию у целостного элемента таких

характерных свойств и качеств, которые никак не отнесутся к его частям и основания которых необходимо искать уже за пределами разума [2].

Многие науки довольно долгое время развивались под явным преобладанием концепции элементаризма. Причинами этого стало следующее:

- разложение неизвестного объекта на элементы. Изучение каждого элемента отдельно друг от друга, что потом приводит к синтезу и выявлению общих законов связи всех составных частей в единое целое;

- реализация концепции элементаризма позволяла находить базис единства у объектов самой разной природы; например, формулирование законов классической механики стимулировало обширное развитие абсолютно всех наук Нового времени;

- концепция элементаризма имела преимущества в логическом мышлении, которое устоялось еще во времена античности и было создано на схеме родо-видовых отношений Аристотеля.

Однако осознание недостаточности концепций элементаризма и целостности нашло полное проявление в теории познания Иммануила Канта. Он осуществил критическую оценку форм рассудка, совершив важный подход к пониманию зависимости познания не только от его исследовательского объекта, но и от форм мышления. Таким образом, познание не могло больше признаваться как простое отражение действительности без учета мышления, которое создавало формы процесса познания. Последователи И. Канта (Георг Гегель, Иоганн Готлиб Фихте и Фридрих Вильгельм Йозеф фон Шеллинг) сформулировали вид нового принципа познания – диалектический способ мышления [2].

Подробный анализ концепции Георга Гегеля установил, что она оказалась достаточно мистифицированной и неконструктивной, но благодаря ей зародилась новая методология научного мышления, которая ориентировала на поиск внутренних «механизмов» и развитие сложных объектов действительности [2].

Важный подход к развитию устоявшихся принципов мировоззрения науки был связан с критической оценкой концепции механицизма и увеличением на ее основе представлений о причинности. Одно из оснований мировоззрения механицизма – принцип однозначного детерминизма – убеждение, что каждый процесс может быть объяснен определенными связями, где всякая причина формирует единственное следствие. Познание, которое опиралось на данный принцип, передвигалось строго в рамках дихотомии «необходимость – случайность». Это было связано с подходом концепции элементаризма к действительности и объяснением каждого явления из соединения простейших и неразложимых факторов [2].

Критическая оценка общего базиса классической науки, преодоление кризиса, который в XIX–XX вв. охватил научное познание, и попытка поиска позитивного подхода к решению новых задач науки сформировали принципы методологического направления научных исследований – системного подхода [2].

Кризис методологии научного познания подвергся подробному изучению и анализу. В естествознании он был связан с преобразованием основных постулатов мировоззрения классической науки и выдвиганием новых принципов познания. Результат кризиса – революция в естествознании, которая случилась из-за достаточного накопления нового эмпирического материала и радикального пересмотра понятийного аппарата в центральных областях знаний. Например, при создании теории относительности Альберта Эйнштейна (1879–1955) возникла необходимость включения в нее неевклидовой геометрии с новой аксиоматикой [2].

Кризис социального познания сформировался следующим образом:

- обнаружением несоответствий в развитии различных типов культуры и обострением социальных переворотов, которое нашло выражение в росте массовых движений разного рода; они побудили отказаться от представлений о характере линейной однородности развития общества и выдвинули проблему целостного и многоаспектного изучения движений культуры;
- накоплением сравнительно-исторических данных, которые относились к различным типам культуры; оно показало ограниченность представлений о возможностях развития человечества и поставило новую проблему оснований и источников культуры.

Изменения в решении проблем, которые были поставлены научными исследованиями, породили изменения типа задач науки. В научном мире наблюдался скорый рост удельного веса и роли задач синтеза. Переход от дисциплинарного к проблемному способу постановки и решению задач науки и развитие междисциплинарных исследований и комплексных научных дисциплин стали основным выражением нового подхода. Еще одна характерная особенность науки была связана с колоссальным ростом роли сравнительно-типологических исследований, которые получили широкое распространение и в естествознании, и в гуманитарных науках, а именно в языкознании, этнографии, истории и культурологии. Так, задача синтеза преобразовалась в сравнительно-типологический анализ, который выполнял функцию содержательно-теоретической и логической организации обширного и разветвленного научного материала. Для уровня постановки таких задач был важен специфический переход от разнообразных эмпирических классификаций к теоретически доказанным и обоснованным системам типологии. Например, биологическая таксономия стала высокоразвитой дисциплиной благодаря использованию методов и аппарата математики [2].

Синтез, который стал простым в методологическом плане, создавался на основе представления объекта изучения в виде функции: различные характеристики объекта собирались в целостную картину при помощи системы функций. Функция имела не математический, а в биологический смысл, как некоторая взаимосвязь, определяющая порядок включения составной части в единое целое. Совокупность функций позволяла представить объект изучения как иерархическую систему организации, в то же время функциональный подход осуществлял возможность перехода от понятия морфологии к понятию

структуры – от представления о строении объекта к представлению о его организации. В этом была заключена возможность дальнейшего выстраивания предметного содержания [2].

Структурный подход зародил проблемные задачи, связанные с порядком и организацией. Результат признания методологии данного подхода – развитие понятия о связях и их типологии, что непосредственно способствовало созданию методологических предпосылок для перехода к понятию системы как ведущему в ориентации научного исследования [2].

Системный подход изначально нашел свое применение в биологии и технике. Системные исследования в данных сферах практически не взаимодействовали друг с другом. Однако довольно быстро выяснилась общность некоторых существенных принципов анализа систем, и после этого можно было полагать, что системный подход – единое методологическое направление. По мере развития системного подхода возникали попытки распространения его идей на целый ряд разнообразных областей знаний, включающих анализ поведения и деятельности объектов живой природы [2].

Веская причина происхождения системных идей в биологии – признание неполноты категорий эволюционного подхода для объяснения таких явлений, как рост, регенерация и экологическая организация. В дополнение к идее развития была выдвинута концепция системности и организованности. Она нашла свое применение и оказалась плодотворной в дисциплине, которая получила название «теоретическая биология». Так, был сформулирован ряд важных принципов общебиологической организации, дана глубокая постановка проблемных задач соотношения организации и эволюции и разработана идея структурных уровней организации живой материи [2].

Среди отдельных биологических дисциплин наибольшее распространение системный подход получил в экологии, генетике, молекулярной биологии и физиологии, а именно физиологии высшей нервной деятельности. С системными идеями были связаны исследования в области биологической систематики и таксономии. Методологическое значение системного подхода в этих дисциплинах выразилось в ориентации исследований на выявление и анализ различных типов связей систем, которые изучались [2].

Уместен и пример, который связан с созданием теории эволюции в биологии. Процесс возникновения теории был ознаменован введением идей Чарльза Дарвина о развитии биологической науки. Методологическая предпосылка – перестройка принятой системы понятий, а именно переход от концепции организма к концепции вида [7].

Системный подход в технической сфере также был успешно определен. Техника всегда являлась системой со сложными механизмами, поэтому это и стало ее основным объектом. Например, системы управления производством, транспортом и связью, системы обеспечения космических полетов, системы управления крупными научно-техническими разработками и оборонные системы разного масштаба. Способы конструирования техники были

системными и предполагали строгую координацию в работе всех исполнителей. Благодаря этому развитие научно-технического мышления оказалось связанным со всеми стадиями научно-технической деятельности, начиная с фундаментальных исследований и заканчивая техническими приложениями. Это развитие опиралось на взаимодействие большого ряда научных и технических дисциплин, т. е. было междисциплинарным. Научно-техническая революция стала переходом от технических изделий к техническим системам [2].

Практика решения комплексных проблемных задач в сфере управления породила особую методологию, которая получила название «системный анализ». Данная методология возникла под влиянием идей системного подхода: стремления с максимальной полнотой учесть все входные и выходные характеристики объекта, т. е. рассмотрения объекта как системы междисциплинарного подхода, которая решала проблемы управления. Системный анализ носил прикладной характер, т. к. для каждой проблемы строилась своя собственная методология, которую нельзя было применять для решения другой проблемы, хотя они были и похожи по структуре [2].

В социально-экономической сфере можно выделить «Капитал» (1867) как первую работу, в которой была реализована методология исследования сложного объекта, а Карла Маркса назвать первым успешным аналитиком сложной системы, который построил для этого логико-методологический аппарат. В его уникальном исследовании результат достигался за счет многостороннего воспроизведения структуры объекта на основе метода восхождения от абстракции к конкретике. Структурное понятие «клеточки» (такое название было дано товару) не являлось ни «атомом», ни «единым целым», а было действительным компонентом экономической системы, открытие которого позволило реализовать новый тип теоретического движения по предмету исследования. «Клеточка» имела не только сущность, но и структуру объекта изучения. Ее невозможно было рассмотреть как составную часть или единое целое [2].

Поэтапное преобразование философских и методологических оснований познания науки, вынесение и конкретизация новых принципов ориентации исследования становились предметом признания в специальных областях знаний.

На этой основе в XX в. был предпринят целый ряд попыток построить специально-научные концепции, которые опирались на новые идеи методологии:

1. Проблемно-содержательные теории – отношение к действительности, ее воспроизведение. Например, теоретическая кибернетика Норберта Винера (1894–1964).

2. Универсальные системы – выявление универсальных ролей мышления из анализа науки, ее форм и сдвигов в постановке проблем. Например, общая теория систем Людвиг фон Берталанфи (1901–1972).

3. Концепции методологии – совокупности процедур исследования, которые имеют четкие алгоритмы. Они применимы к обширному кругу

явлений (структурализм в языкознании и этнографии, структурно-функциональный анализ в социологии, системный анализ при решении проблем управления).

4. Универсальные формализованные концепции – стремление описать формы действительности или мира в целом в зависимости от точки зрения исследователя. Например, «Целое и развитие в свете кибернетики» Оскара Ланге (1904–1965).

Вышеуказанные концепции не оправдали ожиданий, которые на них возлагались. Они предстали незащищенными от конструктивной критики. Однако каждая концепция внесла определенный вклад в создание нового подхода к изучению сложных объектов – системного подхода [2].

Тезис о системной организации действительности принимался всеми теоретико-системными концепциями, но каждая реализовывала его согласно своим принципам. Так, Кеннет Боулдинг (1910–1993) наметил основания построения онтологии систем:

- «Система систем» – отделение общих признаков и характеристик объектов системы различной физической природы и разной степени сложности;
- «Иерархия систем» по степени возрастания их сложности [3].

Уильям Росс Эшби (1903–1972) представлял онтологию системы следующим образом: в основание общей теории систем должно быть положено представление о множестве всех систем мышления. Например, температура воздуха в комнате, его влажность и курс доллара в Сингапуре составляют систему, если их характеристики можно связать друг с другом. Таким образом, онтология систем У. Эшби – совокупность предельно абстрактных представлений, которые подтверждали характеристики объектов системы безотносительно к их природной конкретике [8].

Базис онтологии в концепции О. Ланге, подобный системе У. Эшби, показал начальный тезис о несводимости единого целого к сумме его составных частей, который реализовался путем придания особого «удельного веса» и самостоятельных функций связям системы [4].

Следующий важный аспект формирования системной «картины мира» образовало создание принципов подхода к объектам системы. Сущность аспекта выразил Анатолий Рапопорт (1911–2007), ссылаясь на известное предостережение Альфреда Норта Уайтхеда (1861–1947) об истощении интеллектуального капитала – базиса науки. А. Рапопорт связывал возникновение движения системы с необходимостью выдвижения эффективных альтернатив принципам мировоззрения концепции механицизма, которые и составляли этот оскудевающий капитал [5].

В другой работе Анатолий Рапопорт в качестве альтернатив рассматривал группы принципов:

- организмические идеи в биологии;
- подход к построению кибернетических систем в технической сфере;
- подход к системам, который был основан на выявлении аппаратом математики строения, функционирования, поведения и развития различных типов объектов систем [6].

Все подходы объединились общим заключением: от осознания недостаточности принципов мировоззрения концепции механицизма совершался ход к поискам новых принципов на основе наук, которые уже существовали. Аппарат базовой дисциплины совершенствовался, но необходимо было обратить внимание на то, что для решения существенно новых задач нужно обратиться к уже известным методам исследования. Такой подход не считался бесперспективным, о чем свидетельствовала практика исследований систем. Он рассматривался как промежуточный этап формирования системной «картины мира» [2].

Подход Рассела Линкольна Акоффа (1919–2009) заметно отличался от идей других ученых. Р. Акофф отказался ориентироваться на научные дисциплины и полагал, что базис методологии системного движения – междисциплинарная сфера, которая органически соединила богатство различных подходов к системе. Такая сфера получила название «исследование операций» [1].

Таким образом, системный подход стал фундаментальным средством изучения сложных объектов действительности. Он, сформулированный идейно еще в античное время, развился до самостоятельного методологического направления. Благодаря этому развитию произошло явное совершенствование научного познания, создание новых теорий и концепций системной «картины мира».

Список литературы

1. *Акофф Р.* Системы, организации и междисциплинарные исследования // Исследования по общей теории систем. – М., 1969.
2. *Блауберг И.В., Юдин Э.Г.* Становление и сущность системного подхода. – М. : Наука, 1973. – 271 с.
3. *Боулдинг К.* Общая теория систем // Исследования по общей теории систем. – М., 1969.
4. *Ланге О.* Целое и развитие в свете кибернетики // Исследования по общей теории систем. – М., 1969.
5. *Рапопорт А.* Математические аспекты абстрактного анализа систем // Исследования по общей теории систем. – М., 1969.
6. *Рапопорт А.* Различные подходы к общей теории систем // Системные исследования : ежегодник. – М., 1969.
7. *Хайлов К.М.* Системы и систематизация в биологии // Проблемы методологии системного исследования. – М., 1970.
8. *Эшби У. Росс.* Общая теория систем как новая дисциплина // Исследования по общей теории систем. – М., 1969.

УДК 141

DOI: 10.24412/2308-7196-2022-2-26-37

Ольга Павловна Янкина

аспирант кафедры логопедии и коммуникационных технологий

*ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», Пермь, Россия
614990, Пермь, ул. Сибирская, 24
Тел: 8-992-229-46-59, e-mail: yankinaop@mail.ru*

**КОНЦЕПЦИЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПРОГРАММ
В ФИЛОСОФИИ НАУКИ И. ЛАКАТОСА****Olga P. Yankina**

Postgraduate student of the Department of speech therapy and communication technologies

*Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
«Perm State Humanitarian Pedagogical University»
24, Sibirskaja, 614990, Perm, Russia*

**THE CONCEPT OF RESEARCH PROGRAMS IN THE PHILOSOPHY
OF SCIENCE BY I. LAKATOS**

Аннотация. Исследуется концепция научно-исследовательских программ И. Лакатоса. Предмет исследования – представления о философско-методологическом знании XX в. и их влиянии на современное социально-гуманитарное знание, мировоззренческую динамику современного общества. Объект исследования – концепция научно-исследовательских программ в философии науки. Рассмотрены этапы жизни и деятельности ученого, а также концепция научно-исследовательских программ Лакатоса, выявлены причины возникновения новой научной парадигмы в XX в., проведена параллель к современности.

Ключевые слова: философия науки, постпозитивизм, позитивизм, концепции, научно-исследовательская программа, философско-методологические знания.

Abstract. This article is devoted to the study of the concept of Lakatos research programs. The subject of the research is the concepts of philosophical and methodological knowledge of the 20th century and their impact on modern socio-humanitarian knowledge, the ideological dynamics of modern society. The object

of the research is the concept of research programs in the philosophy of science. Tasks: to study the life and work of a scientist, to identify the stages of his life, to determine the purpose, objectives, principles, object, subject, as well as to consider the concept of Lakatos research programs, to identify the causes of the emergence of a new scientific paradigm in the 20th century in order to draw a parallel with modernity.

Key words: philosophy of science, postpositivism, positivism, concepts, research program, philosophical and methodological knowledge.

Философия науки без истории науки пуста;
история науки без философии науки слепа.
*Перифразированное И. Лакатосом изречение
Канта*

Термин «философия науки» впервые был использован Е. Дюрингом (1833–1921) в монографии 1871 г. «Логика и философия науки» («Logik und Wissenschaftstheorie»); с XVII в. по начало XIX в. оперировали термином «наукоучение» (Wissenschaftslehre). Сегодня понятием «философия науки» обозначают как направление в истории философской мысли (западной и отечественной), так и философскую дисциплину (наряду с онтологией, гносеологией, аксиологией и др.). Нас интересует первое направление.

«Философия науки» оформилась в отдельную научную дисциплину относительно недавно – в XX в., и сегодня это одна из наиболее динамично развивающихся философских дисциплин [3, с. 4–5]. Здесь необходимо учитывать, что на развитие этой молодой дисциплины влияют, во-первых, достижения тех или иных частных наук, во-вторых, общий социокультурный фон эпохи, в-третьих, теоретические подходы к науке, развитые в рамках философии науки как направления. Ведь если дисциплина представляет собой собственно философскую трактовку науки, то результат таковой трактовки не может не зависеть от той исходной философской позиции, с которой осуществляется «философская рефлексия над наукой, философская интерпретация структуры, развития и содержания как науки в целом, так и отдельных научных дисциплин» [9, с. 2].

Представители философии науки должны учитывать плюрализм философского знания, в контексте которого на базе каждого течения философии как таковой формируется течение философии науки. Поэтому можно говорить о позитивистской, постпозитивистской, неокантианской, неорационалистской, марксистской, экзистенциалистской, неотомистской, феноменологической и иных парадигмах философии науки.

Концепции, образующие философию науки в качестве направления, восходят еще к Платону и Аристотелю. Можно согласиться с тем, что именно последним «впервые относительно полно были описаны науки с точки зрения философии, т. е. заложены основы самой философии науки, сама ее возможность». Ставя знак равенства между философией и знанием в целом,

Аристотель выделял в последнем следующие разновидности: «практическую», «творческую» и «теоретическую», которая, в свою очередь, состоит из «математики», «физики» и, наконец, «метафизики», или «первой философии», т. е. области знания, которая сегодня и называется философией как таковой [1, с. 6]. Но важнейшей вехой в развитии философии науки как направления стало появление в 30–40-х гг. XIX столетия позитивизма и в XX в. постпозитивизма.

Основные этапы обозначенного течения с их представителями:

1. Классический позитивизм, основоположниками которого стали О. Конт (1798–1857), Дж. С. Милль (1806–1873), Г. Спенсер (1820–1903).

2. Эмпириокритицизм, представленный в первую очередь Э. Махом (1838–1916) и Р. Авенариусом (1843–1896).

3. Неопозитивизм, представителями которого стали М. Шлик (1882–1936), А. Айер (1910–1989), К. Гемпель (1905–1998), К. Гедель (1906–1978), Р. Карнап (1891–1970), О. Нейрат (1882–1945) и др. [11, с. 3].

Представители постпозитивизма второй половины XX столетия: К. Поппер (1902–1994), Т. Кун (1922–1996), П. Фейерабенд (1924–1994), И. Лакатос (1922–1974), М. Полани (1891–1976) и др. [9, с. 8].

В нашей статье мы рассмотрим научную деятельность Имре Лакатоса.

Философия науки является «сферой» дискуссий. Поэтому исследование работ И. Лакатоса и других деятелей науки периода его деятельности дает нам представление о философско-методологическом знании XX в., конфронтациях и полемиках в научных кругах.

И́мре Ла́катос (по-венгерски *Лакатос* – венг. *Lakatos Imre*, настоящие имя и фамилия – Авру́м Ли́пшиц) – английский философ венгерского происхождения, один из представителей постпозитивизма и критического рационализма.

Лакатос – автор теории и методологии научно-исследовательских программ, в рамках которых вслед за Карлом Поппером развил принцип фальсификации. Теория Лакатоса направлена на изучение движущих факторов развития науки, она продолжает и вместе с тем оспаривает методологическую концепцию Поппера, полемизирует с теорией Томаса Куна [4, с. 12]. Концепции Т. Куна и И. Лакатоса оказались самыми влиятельными концепциями развития науки в XX в. [7, с. 2].

К XX в. накопилась масса противоречий в области научных исследований. Научные подходы требовали изменений, смены парадигмы. И. Лакатос предложил новый подход к изучению и систематизации знаний. Первично это произошло в области философии математики в результате стремительного развития метаматематики.

Если перефразировать Канта: «История математики, лишившись руководства философии, сделалась слепой, тогда как философия математики, повернувшись спиной к наиболее интригующим событиям истории математики, сделалась пустой», – то возникает новый тезис, созданный

Лакатосом: «Философия науки без истории науки пуста; история науки без философии науки слепа» [6, с. 9].

Более двух тысяч лет идет спор между догматиками и скептиками. Догматики утверждают, что силой нашего человеческого интеллекта и чувств (или только одних чувств) мы можем достичь истины и узнать, что мы ее достигли. Скептики утверждают, что мы совершенно не можем достичь истины (разве только при помощи эксперимента) или что если даже сможем достичь ее, то не можем знать, что мы ее достигли. В этом большом споре, в котором время от времени аргументы осовременивались, математика была гордой крепостью догматизма. Большая часть скептиков примирилась с догматистской теорией познания. Бросить этому вызов давно уже стало необходимым [10, с. 2].

Цель изменений – в установлении положения о том, что наука «не развивается как монотонное возрастание количества несомненно доказанных теорем, но только через непрерывное улучшение догадок при помощи размышления и критики» [5, с. 8].

Всего в XX в. выстроилось четыре «логики открытия» (индуктивизм, конвенционализм, методологический фальсификационизм, методология научно-исследовательских программ), противоречащих друг другу. Только концепция о научно-исследовательских программах Лакатоса давала ученым возможность двигаться дальше, используя и дополняя полученные веками знания.

Таким образом, можно увидеть, что к XX столетию накопилось множество проблем (частных и общих) в области научных исследований, которые необходимо было решить, чтобы двигаться в науке дальше, поскольку старые догматы логического позитивизма стали очевидно губительны для истории и философии, сложившийся тезис Лакатоса показывает это. И. Лакатос предложил новый подход к изучению и систематизации знаний.

Согласно методологической концепции, исследовательские программы являются величайшими научными достижениями и их можно оценивать на основе прогрессивного или регрессивного сдвига проблем. При этом одна исследовательская программа вытесняет другую, при условии, что она является более прогрессивной. Эта методологическая концепция предлагает новый способ рациональной реконструкции науки. Данную методологическую концепцию легче всего изложить, противопоставляя ее фальсификационизму и конвенционализму, у которых она заимствует существенные элементы. У конвенционализма эта методология заимствует разрешение рационально принимать по соглашению не только пространственно-временные единичные «фактуальные утверждения», но и пространственно-временные универсальные теории, что дает нам важнейший ключ к пониманию непрерывности роста науки. В соответствии с концепцией фундаментальной единицей оценки должна быть не изолированная теория или совокупность теорий, а «научно-исследовательская программа». Последняя включает в себя конвенционально принятое «жесткое ядро» и «позитивную эвристику», которая определяет

проблемы для исследования, выделяет «защитный пояс» вспомогательных гипотез, предвидит аномалии и победоносно превращает их в подтверждающие примеры. Все это производится в соответствии с заранее разработанным планом. Ученый видит аномалии, но не они, а позитивная эвристика его программы – вот что в первую очередь диктует ему выбор проблем. И лишь тогда, когда активная сила позитивной эвристики ослабевает, аномалиям может быть уделено большее внимание.

В результате методология исследовательских программ может объяснить высокую степень автономности теоретической науки, чего не может сделать несвязанная цепь предположений и опровержений фальсификациониста. Согласно методологии научно-исследовательских программ, никакое принятое базисное утверждение само по себе не дает ученому права отвергнуть теорию [8, с. 16].

Необходимо указать на то, что методология научно-исследовательских программ в сравнении с конвенционализмом Дюгема является более актуальной. Исследовательская программа считается прогрессирующей тогда, когда ее теоретический рост предвосхищает ее эмпирический рост, т. е. когда она с некоторым успехом может предсказывать новые факты, и программа регрессирует, если ее теоретический рост отстает от ее эмпирического роста, то есть когда она дает только нестройные объяснения случайных открытий либо фактов, предвосхищаемых и открываемых конкурирующей программой. Если исследовательская программа прогрессивно объясняет больше, нежели конкурирующая, то она «вытесняет» ее, и эта конкурирующая программа может быть устранена или отложена («в рамках исследовательской программы некоторая теория может быть устранена только лучшей теорией, то есть такой теорией, которая обладает большим эмпирическим содержанием, чем ее предшественница, и часть этого содержания впоследствии подтверждается») [8, с. 16].

Таким образом, научный прогресс выражается скорее в осуществлении верификации дополнительного содержания теории, чем в обнаружении фальсифицирующих примеров. Эмпирическая «фальсификация» и «реальный отказ» от теории становятся независимыми событиями. До модификации теории мы никогда не знаем, как бы она могла быть «опровергнута», и некоторые из наиболее интересных модификаций обусловлены «позитивной эвристикой» исследовательской программы, а не аномалиями. Одно только это различие имеет важные следствия и приводит к рациональной реконструкции изменений в науке, совершенно отличной от реконструкции, предложенной Поппером.

В этой методологической концепции не может существовать никакой обязательной рациональности, как и в дюгемовском конвенционализме. Ни логическое доказательство противоречивости, ни вердикт ученых об экспериментально обнаруженной аномалии не могут уничтожить исследовательскую программу. Никакие преимущества одной из сторон нельзя рассматривать как абсолютно решающие. Однако важной частью будет

являться условие, что успехи конкурирующих сторон должны фиксироваться и всегда становиться достоянием общественности.

Подобно любой другой методологической концепции, методология научно-исследовательских программ выдвигает свою историографическую исследовательскую программу. Историк, руководствующийся этой программой, будет отыскивать в истории конкурирующие исследовательские программы, прогрессивные и регрессивные сдвиги проблем [11, с. 7].

Таким образом, как бы эти концепции ни отличались друг от друга, все они так или иначе вынуждены опираться на некие узловые, этапные моменты истории науки. Их принято называть научными революциями, связанными со сменой парадигмы, которая развивается под влиянием пространственно-временных, социальных и иных условий.

Концепция И. Лакатоса о методологии научно-исследовательских программ оказалась в итоге самой влиятельной реконструкцией логики развития науки во второй половине XX в.

Целью работ Имре Лакатоса было изменение подхода к некоторым проблемам в философско-методологическом научном знании.

Задача в рамках концепции научно-исследовательских программ Лакатоса состояла, как уже упоминалось, «в установлении положения, что наука не развивается как монотонное возрастание количества несомненно доказанных теорем, но только через непрерывное улучшение догадок при помощи размышления и критики», при помощи четких установок при проведении исследования (составление программы, чтобы исследователь не сбивался с конкретной проблемы и цели). Важнейшая задача методологии, которая должна давать оценки на основе диалектически развитого историографического метода критики, – рост зрелой науки – это смена совокупных теорий, за которыми стоит конкретная научно-исследовательская программа (фундаментальная единица оценки существующих теорий).

Предмет изучения – научно-исследовательская программа (НИП), которую Лакатос воспринимал как серию сменяющих друг друга теорий, объединяемых совокупностью фундаментальных идей и методологических принципов. По его концепции, любая научная теория должна оцениваться вместе со своими вспомогательными гипотезами, начальными условиями и, главное, в ряду с предшествующими ей теориями.

Объектом методологического анализа оказывается не отдельная гипотеза или теория, а серия теорий, т. е. некоторый тип развития.

Основными этапами в развитии последней являлись прогресс и регресс, граница этих стадий – пункт насыщения. Новая программа должна была объяснить то, что не могла старая. Эта методологическая концепция предлагала новый способ рациональной реконструкции науки.

Основной принцип Лакатоса – это соединение философии и истории науки (вновь приведем сформулированное им на основе кантовского изречения важное положение: «Философия науки без истории науки пуста; история науки без философии науки слепа»).

Также И. Лакатос указывал на то, что некоторые величайшие НИИ прогрессировали на противоречивой основе. Таким образом, смена НИИ есть научная революция. Можно сказать, что идея о выявлении и снятии (т. е. разрешении, а не устранении) возникающих в теории противоречий указывала на сильную диалектическую струю в концепции И. Лакатоса о природе научного метода, об источниках и механизмах развития научного знания.

Конец XX в. и начало третьего тысячелетия основываются на создании интегративной системы геополитических связей и зависимостей. Наука приобретает интернациональный характер, и само научное сообщество мыслит себя космополитически. Вместе с тем региональные и функциональные различия науки, обусловленные уровнем экономического, технологического развития, природными ресурсами, вносят определенную специфику в совокупный потенциал развития науки.

Безусловно то, что в современном мире основой технологического могущества становится именно наука. Она мыслится и как надежный инструмент распространения информации для обеспечения государственно-корпоративного уровня управления.

Сегодня можно говорить о сложившейся предметно-дисциплинарной организации науки, фиксировать наличие логико-методологической и теоретико-концептуальной базы современной науки. Налицо двуединый процесс гуманизации позитивного знания и гносеологизации содержания искусства, математизации отдельных областей культуры.

Весьма остро поставлены вопросы: можно ли мир в XX в. назвать миром науки? действительно ли именно она оказывает сильное влияние на все происходящие в мире процессы? в состоянии ли научное производство захватить и заполнить собой весь континуум мировоззренческих отношений? отвечает ли наука за самопонимание и гармонизацию человека? Одним из бесспорных мировоззренческих итогов развития науки в конце XX в. является сам факт существования научного миропонимания, которое стало доминирующим в ареале технократической цивилизации. В основе научного мировоззрения лежит представление о возможности научного постижения сущности многообразных явлений современного мира, о том, что прогресс развития человечества связан с достижениями науки.

Но всеобъемлющее господство научного мировоззрения также представляет собой большую проблему, поскольку сам человек не может толковаться как исключительно рациональное существо: большая часть его импульсов и влечений является «бессознательным». В контексте современной антропологии человек понимается как космо-психо-логос, где тип природы, национальный характер и склад мышления находятся во взаимном соответствии и дополнении.

Острые споры ведутся вокруг проблемы взаимоотношений института власти и института науки.

Современная компьютерная эра требует не только более строгого анализа элементов, форм мысли и языка, чем главным образом занимались

неопозитивисты, но и таких целостных образований, как тексты, документы. Предвосхищением объективной потребности практики (например, проблем создания систем искусственного интеллекта, создания интеллектуального интерфейса (человек-ЭВМ), проблемы автоматического перевода и т. п.) и культур в таком анализе стала философия в рамках своих направлений: структурализма и герменевтики. В последнее время большое распространение получила синергетика.

Для сравнения методологии научно-исследовательских программ XX в. с мировоззренческой динамикой и социально-гуманитарными знаниями современного общества мы рассмотрим данные направления в науке.

Структурализм (строение, порядок, связь) возник в середине XX в. как направление в гуманитарных науках и доминировал в основном во Франции. Структурализм – это такой философский метод, в основе которого лежит идея структуры как совокупности отношений и правил, касающихся ее элементов. Структурализм обращает внимание не на «бытие», а на «отношение». В первую очередь он пытается объяснить человека с позиции его отношений и взаимосвязей, его включенности в остальной мир.

По мнению последователей структурализма, в основе бытия лежат некие базисные структуры – реальность, определяющая ход истории и человеческую судьбу. Человеческая жизнь жестко детерминирована этими структурами. Человек не обладает свободой, его перспективы пессимистичны, а история не имеет никакого прогресса.

Видными представителями структурализма являются К. Леви-Стросс, Ж. Лакан, Ролан Барт, постструктурализма – М. Фуко, Ж. Бодрийяр, Ж. Делез, Ж. Деррида, Ж.-Ф. Лиотар и др. Большинство этих мыслителей внесло значительный вклад и в разработку философской концепции постмодернизма.

Герменевтика, в центре внимания которой проблемы понимания и интерпретации текстов, раскрытия смыслов, оказала определенное воздействие на развитие философии не только гуманитарных, но и естественных наук.

Основателем герменевтики Нового времени считают Фридриха Шлейермахера, который заложил основы герменевтики как общей теории интерпретации. Затем эти взгляды пытался разрабатывать Вильгельм Дильтей, который особое внимание уделял исследованию сущности процесса понимания. Последний он рассматривал как «переживание» в смысле схватывания скрытых смыслов человеческого существования в его исторически переломных этапах. При этом он утверждал, что герменевтика – методология гуманитарного познания: «Природу объясняем, а дух понимаем».

Наиболее известные представители герменевтики – Ханс Георг Гадамер, Поль Рикер, Жак Лакан, Карп Отто Апель и др.

Суть данного направления: основу процесса познания всегда составляет «предварительное понимание», заданное традицией, в рамках которой (по мнению Гадамера) только и можно жить и мыслить; «предпонимание» можно исправлять, корректировать, но освободиться от него полностью нельзя

(поскольку не существует «нулевой точки отсчета»), т. е. процесс познания и исторического, и естественнонаучного не является абстрактно-безразличной констатацией всего, что попадает в наше поле зрения. По Гадамеру, это «предпонимание» основано на «предрассудках» культурной традиции. И именно они, а не рационально-логические моменты определяют сущность человеческого мышления.

Синергетика также выступает мировоззренческим итогом развития науки XX в., ибо она говорит о возможностях нового диалога человека с природой, где самоорганизующееся развитие должно иметь приоритет перед искусственными, спекулятивными и конструкционистскими схемами, претендуя на новый синтез знания и разума. Синергетика перестраивает наше мировосприятие и, в частности, нацеливает нас на принципиальные открытость и плюрализм.

Синергетика возникла в 70-е гг. XX столетия как направление междисциплинарных исследований – исследование закономерностей процесса самоорганизации в системах различной природы. Термин ввел немецкий ученый Г. Хакен.

Как связаны данные направления с НИП Лакатоса? Целью науки, с точки зрения Лакатоса, является защита «жесткого ядра», а не познание действительного мира. Поэтому и изменение теорий в значительной степени зависит от взаимоотношений «жесткого ядра» и «защитного пояса» и не очень зависит от эмпирической действительности. Поэтому обоснование бытия («жесткое ядро») средствами переинтерпретации физических теорий («защитный пояс») в таком случае нельзя отличить от деятельности ученого, познающего истину. В то же время остальные концепции: структурализм, герменевтика, синергетика – включают в себя роли языка, исследователя, социума и культуры, взаимосвязей человека в условиях программы. При этом синергетическая модель начинает отрицать количественно-качественные системы, методологии.

Таким образом, можно увидеть разницу в подходах к реализации НИП. При этом структура НИП Лакатоса является базовым компонентом НИП современности, до настоящего времени используется в научных исследованиях различного плана: гуманитарных, социальных, естественнонаучных др.

Существенным дополнением к НИП Лакатоса (стимулирующим фактором развития науки, с одной стороны, и фактором, обеспечивающим преемственность этого развития, – с другой) являются «темы», как их называет Холтон (т. е. проблемы). «Темы» включают в себя понятия, гипотезы, методологии, представляющие собой неявные предпосылки, эвристические правила, определяющие постановку вопроса, программу исследований, способы решения фундаментальных проблем, а также выражают личную оценку, индивидуальное предпочтение, отдаваемое ученым той или иной гипотезе, проблеме, теории.

«Темы» практически не меняются во времени и пространстве. Функция «тематического анализа» во многом родственна структурному анализу, что,

по мнению Холтона, может привести к открытию глубинных черт сходства между естественнонаучным и гуманитарным мышлением. В качестве всеобщих определений человеческого интеллекта «тематические структуры», считает Холтон, надисторичны (не зависят от конкретно-исторического развития науки). Однако следует обратить внимание на то, что фундаментальные научные проблемы («темы») далеки по своему происхождению и характеру от тех структурообразующих элементов. Самое существенное в научных проблемах – это не их устойчивость, а их развитие. Даже для определенного отрезка времени, когда эти проблемы действительно создают структуру науки данного периода, они служат не столько кристаллической решеткой науки, сколько точками роста, центрами кристаллизации нового знания. Поэтому в научных темах, как и в понятиях, следует видеть не только преемственность, но и качественные преобразования. В акте познания присутствует также существенный вклад познающей личности, и эта добавка – не свидетельство несовершенства, но насущно необходимый элемент знания.

Известно, что темы рассматриваются исследователем с личной позиции субъекта. Именно мировоззрение субъекта влияет на научную деятельность исследователя. Со сменой парадигмы мировоззрение субъектов менялось под воздействием научной революции и социально-культурных изменений в обществе. В настоящее время наука и философия глубоко вошли в гуманитарные, естественнонаучные, социальные и культурные слои общества, пытаясь объяснить природу вещей. Но подход, структура НИП, созданная Лакатосом, остались. Благодаря данному подходу базовая структура НИП Лакатоса сохранилась и применяется (в видоизмененном состоянии) в современном мире, продолжая влиять на рост научного знания и науки.

По результатам исследования Имре Лакатоса можно сделать следующие выводы.

Цель работ Имре Лакатоса – изменение подхода к некоторым проблемам в философско-методологическом научном знании. Задача, в рамках концепции НИП Лакатоса, состоит в установлении положения, что наука развивается некак монотонное возрастание количества несомненно доказанных теорем, но только через непрерывное улучшение догадок при помощи размышления и критики, с помощью четких установок при проведении исследования (составление программы исследования, чтобы исследователь не сбивался с изучаемой проблемы и цели исследования). Важнейшая задача методологии, которая должна давать оценки на основе диалектически развитого историографического метода критики, – рост зрелой науки, смена непрерывно связанных совокупных теорий, за которыми стоит конкретная НИП (фундаментальная единица оценки существующих теорий). Иначе говоря, сравниваются и оцениваются не две теории, а теории и их серии, в последовательности, определяемой реализацией исследовательской программы. НИП «является основной единицей развития и оценки научного знания». Объектом методологического анализа оказывается не отдельная гипотеза или теория, а серия теорий, т. е. некоторый тип развития» [2].

Каждая научно-исследовательская программа как совокупность определенных теорий включает в себя:

1) жесткое ядро – целостную систему фундаментальных частнонаучных онтологических допущений, сохраняющуюся во всех теориях данной программы;

2) защитный пояс, состоящий из вспомогательных гипотез и сохраняющий сохранность жесткого ядра от опровержений; он может быть модифицирован, частично или полностью заменен при столкновении с контрпримерами;

3) нормативные, методологические правила, предписывающие, какие пути наиболее перспективны для дальнейшего исследования (положительная эвристика), а каких путей следует избегать (негативная эвристика).

Основными этапами в развитии НИП являются прогресс и регресс, граница этих стадий – пункт насыщения. Новая программа должна объяснить то, что не могла объяснить старая. И. Лакатос указывал на то, что некоторые величайшие НИП прогрессировали на противоречивой основе. Таким образом, смена НИП есть научная революция.

Можно сказать, что идея о выявлении и снятии (разрешении) возникающих в теории противоречий указывает на сильную диалектическую струю в концепции И. Лакатоса о природе научного метода, об источниках и механизмах развития научного знания.

Рассмотренная концепция НИП Лакатоса послужила причиной возникновения новой научной парадигмы в XX в. Ни индуктивизм, ни фальсификационизм, ни конвенционализм не могли обеспечить четкую систему научных исследований, поскольку учеными проводилось изучение «несущественных» причин, но «существенные» причины могли отодвигаться, исследования проводились хаотично, при этом ученые не всегда обменивались полученными данными, механизмы исследования также требовали более тщательной доработки и систематизации. Лакатос в рамках постпозитивизма и критического рационализма предложил систему – НИП, которая давала бы более четкое представление об исследовании и его организации, не позволяя исследователям отклоняться от темы исследования, расплываться на анализ данных, не заявленных в задачах исследования.

Согласно методологической концепции Лакатоса, исследовательские программы являются величайшими научными достижениями и их можно оценивать на основе прогрессивного или регрессивного сдвига проблем. Эта методологическая концепция предложила ученым новый способ рациональной реконструкции науки. Но в XXI в. надвигается новая научная революция, которая отвергнет современную методологию в связи с изменением мировоззрения общества, подходов в науке и воздвигнет на пьедестал науки новую парадигму.

Список литературы

1. *Аристотель*. Метафизика // Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 1. – М., 1976. – С. 63–367.

2. Википедия [Электронный ресурс]. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 01.05.2022).

3. *Зарубина Е.В.* Философия науки как философское направление и научная дисциплина // Научный альманах. – 2015. – № 6 (8). – С. 220.

4. История и философия науки : учебное пособие / под общ. ред. М.Г. Федотовой; Минобрнауки России. – Омск : Изд-во Ом. гос. тех. ун-та, 2018.

5. *Лакатос И.* Доказательства и опровержения. Как доказываются теоремы / пер. с англ. И.Н. Веселовского. – М. : Наука, 1967. – С. 152.

6. *Лакатос И.* История науки и ее рациональные реконструкции // Структура и развитие науки. Из Бостонских исследований по философии науки. – М. : Прогресс, 1978. – С. 203–235.

7. *Лакатос И.* Методология научных исследовательских программ // Вопросы философии. – 1995. – № 4. – С. 135.

8. *Лакатос И.* Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. – М., 1995.

9. Основы философии науки : учебное пособие для вузов / под ред. С.А. Лебедева. – М.; Екатеринбург, 2005. – С. 38.

10. Философия : учебное пособие / Л.И. Мосиенко и др.; под общ. ред. А.В. Нехаева. – Омск, 2016. – С. 82.

11. *Шитиков М.М.* Эволюция философии науки // Общие проблемы философии науки : словарь для аспирантов и соискателей / сост. и общ. ред. Н.В. Бряник. – Екатеринбург, 2007. – С. 293.

УДК 372.851

DOI: 10.24412/2308-7196-2022-2-38-45

Кристина Дмитриевна Костарева
аспирант кафедры педагогики и психологии

*ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», Пермь, Россия
614990, Пермь, ул. Сибирская, 24
Тел: 8-912-580-42-22, e-mail: kostareva8419@mail.ru*

ИНСТРУМЕНТАЛИСТСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ АНАЛИЗА СУБЪЕКТА СОЦИАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ

Christina D. Kostareva
Postgraduate student of the Department of Pedagogy and Psychology

*Federal State Budget Educational Institution of Higher Professional Education
«Perm State Humanitarian Pedagogical University»
24, Sibirskaja, 614990, Perm, Russia, e-mail: kostareva8419@mail.ru*

THE INSTRUMENTALIST CONCEPT OF SCIENTIFIC RESEARCH AS THE BASIS FOR THE ANALYSIS OF THE SUBJECT OF SOCIAL ACTION

Аннотация. Инструменталистская концепция как философско-методологическая установка в философии науки представляет собой подход, который может быть использован в рассмотрении субъекта социального действия. Инструментализм в философии науки связан прежде всего с организацией научных суждений в логические компоненты, где одни высказывания приходят из других по установленным нормам. Джон Дьюи разработал и использовал инструментализм как направление в качестве основы для решения проблематических ситуаций в обществе, в которых могут затрагиваться вопросы, связанные с поведением и общественной моралью.

Ключевые слова: прагматизм, инструментализм, социальное действие, субъект социального действия.

Abstract. The instrumentalist concept as a philosophical and methodological setting in the philosophy of science is an approach that can be used in considering the subject of social action. Instrumentalism in the philosophy of science is primarily associated with the organization of scientific judgments into logical components, where some statements come from others according to established norms. John Dewey developed and used instrumentalism as a direction as a basis for solving problematic situations in society in which issues related to behavior and public morality may be raised.

Key words: pragmatism, instrumentalism, social action, the subject of social action.

В современных научных исследованиях проблема использования инструменталистской концепции в контексте философии получила развитие и определенные интерпретации, однако интересным становится не только субъект как источник анализа, но и возможность в целом охарактеризовать субъекта социального действия в рамках социологизаторского подхода на основе инструментализма как философско-методологической установки [5].

Значительный интерес представляет применение философского инструментализма для становления анализа теории действия человека с окружением на основе социологизаторского подхода. Теоретические основания инструментализма имеют прикладные аспекты для различных педагогических теорий [8].

В качестве актуальности работы можно отметить, что представленная попытка рассмотрения инструментально-философского подхода Дж. Дьюи к анализу субъекта социального действия будет способствовать расширению научного знания, так как инструментализм как философское направление мало представлен в европейской и отечественной философии науки и требует более детального рассмотрения. В работе также использованы воззрения М. Вебера, Т. Парсонса в отношении субъекта социального действия. Данная попытка может способствовать выведению новых моделей социального поведения субъекта с учетом проблем современности.

Понятие инструментализма охватывает широкий спектр как философских, так и культурологических вопросов, поскольку все виды человеческой деятельности, по П. Флоренскому, имеют собственный набор орудий (инструментарий). Однако схемы их использования, уровень владения ими и их влияние на процесс и результат остаются не до конца изученными и могут быть основанием для применения инструментализма как философско-методологической установки [7].

Инструментализм в философии науки связан прежде всего с организацией научных суждений во взаимосвязанные логические структуры, где одни высказывания выводятся из других по установленным правилам [9].

Таким образом, целью работы является изучение особенностей инструменталистской концепции в качестве основы для анализа субъекта социального действия.

Прагматизм – философское направление, которое возникло в конце XIX в. в США. Главная цель данного направления заключалась в том, чтобы путем анализа философских вопросов решить конкретные жизненные задачи, т. е. дать возможность людям решать проблемные ситуации на практике эффективно [11].

Проблема опыта в философии – одна из ключевых. В работе «Реконструкция в философии», особенно в главе «Изменившиеся концепции опыта и разума», Дьюи предлагает свою концепцию опыта. Дж. Дьюи рассматривает круг вопросов, ответы на которые он и хотел получить в результате исследования феномена «опыт»: «Что такое опыт и что такое Разум, Сознание? Какова сфера и пределы опыта?» [3; 8].

Джон Дьюи делил опыт на чувственный, сверхчувственный (духовный), религиозный, моральный, а также художественный, социальный, культурный и другой, имея в виду, что в совокупности опыт охватывает все сферы жизни [7].

Согласно Дьюи, основная задача философии заключается в том, чтобы преобразовать философские знания в опыт. Для того чтобы усовершенствовать опыт человечества, необходимы его социальная реконструкция, применение к опыту глубоко разработанных научных методов «высоких технологий», совершенствование процесса общения [2].

Дьюи также считал, что нет единого метода для решения проблемной ситуации. Есть разные методы, которые как шаги помогают действовать в окружающей действительности.

Дьюи выводит идею о проблематической ситуации и путях ее разрешения следующим образом: потребность в методе возникает при наличии актуального сомнения, которое мешает дальнейшим действиям; данное актуальное сомнение порождает «проблематическую ситуацию», т. е. любую ситуацию из жизни, которую необходимо решить на основе конкретных шагов; решение проблематической ситуации зачастую связано с выбором вариантов; цель научного метода в том, чтобы превратить проблематическую ситуацию в решенную ситуацию; действие научного метода реализуется в процессе изменения проблематической ситуации в решенную; таким образом, научным методом являются конкретные шаги по превращению проблематической ситуации в решенную [2].

Интерес к Джону Дьюи неслучаен, так как в дальнейшем он разработал внутри прагматизма его разновидность в виде инструментализма. В данной работе инструментализм заявлен как основа для анализа субъекта социального действия. Дьюи использовал инструментализм в качестве основы для решения проблематических ситуаций в обществе, в которых могут затрагиваться вопросы, связанные с общественной моралью [2].

Цели субъекта, по Дьюи, должны соответствовать средствам, а средства – целям. Использование отрицательных средств обязательно приведет к внутреннему изменению целей (цели придут в соответствие со средствами).

Таким образом, рассматривая социальные проблемы, по Дьюи, обществу необходимо сглаживать социальные противоречия при помощи социальной реконструкции, где основным способом управления, как уже было отмечено, должно стать применение научного метода и способов развития образования и морали.

Инструментализм можно также рассматривать как философско-методологическую установку, согласно которой продукты сознания человека (понятия, моральные и эстетические идеи, научные теории, гипотезы и т. п.) являются средствами адаптации к окружающей среде, внесения в нее определенности и порядка, превращения действительности в «понятный» и удобный для жизни мир. Продукты сознательной деятельности человека образуют «инструментарий», который осваивается людьми в процессе совместной деятельности, социализации, воспитания и обучения и применяется при решении практических проблем [2].

В соответствии с инструментализмом рассуждения о мире вне практической и познавательной деятельности человека не имеют значимого содержания. Мир – это абстрактная арена человеческого опыта, где есть множество ситуаций из практики, имеющих определенные пространственно-временные границы. Мышление есть инструмент, с помощью которого человек действует в этих ситуациях, разрешает проблемы, устанавливает определенные регулярности, противостоящие текучей неопределенности и неустойчивости бытия [5].

Итак, важно отметить, что в современной философии науки прослеживается развитие инструментализма к признанию важности опыта и оценке теорий по шкале их «эмпирической адекватности», т. е. по их способности изучать определенные явления на научном уровне, при помощи языка науки.

Рассмотрим понятие «социальное действие», которое впервые было разработано М. Вебером. Вебер дал трактовку этому социологическому термину и охарактеризовал его основные положения. Под «социальным действием» Вебер понимал действие человека, которое соотносится с действиями других людей или ориентируется на них [4].

Важнейшими моментами в социальном действии, по Веберу, являются: 1) субъективное значение социального действия, т. е. личное осмысление возможных вариантов поведения; 2) сознательная ориентация на ответную реакцию окружающих, ожидание этой реакции от людей [4].

Позиция М. Вебера в отношении субъекта социального действия была сформулирована в рамках понимающей социологии, где обязательным фактором человеческого поведения является осмысленность [4].

Макс Вебер выстраивал свою точку зрения на том, что природа социального должна рассматриваться субъективно, а внимание должно быть ориентировано на поведение отдельного субъекта [4].

Необходимо отметить, что понимание «социального действия» у М. Вебера связано с признанием у субъекта психических особенностей, таких как мышление, сознание, эмоции, чувства и др. Это говорит о том, что важно изучать субъективный смысл всех поступков человека. В основе всех социальных действий лежит субъективный мир индивида, наполненный индивидуальностью. Однако социологическая наука направлена на изучение социального поведения в обществе, поэтому анализ социального действия следует строить на основе научного метода [4].

Теорию социального действия Т. Парсонса можно охарактеризовать как способ сохранить научность позитивизма, который в то же время признает необходимость «субъективного измерения» человеческих действий, относящую ее к герменевтическому типу социологических теорий. Кардинальный момент в теоретических и методологических построениях Т. Парсонса заключается в том, что человеческое действие следует рассматривать вместе с мотивационной составляющей этого действия. В связи с этим у науки появляется возможность рассматривать вопрос о результатах, целях и идеалах при анализе результатов человеческой деятельности [6].

Т. Парсонс выводит логическую схему единичного акта действия, включающего актора (субъекта действия), цели (представление о будущем состоянии события), средства или инструменты (находящиеся и не находящиеся в собственности актора, материальные и нематериальные, доступные или недоступные), условия действия, характеризующие его зависимость от объективных обстоятельств, и, наконец, ценности и нормы, задаваемые обществом [6].

Таким образом, модель социального действия, по Т. Парсонсу, представлена как глубокая социологическая концепция, отражающая системный подход к взаимодействию актора с окружающим миром и обществом.

Рассматривая философско-методологическую установку в виде инструментализма, можно сделать вывод, что путем появления осознанности у субъекта достигается истина. Инструментализм заявляет о том, что продукты сознания человека можно изучать по мере взаимодействия с окружающим миром [7].

В качестве основного инструмента у Джона Дьюи может быть выделена «логика», или «разум», таким образом, инструментализм – это признание за индивидом умения осмыслять, рационально, логически мыслить, где опыт является основой для преднамеренного управления деятельностью, выдвижения гипотез и проверки их в жизни [7].

Путем осознания формируется в восприятии человека перцептивный образ, который хранится в памяти и составляет практический опыт индивида. Однако встает другой вопрос: как может индивид способствовать развитию у себя рационального мышления? Ответ может содержаться в том, что осмысленность достигается при интерактивном взаимодействии с окружающими.

Если попытаться объединить рассмотренные подходы в работе, можно отметить, что социологизаторский подход будет определять развитие субъекта действия через социум, а инструментализм – поддерживать тот факт, что успех в этом направлении возможен, когда в центре внимания находятся личность и ее повседневные действия в отношении среды. В рамках инструментализма важен опыт, т. е. действия, совершаемые индивидом, представляют собой систему накопленного опыта.

Итак, попытаемся сделать вывод о том, что субъект социального действия, с позиции инструментализма, должен обладать следующими характеристиками: осмысленностью, осознанностью, наполненностью опытом через конкретные действия. Эти характеристики достигаются при помощи определенных актов поведения. Однако само понятие субъекта социального действия было разработано в рамках социологизаторского подхода, что позволяет дополнить теоретические воззрения инструментализма, признать некоторую схожесть данных подходов и придать индивиду и его действиям дополнительные свойства.

Джон Дьюи наполняет субъекта социального действия рациональностью, что позволяет индивиду адаптироваться к новым условиям среды. Продукты сознания – это инструменты для анализа субъекта при взаимодействии со средой [8].

М. Вебер говорит, что субъект социального действия обладает психическими особенностями, такими как мышление, сознание, эмоции, чувства. Однако необходимо отметить, что действие должно соответствовать по смыслу действиям окружающих, ориентироваться на них. Таким образом, можно отметить, что сущность социологизаторского подхода в рассмотрении субъекта на основе поведения общества в целом [1].

Т. Парсонс предлагает рассматривать действия субъекта в рамках системности. Таким образом, система социального действия переходит в социальную систему. Т. Парсонс отмечает в своей теории, что в выборе стратегии поведения важную роль играет фактор «свободная воля». С этим фактором связана проблема мотивации [6].

Таким образом, можно говорить о том, что философские воззрения Дж. Дьюи не только дают основания для анализа субъекта, но и могут быть рассмотрены в качестве средства формирования идеологии для взаимодействия человека с обществом. Социологизаторский подход дает возможность с точки зрения социологии понять поведение общества в целом. Объединив философские воззрения инструменталистов и социологизаторов, можно отметить их эффективность для социальной психологии как науки в целом, так как помимо точности научного метода необходимо признание того, что субъект – это уникальный продукт общества в целом, которому необходима так называемая понимающая социология.

При анализе субъекта социального действия в рамках инструментализма важными являются категория «сознание», а также результаты сознательной деятельности. Результаты – это продукты сознания, которые являются средствами адаптации к окружающей среде. На основе деятельности сознания индивида в психике человека формируются перцептивные образы, составляющие опыт для внесения определенности в жизнь индивида [8].

Продукты сознательной деятельности индивида образуют «инструментарий», осваиваемый людьми в процессе совместной деятельности, социализации, воспитания и обучения и применяемый при решении практических проблем. Таким образом, в научном исследовании при анализе субъекта социального действия необходимо изучать результаты сознательной деятельности с точки зрения инструментализма [7].

Джон Дьюи использовал инструментализм в качестве основы для решения проблематических ситуаций в обществе, в которых могут затрагиваться вопросы, связанные с общественной моралью. Таким образом, субъект социального действия должен быть позитивно мотивирован и действовать в соответствии со стандартами общества [8].

Джон Дьюи говорит, что личность будет развиваться, если субъект осваивает социальный опыт, обладая логикой, осознанностью

и ответственностью за совершаемые поступки. Все это будет способствовать активной и успешной жизнедеятельности индивида в поликультурной среде [2].

Теория М. Вебера признает роль сознания при реализации социального действия актором, а также необходимость ответной реакции социума на поведение индивида. Данная идея может свидетельствовать о необходимости обратной связи для субъекта действия с позиции: одобряется действие обществом или нет [4].

Теория Т. Парсонса опирается на утверждение, что социальное действие есть некая интеракция, превращаемая в сложную систему, где возможно управление поведением индивида. Таким образом, если рассматривать действия субъекта с позиции системности, человеческое поведение может подвергаться управлению [4].

Идеи, понятия концепций М. Вебера и Т. Парсонса могут быть определены с точки зрения инструментализма как эффективные гаранты формирования на основе логики, осмысленности положительных социальных действий в больших и малых группах.

В рамках теоретико-методологического анализа был применен сравнительно-аналитический подход к этим концепциям, что позволяет рассмотреть, как формировалось в истории философии научное знание о социально-психологическом значении субъекта действия.

Используя сравнительно-аналитический подход концепций, можно провести параллели и предложить разработать модель социального действия индивида, которая имела бы философское основание и социально-психологический взгляд на проблемы современного общества.

Рассматривая западные концепции, можно отметить, что для всех исследователей характерно расположение субъекта социального действия в центре внимания, а также признание его важности для анализа в целом [10]. Можно говорить о том, что субъект социального действия – это ключевая точка западных концепций рассматриваемого периода развития науки.

Перспективой изучения представленного анализа может стать также создание модели управления человеческим поведением, которая будет направлена на развитие поликультурного образования.

Список литературы

1. Волгушева А.А. Социальное действие [Электронный ресурс]. – URL: <https://center-yf.ru/data/stat/socialnoe-deystvie-eto.php> (дата обращения: 19.02.2022).
2. Дьюи Дж. Реконструкция в философии / пер. с англ. М. Занадворова. – М. : Логос, 2001. – С. 94–108.
3. История философии: Запад – Россия – Восток. Кн. 3. Философия XIX–XX в). – М. : Греко-латинский кабинет, 1999. – С. 448.
4. Кравченко Е.П. Теория социального действия: от Макса Вебера к феноменологии // Социологический журнал. – 2001. – № 3. – С. 1–22 [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-sotsialnogo-deystviya-ot-maksa-vebera-k-fenomenologam> (дата обращения: 16.04.2022).

5. *Музыка О.А., Холина О.А.* Концепция инклюзии в контексте философии инструментализма // Социология. – 2020. – № 3. – С. 348–352 [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-inklyuzii-v-kontekste-filosofii-instrumentalizma/viewer> (дата обращения: 26.03.2022).

6. *Парсонс Т.* Система современных обществ. – М., 1997. – С. 67–73.

7. *Петрик В.В.* Философский и музыкальный инструментализм – истоки и основные аспекты // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2018. – № 31. – С. 111–119 [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofskiy-i-muzykalnyu-instrumentalizm-istoki-i-osnovnye-aspekty> (дата обращения: 13.05.2022).

8. *Понов В.В.* Инструментально-философский подход к теории инклюзии // The Scientific Heritage. – 2021. – № 59-3. – С. 51–53 [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/instrumentalno-filosofskiy-podhod-k-teorii-inklyuzii> (дата обращения: 13.03.2022).

9. *Поппер К.* Логика и рост научного знания. – М., 1983. – С. 299.

10. *Рассел Б.* История западной философии. – М. : Феникс, 2002. – С. 991.

11. Философская энциклопедия [Электронный ресурс]. – URL: <https://terme.ru/termin/instrumentalizm.html> / (дата обращения: 22.03.2022).

УДК 141

DOI: 10.24412/2308-7196-2022-2-46-61

Светлана Вячеславовна Щеколдина

аспирант кафедры специальной педагогики и психологии

*ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», Пермь, Россия
614990, Пермь, ул. Сибирская, 24
Тел: 8-912-580-42-22, e-mail: krauze@pspu.ru*

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ФЕНОМЕНУ «ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ»

Svetlana V. Shchekoldina

Postgraduate student of the Department of Special Pedagogy and Psychology
Postgraduate student of the Department of Practical Psychology

*Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
«Perm State Humanitarian Pedagogical University»
24, Sibirskaja, 614990, Perm, Russia*

THE MAIN THEORETICAL APPROACHES TO THE PHENOMENON OF ‘ACTIVITY’

Аннотация. Рассматриваются этапы развития категории «деятельность» и современное понимание деятельности как феномена. Анализируются некоторые отечественные и зарубежные теоретические подходы к данному феномену.

Ключевые слова: деятельность, теория деятельности, праксеология, поведение.

Abstract. The article discusses the stages of development of the term of activity, understanding of activity as a phenomenon, there is also the analysis of some Russian and foreign theoretical approaches to this phenomenon.

Key words: activity, activity theory, praxeology, behavior.

Вопрос необходимости изучения деятельности возник уже довольно давно. В нашей стране он особенно остро стоял во времена перестройки, когда политические и экономические перемены привели к критике советского периода вообще и советской психологии в частности. Во многом эта критика заключалась в том, что психологи – создатели теории деятельности

подчеркивали: ее философской основой являлся марксизм, подвергавшийся в то время серьезной критике. Однако, несмотря на сроки возникновения вопроса, нецелесообразность изучения деятельности и связанных с ней явлений не была доказана.

Актуальность исследования феномена «деятельность», с нашей точки зрения, заключается прежде всего в том, что отечественная психология до сих пор опирается на работы А.Н. Леонтьева, ставившего деятельность во главу угла. А.Н. Леонтьев и С.Л. Рубинштейн стали основателями теории деятельности и деятельностного подхода. На основе работ А.Н. Леонтьева создана возрастная периодизация Д.Б. Эльконина. Описывая развитие ребенка, подростка, взрослого человека, мы не можем не учитывать введенное А.Н. Леонтьевым понятие ведущего вида деятельности. Деятельность и общение (которое многие ученые, занимавшиеся его изучением, определяли через категорию деятельности) являются во многом ориентирами нормального или отклоняющегося развития. Отсюда вытекает ценность изучения данных феноменов в рамках коррекционной психологии и педагогики.

Так как деятельность является неотъемлемой частью человеческой жизни, существует достаточно много работ, раскрывающих особенности различных аспектов данного феномена. В контексте раскрытия сущности феномена деятельности нельзя обойти стороной труд Г.П. Щедровицкого, советского и российского философа и методолога, «Исходные представления и категориальные средства теории деятельности», в котором достаточно подробно описана история становления и развития категории деятельности. Однако в исторической последовательности Щедровицкий описывает эволюцию категории, но не раскрывает подробно сущность подходов к феномену.

Понятие «деятельность» с точки зрения философии можно рассмотреть с двух сторон. С одной стороны, деятельность – мировоззренческий принцип, который дает человеку ценностно-познавательную ориентировку в мире, служит построению идеалов и возводит их в ранг закономерности, формирует нравственные и эстетические позиции личности.

Согласно теории деятельности А.Н. Леонтьева, основной, генетически исходной формой человеческой деятельности является деятельность внешняя, чувственно-практическая. Внутренняя психическая деятельность возникает в процессе деятельности внешней. Деятельность выступает исходной точкой для формирования психики на различных уровнях. Развитие психических процессов и свойств личности ребенка напрямую зависит от особенностей структуры и содержания его деятельности. Начальное развернутое внешнее действие в результате специфических преобразований превращается во внутреннее, протекающее в уме ребенка. Данный процесс необходим для присвоения ребенком исторического опыта человечества. Этот опыт первоначально предстает перед ребенком в форме внешних явлений – предметов, словесных понятий. Чтобы ребенок смог овладеть в дальнейшем

специфическими качествами этих явлений, он должен осуществить по отношению к ним деятельность, отражающую их назначение.

С другой стороны, понятие «деятельность» рассматривается как методологическое основание ряда наук, в том числе психологии, где деятельность человека становится предметом изучения.

Деятельность – это особая форма активного отношения человека к внешнему миру, содержание которой составляет его целесообразное изменение и преобразование. Понятие деятельности представляет собой одну из фундаментальных категорий философии, заключающее в себе отношения субъекта и закономерностей окружающей действительности. В соответствии с этим в структуре деятельности необходимо выделять субъектные компоненты (отвечающие за целеполагание) и объектные компоненты (предмет деятельности, орудия деятельности и продукт деятельности). Таким образом, деятельность человека предполагает определенное противопоставление субъекта и объекта деятельности: с одной стороны, человек как субъект деятельности, с другой – выбранный им объект деятельности как материал, который должен получить новые форму и свойства, превратившись из материала в продукт деятельности. Связи внутри объектного компонента деятельности (изменение свойств предмета деятельности, преобразующее его в продукт) понимаются как фундаментальные закономерности мироздания.

Всякая осмысленная деятельность включает в себя цель, средства, результат и сам процесс деятельности и, кроме этого, обязательно является осознанной. Деятельность – движущая сила как индивидуальной, так и общественной жизни и условие существования человека, общества и культуры. Принято считать, что именно материально-преобразующей предметной деятельности человек обязан как своим первоначальным становлением, так и сохранением и развитием в ходе исторического процесса всех человеческих качеств. Вместе с тем деятельность как таковая не может считаться исчерпывающим основанием человеческого существования. Если основанием деятельности является сознательно формулируемая цель, то основание самой цели лежит вне деятельности, в сфере человеческих мотивов, идеалов и ценностей, которые, хотя в определенной мере и детерминируются деятельностью, тем не менее и сами выступают в качестве ее рамок [4].

В зависимости от того, каким образом соотносятся между собой субъект и объект деятельности, она может быть дифференцирована на различные типы. В рамках философии принята дифференциация деятельности по предметному критерию: материальная деятельность как реализуемая в процедурах взаимодействия человека и природы в контексте производства; социальная деятельность как разворачивающаяся в процессе влияния человека на социальные процессы и организацию общественной жизни; духовная деятельность как реализуемая в интеллектуальном или художественном творческом усилии. С точки зрения творческой роли деятельности особое значение имеет ее деление на репродуктивную (направленную на получение

уже известного результата известными же средствами) и продуктивную деятельность, связанную с выработкой новых целей и соответствующих им средств или достижением известных целей с помощью новых средств. Категория деятельности традиционно конституировалась в качестве базисной при попытках создания универсальной философской методологии [10, с. 69–92; 14].

Выделение деятельности в качестве категории и особого предмета произошло в немецкой классической философии. В это время появляется новая концепция личности: рациональная, активная и инициативная. В связи с этим И.Г. Фихте, ориентируясь больше на деятельность практическую, рассматривает субъект как чистую самодеятельность, как свободную активность, которая созидает мир и ориентируется на этический идеал. Но в своем понимании деятельности И.Г. Фихте допустил ряд внедеятельностных факторов (созерцание, совесть и др.) в качестве решающих критериев деятельности, от этого его понимание феномена потеряло целостность.

Наиболее развитую, рациональную концепцию деятельности построил Г.В.Ф. Гегель. Опираясь на позиции объективного идеализма, он определяет деятельность как всепроникающую характеристику абсолютного духа, порождаемую внутренней потребностью последнего в самоизменении. Ведущую роль он отводит духовной деятельности, признавая высшей ее формой рефлекссию (самосознание). В концепции Гегеля проанализирована взаимоотношаемость цели и средств ее достижения и особенно отмечена социально-историческая обусловленность деятельности и ее форм.

Однако идеи этих ученых не выходили за границы философии и не проникали в другие науки, даже в те, где деятельность была совершенно очевидным объектом изучения. Г.П. Щедровицкий объясняет это тем, что никак не удавалось выработать средства и методы научного исследования, адекватные специфическим особенностям деятельности как объекта.

В конце 20-х гг. XX в. Т. Котарбиньский, польский философ и социолог, разработал основы праксеологии – специальной науки о деятельности, которая до настоящего времени используется в качестве методологического основания гуманитарных и социальных наук в некоторых странах. Праксеология – философская концепция деятельности, отражающая общую теорию организации деятельности. Праксеология синтезирует идущие от запросов практики научные разработки в области организации деятельности, интерпретируя в своем содержании их общие схемы и принципы.

Кроме того, изучение деятельности развивается в рамках социологии М. Вебером, Дж. Мидом, Т. Парсонсом. Необходимость углубленного анализа механизмов деятельности, ее структуры и факторов, оказывающих на нее непосредственное влияние, привела к определению таких компонентов, которые, собственно, не входят в структуру деятельности, но влияют на нее. Теория социального действия обращает внимание на значение ценностных установок и ориентации, мотивов, ожиданий. Это позволило рассматривать понятие деятельности с точки зрения психологии.

В своей работе «Исходные представления и категориальные средства теории деятельности» Г.П. Щедровицкий говорит о том, что «предшествующее развитие естественных наук дало нам несколько хорошо разработанных категорий. Среди них самыми привычными и распространенными были категории “вещи”, “свойства” и “процесса”». Он описывает исследования деятельности, проведенные по аналогии с обоснованием этих категорий, но приходит к выводу, что ни одна из этих категорий не применима к изучению деятельности. И далее, в ходе своих рассуждений, Щедровицкий делает вывод, что деятельность есть система [13, с. 242].

Понимая деятельность как систему, С.Л. Рубинштейн выделяет в ней следующие элементы: деятельность, действия, операции и движения. Деятельность, по С.Л. Рубинштейну, реализуется совокупностью действий, а действия распадаются на частичные действия или операции, в свою очередь действия и операции реализуются через движения.

Рубинштейн утверждает, что «всякое действие, направляясь на определенную цель, исходит из тех или иных побуждений. Более или менее осознанное побуждение выступает как мотив» [9, с. 443].

Несомненно, что действие как часть индивидуальной деятельности направляется тем же мотивом, что и деятельность, и так же, как деятельность, через представления о результате-цели, направляется представлением о частных целях, о частном результате, который должен быть достигнут при выполнении конкретного действия.

Под операцией С.Л. Рубинштейн подразумевает акты или звенья, на которые распадается действие, это частичные действия. Операция, по С.Л. Рубинштейну, как бы теряет собственный психологический смысл. Общая структура в результате редуцируется до последовательности «деятельность – действия (операции) – движения». А если учесть, что «движения, особенно так называемые произвольные, обычно служат для выражения действий, посредством которых осуществляется поведение», то психологическая структура сводится до двух компонентов: деятельности и действий.

Существенным моментом анализа деятельности у С.Л. Рубинштейна является отсутствие фиксации того факта, что деятельность, как правило, представлена нормативным способом ее реализации. Этот нормативный способ является вспомогательным для начинающего осваивать конкретную трудовую деятельность. В этом нормативном способе деятельности опредмечены способности людей, ее спроектировавших и создавших. Новый человек ориентируется в своих действиях на нормативный способ ее выполнения и на нормативный результат, который должен быть получен.

Важным моментом в понимании психологического строения действия (можно сказать, и деятельности в целом) является задача. «Для осуществления цели необходим учет условий, в которых ее предстоит реализовать, – пишет С.Л. Рубинштейн. – Соотношение цели с условиями определяет задачу, которая должна быть разрешена действием. Целенаправленное человеческое действие является по существу своему решением задачи» [9, с. 443].

Следует отметить, что С.Л. Рубинштейн устанавливает связь между деятельностью и поведением. Делается это прежде всего через введение понятия «поступок». «Поступок – это действие, которое воспринимается и осознается действующим субъектом как общественный акт, как проявление субъекта, которое выражает отношение человека к другим людям». Устанавливая общность между действием и поступком и, следовательно, между деятельностью и поведением, С.Л. Рубинштейн отмечает, что вместе с тем «между действием и поступком имеется и психологически значимое различие в характере и источнике мотивации» [9, с. 444–445].

Общественный характер человеческой деятельности и ее индивидуальная реализация создают условия как схождения, так и расхождения между мотивом и целью деятельности. «Прямой целью общественно организованной человеческой деятельности является выполнение определенной общественной функции; мотивом же ее для индивида может оказаться удовлетворение личных потребностей. В меру того, как общественные и личностные интересы и мотивы расходятся у индивида, расходятся также мотивы и цели его собственной деятельности; в меру того, как они сходятся, сходятся также мотивы и цели деятельности человека» [9, с. 465].

Важным аспектом понимания деятельности выступает понятие субъекта деятельности, активно разрабатываемое ближайшими учениками С.Л. Рубинштейна – А.В. Брушлинским и К.А. Абульхановой. А.В. Брушлинский считает, что любой человек не рождается, а становится субъектом в процессе своей деятельности, общения и других видов активности [3, с. 170]. «Становление личности субъектом деятельности, – пишет К.А. Абульханова, – происходит не только в процессе овладения его общественно-историческими формами деятельности, не только в ее осуществлении на общественно необходимом нормативном уровне, но и в организации деятельности и своей активности» [1, с. 343]. Важнейшим моментом становления субъекта деятельности является регуляция человеком своей активности, направленной на достижения цели деятельности. «Саморегуляция – это тот механизм, посредством которого обеспечивается централизующая, направляющая и активизирующая позиция субъекта. Она осуществляет оптимизацию психических возможностей, компенсацию недостатков, регуляцию индивидуальных состояний в связи с задачами и событиями деятельности. Она обеспечивает также целевое и смысловое соответствие действий субъекта этим событиям, своевременность, пропорциональность действий и т. д. Саморегуляция обеспечивает непрерывность психической активности на протяжении единой личностно значимой линии деятельности». «Позиция субъекта деятельности, – пишет К.А. Абульханова, – это комплексная характеристика психологических режимов деятельности в соответствии со способностями, состояниями, отношением субъекта к задаче, с одной стороны, его стратегией и тактикой – с другой, с объективной динамикой деятельности – с третьей». В позиции субъекта деятельности объективная деятельность всегда приобретает

индивидуальное лицо, реализуется через индивидуальный стиль деятельности. Субъект прогнозирует свою деятельность, программирует ее, принимает постоянные решения, организуя ее во времени и пространстве, во взаимодействии с другими людьми [1, с. 346].

В работах С.Л. Рубинштейна действие занимает центральное место в структуре деятельности. Поэтому столь важным представляются исследования движения и его генезис, проведенные Н.А. Бернштейном.

Результаты исследований Н.А. Бернштейна позволяют сделать важные выводы: во-первых, на примере построения движений видно, что в норме его регуляция осуществляется на нескольких уровнях одновременно; во-вторых, только ведущий уровень регуляции осознается; в-третьих, выпадение отдельных уровней построения движений ведет к различного рода патологиям. Так как действия входят в большинство поведенческих актов, можно утверждать, что и управление поведением строится на нескольких уровнях одновременно и только ведущий уровень осознается. А так как внутренний мир формируется в действиях и поступках, то и о нем можно сказать, что он представлен на различных уровнях, из которых субъектом отражается только ведущий для текущего действия или поведения [2].

В понимании деятельности А.Н. Леонтьевым прежде всего необходимо выделить ее двухуровневую структуру: деятельность – действия – операции и соотносимые с ними мотив – цель – условия.

Согласно теории А.Н. Леонтьева, деятельность представляет собой единицу жизни, опосредованную психическим отражением, реальная функция которого состоит в том, что оно ориентирует субъекта в предметном мире. То есть деятельность – это не реакция и не совокупность реакций, а система, имеющая строение, свои внутренние переходы и превращения, свое развитие. Сам А.Н. Леонтьев по этому поводу пишет: «В общем потоке деятельности, который образует человеческую жизнь в ее высших, опосредованных психологическим отражением проявлениях, анализ выделяет, во-первых, отдельные (особенные) деятельности – по критерию побуждающих их мотивов. Далее выделяются действия – процессы, подчиняющиеся сознательным целям. Наконец, операции, которые непосредственно зависят от условий достижения конкретной цели. Эти «единицы» человеческой деятельности и образуют ее макроструктуру. Особенности анализа, который приводит к их выделению, состоят в том, что он не пользуется расчленением живой деятельности на элементы, а раскрывает характеризующие ее внутренние отношения». Определяя выделенные компоненты деятельности, Леонтьев говорит о мотивах как «опредмеченных» потребностях [5, с. 52].

Формулировка «в общем потоке деятельности, который образует человеческую жизнь» вводит деятельность в течение жизни, связывая ее с индивидом. Понять деятельность можно только в контексте понимания жизни. Выделение Леонтьевым «отдельных (особенных) деятельностей» для понимания деятельности имеет принципиальное значение. Данный термин вводит деятельность в систему основных философских категорий: единичных,

особенных и всеобщих. Эти философские категории, как известно, выражают объективные связи мира и характеризуют процесс его познания.

Единичные (отдельные, индивидуальные) – определяют отдельный предмет, ограниченный в пространстве и времени; всеобщие (общие) – сходное, отвлеченное от единичных и особенных явлений свойство, признак, на основании которого предметы и явления объединяются в тот или иной класс, вид или род (так называемое абстрактно-всеобщее); особенные – единство единичного и всеобщего, предмет, взятый в своей конкретной целостности как определенно всеобщее и как не исключенное из взаимосвязи мира единичное.

Уточнение, что деятельности понимаются как особенные, позволяет рассматривать деятельность как всеобщее, отвлеченное от отдельных деятельностей понятие и одновременно как единичную, конкретную деятельность в ее конкретной целостности, в ее единичности.

Отдельные деятельности у Леонтьева выделяются по критерию побуждающих их мотивов. Но и действия у него выступают как отдельные деятельности, подчиняющиеся сознательным целям. С таким же успехом и операции можно рассматривать как деятельности, как действия, зависящие от условий достижения конкретной цели.

В качестве критериев выступают и цели, и условия достижения цели. Леонтьев не делает попытки раскрыть внутреннюю структуру деятельностей, он предлагает критерии для выделения деятельностей, действий, операций.

Деятельность, действия и операции представляют собой по структуре отдельные деятельности, вложенные друг в друга, наподобие матрешки, в своей совокупности они представляют деятельность, с одной стороны, как абстрактную всеобщую деятельность, с другой стороны, как единичную реализацию абстрактной деятельности.

Выделенные Леонтьевым единицы макроструктуры человеческой деятельности предполагают дальнейший анализ деятельности со стороны мотивов, целей и условий. По предложенной Леонтьевым терминологии «предмет деятельности есть ее действенный мотив». «Такое суженное понимание мотива как того предмета (вещественного или идеального), который побуждает и направляет на себя деятельность, – отмечает Леонтьев, – отличается от общепринятого» [5, с. 48].

А.Н. Леонтьев рассматривает деятельность как совместную и подчеркивает, что развитие человека определяется развитием труда, при этом труд рассматривается как процесс, «который совершается не одиноким существом, ему одному присущими способами, но это есть процесс, который совершается в условиях совместной деятельности людей, в условиях человеческого коллектива». Леонтьев под мотивом понимает предмет, на который направлена деятельность. Сделано это для того, чтобы ввести понятие цели и обосновать «единицу» деятельности – действие. «Как же определить, что такое действие? Действие, с которым мы впервые встречаемся, действительно только у человека, есть процесс, который направлен на сознательную цель». За счет такого понимания совместная

деятельность, движимая мотивом – предметом, разделяется на «деятельности-действия», направляемые целью. В этих условиях сознательная цель «может не совпадать и не совпадает с тем, что удовлетворяет потребность, что побуждает деятельность в целом». В таком случае что же является мотивом этой индивидуальной «деятельности-действия», которая осуществляется в условиях совместной деятельности? Получается, что деятельность конкретного субъекта остается без мотива.

Если же мы будем исходить из общепринятого понимания мотива как внутреннего фактора, побуждающего к деятельности, то такой мотив будет всегда, но в каждом конкретном случае он будет побуждать человека к получению конкретного результата, первоначально представленного в виде осознаваемой цели. Деятельность всегда направлена на получение результата, который является объединяющим и направляющим отдельные действия в структуре деятельности. В условиях совместной деятельности усилия отдельных участников объединяются конечной целью-результатом.

В совместной деятельности, как и в индивидуальной, мотивы всегда относятся к конкретному субъекту деятельности, и такие мотивы могут быть самыми разными. Объединяющим фактором будет выступать не мотив, а цель-результат. Этот результат и будет тем предметом, на который направлена деятельность, в том числе совместная.

А.Н. Леонтьев, отнеся мотив к предмету деятельности, исключил из рассмотрения результат, который первоначально в идеальном виде выступает как цель. Одновременно, отнеся мотив к предмету деятельности, он лишил мотива человека, выполняющего конкретную деятельность.

В рассуждениях А.Н. Леонтьева задана как бы обратная сторона развития процесса, вполне логичная с точки зрения детерминации психики со стороны мотива-предмета деятельности. В реальной жизни детерминация деятельности порождается мотивом (в качестве которого могут выступать потребности, ценности, переживания, идеалы, вера). Мотив определяет активность человека, превращая его в субъект конкретной деятельности. При общественно-организованной, совместной деятельности цель деятельности задается требованиями получения конкретного результата. Деятельность детерминируется и направляется двумя векторами: «мотив-цель» и «цель-результат».

Нейрофизиологические и психологические исследования показывают несколько иной механизм опредмечивания потребности. На основе актуальной потребности формируется мотивационное (а не потребностное) состояние на основе как нервных, так и гуморальных механизмов. Для естественного формирования мотивационного возбуждения необходимо, чтобы соответствующие центры головного мозга получили раздражение вначале нервным, а затем гуморальным путем. Однако в формировании различных мотивационных возбуждений относительное значение нервных и гуморальных факторов различно. Специфическое мотивационное возбуждение, определяемое внутренней потребностью организма, воздействуя на корковые клетки, создает

у них особую «химическую» настроенность. В свою очередь, эта настроенность клеток определяет их реакцию на поступающую информацию, благодаря чему осуществляется фильтрация сенсорных возбуждений. От мотивационного возбуждения зависят активное использование и подбор специальных раздражителей внешнего мира, сигнализирующих об объектах, способных удовлетворить исходную потребность организма. Предмет, удовлетворяющий потребность, «жестко не записан», имеются признаки, по которым осуществляется поиск предметов, содержащих эти признаки.

Благодаря этому потребность может удовлетворяться за счет разных предметов. Конкретизация предмета, способного удовлетворить актуальную потребность, и будет составлять сущность процесса опредмечивания потребности.

Оттого, что определенный предмет нашел свою связь с актуальной потребностью, он не становится мотивом. Поведением двигает актуальная потребность, которая и выступает в данном случае как мотив. В другой ситуации у этой же потребности-мотива может быть найден другой предмет, способный ее удовлетворить. Мотив всегда остается атрибутом субъекта и не может перейти к внешнему предмету. Побудительная и направляющая функция всегда остается за мотивом-потребностью, при этом направляющая функция будет зависеть и от условий, в которых реализуется потребность. Процесс мотивации может протекать на разных уровнях: биологическом и психологическом. Предмет, удовлетворяющий актуальную потребность, в процессе потребления приобретает положительную окраску, связывается с положительными переживаниями и может сам побуждать активность субъекта, направленную на овладение этим предметом. Но и в этом случае он будет выступать не как мотив, а только как стимул, связанный с определенной потребностью.

В работах А.Н. Леонтьева четко прослеживается детерминация поведения внешними факторами, и чем более развиты потребности, тем сильнее эта детерминация переходит к внешнему миру. Здесь прослеживается и традиционная для советской психологии теория отражения. В позиции, отстаиваемой авторами, детерминация поведения определяется внутренним миром человека, в котором мотивы играют ведущую роль.

А.Н. Леонтьев неоднократно подчеркивал, что психика развивается в деятельности, мало того, развитие человека определяется развитием труда. В настоящее время можно встретиться с пессимистическими оценками отечественных работ в области теории деятельности. Но методологическое утверждение А.Н. Леонтьева не утратило своей актуальности и сегодня.

Т. Котарбинский считается основоположником праксеологии как общетеоретической дисциплины организации деятельности. Благодаря Котарбинскому идеи праксеологии были признаны в качестве направления теоретических и прикладных исследований, однако до настоящего времени праксеология все еще остается в статусе программно-концептуального проекта.

Праксеология – собирательное название различных концепций, претендующих на создание общей теории эффективной организации деятельности.

Программа праксеологии, инициированная работами Котарбиньского и его школы, была призвана синтезировать идущие от нужд практической деятельности разработки в области научно ориентированной организации труда, интерпретируя в своем содержании их общие схемы и принципы в методологии и логике науки. Проект изначально мыслился как носящий метатеоретический и методологический характер, как общая «грамматика действия», упорядочивающая праксеологические отношения (по аналогии с общей грамматикой языка), и предполагал три соотносимых уровня анализа: аналитическое описание, характеристику и типологию практических действий, а также построение системы их категорий; разработку эффективных нормативных систем действия, позволяющих погружать рассматриваемую проблематику в конкретно-исторические социокультурные контексты, а также формулировку общих законов, определяющих эффективность действий; изучение генезиса и эволюции различных видов деятельности с точки зрения их технических достоинств и критический анализ методов, применяющихся в этих действиях в настоящее время. В такой постановке задач праксеология сближалась с понятием метода, что в дальнейшем способствовало ее истолкованию как общей методологии деятельности.

Основное значение праксеологии заключается в ее теоретико-методологических посылах, восприятии ее как особой области внефилософских междисциплинарных анализов. Свою теорию Т. Котарбиньский представлял как синтез накопленных в истории знания праксеологических идей. Данное положение созвучно культурно-исторической концепции Л.С. Выготского, если определить ее суть как то, что сознание ребенка, специфические особенности его высших психических функций формируются в результате общения со взрослыми, в котором происходит усвоение ребенком систем культурных знаков.

Праксеология как общая методология рассматривает способы деятельности, в том числе и мыслительной, с точки зрения их практических свойств, то есть в смысле их эффективности. Для того чтобы быть эффективной, деятельность должна быть результативной, продуктивной или плодотворной (то есть достигать поставленной цели), «правильной» (точной, адекватной, то есть максимально приближаться к задаваемому образцу), «чистой» (то есть максимально избегать непредусмотренных последствий и ненужных добавочных включений), «надежной» (приемы деятельности тем более надежны, чем больше объективная возможность достижения этими приемами намеченного результата) и последовательной. Фактически основным критерием практической успешности действия служит его целесообразность. По Котарбиньскому, действие может быть оценено и как безразличное с точки зрения определенной цели, то есть как нецелесообразное, но не как противоцелесообразное. Отсюда – акцентирование среди аспектов

эффективности действия его «правильности» («неправильности»), подлежащей закреплению в вырабатываемых и закрепляемых в праксеологии нормах, позволяющих согласовать множество реальных образцов с идеальным образцом (накапливаемого обыденного опыта и сознательно избираемых стратегий).

Согласно Котарбиньскому, действие тем более рационально, чем лучше оно приспособлено ко всей сумме наличных обстоятельств. Однако это рациональность в вещественном смысле. Рациональность же должна быть понята и в методологическом смысле, который мы имеем в виду тогда, когда признаем благоразумным или рациональным поведение данного индивидуума, если он поступает соответственно имеющимся у него знаниям, а под имеющимися знаниями мы здесь понимаем сумму всех тех информации, которым, учитывая способ их обоснования, этот индивидуум должен приписать достаточную правдоподобность, чтобы поступить так, будто они были истинными (во всяком случае, до тех пор, пока не будет обосновано обратное). Иррационализм поступка в вещественном смысле прямо связан с характером привлекаемого для его осуществления знания (часто недостаточного для реализации какой-либо цели). Однако имеют место и парадоксальные случаи рациональной практической ошибки, равно как и случаи успешности действия вопреки его иррациональности. Отсюда требования надежности и последовательности.

В связи с этим Котарбиньский вводит еще два наиболее важных для праксеологии понятия: «виновник действия» и «техника борьбы». Виновник – тот, кто вызвал воздействие, существенное и достаточное среди условий для данного изменения. В этом смысле человек – виновник не только преднамеренных следствий, но также и тех, которые он вызвал, не желая этого (но никогда не бывает «виновника» без произвольности, а не необходимости, самого действия). Однако в социальной жизни часто виновником одного и того же события является более чем одно лицо. В этих случаях умышленное действие каждого из них является существенной составной частью достаточного условия этого события. При этом возможно два типа взаимодействия людей: положительный (сотрудничество) и отрицательный (борьба); более универсален второй тип взаимодействия. Борьба – это любое действие с участием по крайней мере двух субъектов (исходя из предпосылки, что и коллектив может быть субъектом), где, по крайней мере, один из субъектов препятствует другому. Ее доминирующая «универсальность» связана с тем, что вынуждает учитывать действия «другой» стороны, то есть включать в свою стратегию элементы сотрудничества, с одной стороны, и активизировать собственный творческий потенциал – с другой.

Особенно важна в общем контексте проблематики праксеологии актуализация творческого (инновационного) потенциала действующих субъектов, так как в результате снимаются существовавшие ранее ограничения на конкретные действия и расширяется поле возможности субъектов, а в случае борьбы к инновационному преодолению трудностей принуждает сама ситуация

взаимодействия. Однако движение в этом направлении приводит к «парадоксам прогресса». Нарастают требования к инструментальному и интеллектуальному оснащению действия, оно качественно усложняется и требует все более глубокого анализа «отношений виновности» для своей эффективной реализации. Теперь уже культура, вобравшая в себя предшествующие достижения, начинает продуцировать принудительные ситуации (и, соответственно, социальная активность все больше превращается в культурную активность).

Деятельность по систематическому усвоению уже накопленного опыта дает преимущество перед творческим усилием в некоторых условиях. Культурное наследие затрудняет «овладение целым», отсюда главное требование прогресса в современном обществе – освобождаться от потерявших значение элементов культуры. Еще одна возникающая по мере инновационного накопления проблема – рост опосредующих инструментальных действий, не позволяющих непосредственно достигать формулируемых целей и требующих сложного кооперирования систем действий внутри все более расширяющегося социального целого. Тотальность начинает довлеть над индивидуальностью, возвращая ее к выполнению специализированной частичной (пусть и на качественно ином уровне организации труда) функции. Соответственно, возникает проблема границ специализации, оптимум которой не обязательно равен максимуму, и поиска новых технологий работы со знанием, новых механизмов его структурирования для рационализации действий в методологическом смысле слова (в этом контексте Котарбинский дает развернутый анализ целого ряда таких технологий: активизации, автономизации, инструментализации, антиципации, интеграции, имманентизации, программатизации и др.).

Таким образом, круг проблем, поднимаемых Котарбинским в связи с обсуждением проекта праксеологии, далеко выходит за рамки ее как возможной дисциплины, затрагивая основополагающие темы постнеклассической науки и методологии как особого типа знания [7, с. 5–19; 8].

В своих рассуждениях Г.П. Щедровицкий говорит о том, что «само понятие деятельности формировалось из понятия “поведение”, деятельность как таковую в большинстве случаев рассматривали как атрибут отдельного человека» [13, с. 241]. Поведение – совокупность внутренне взаимосвязанных действий, осуществляемых субъектом во взаимодействии с окружающей средой. В данном определении видно, что «поведение» и «деятельность» как система, включающая в себя «действие», неразрывно связаны. Поведение как объясняющую суть деятельности категорию использовали зарубежные ученые, в частности Дж. Уотсон, основоположник бихевиоризма – направления в психологии, суть которого заключается в том, что предметом изучения психологии должно быть не сознание, а поведение.

Зарубежные психологи в своих работах обращали внимание на принцип активности в деятельности. Для Уотсона, например, главным было понятие реакции – «ответных действий» на внешние стимулы. Уотсон предполагал, что

поведение человека можно описать через систему реакций. Однако факты показывают, что многие поведенческие акты или действия невозможно объяснить, исходя лишь из оценки внешних стимулов. Для человека более характерны действия, которые подчиняются его внутренней цели, а не логике внешних воздействий. Это не столько реакции на внешние стимулы, сколько акции, направленные на достижение цели с учетом внешних условий. Человек в системе Уотсона выступает преимущественно как биологическое существо.

Такое положение связано с тем, что на основные идеи бихевиоризма сильно повлияло открытие русским физиологом И.П. Павловым классических условных рефлексов. При научении по ассоциации, при котором организм устанавливает связи между разными стимулами, нейтральный стимул вызывает реакцию, предшествующую безусловному стимулу. Безусловный стимул – это стимул, который автоматически, естественным образом вызывает реакцию без ее специальной выработки. Безусловный стимул вызывает безусловный (врожденный) рефлекс. При сочетании безусловного стимула с изначально нейтральным стимулом у животного вырабатывается условный рефлекс.

Во многом под влиянием работ Павлова Уотсон заявил, что наблюдение за поведением может быть описано в форме стимулов (S) и реакций (R). Уотсон полагал, что простая схема S – R вполне пригодна для описания наблюдаемого поведения. Задача психологии – по стимулам предугадывать реакции, по реакциям определять, на какие стимулы они возникли. Люди, по словам Уотсона, – это продукт их опыта и их поведение может управляться полностью окружающей средой.

Уотсон выделял следующие реакции в поведении: наружные, или видимые приобретенные (двигательные навыки); внутренние, или скрытые приобретенные (мышечные или внешняя речь); наружные (видимые) наследственные (чихание); внутренние (скрытые) наследственные реакции (работа желез внутренней секреции, изменения в кровообращении).

Уотсон полагал, что число врожденных реакций, необходимых для приспособления организма, невелико, поэтому поведение человека является результатом обучения [12].

При всем многообразии зарубежных теорий общее между ними состоит во взгляде на анализ деятельности. Главная задача, которая ставилась в зарубежных исследованиях, заключалась в том, чтобы изучить зависимость элементов сознания от параметров вызывающих их раздражителей. Несовершенство этой системы заключается в том, что она исключает содержательный процесс, в котором осуществляются реальные связи субъекта с предметным миром, его предметная деятельность. В качестве решения данной проблемы Э.Ч. Толмен вводит понятие «промежуточные переменные», то есть понимание того, что эффекты внешнего воздействия зависят от преломления их субъектом. Поскольку эти промежуточные переменные не подлежат объективному наблюдению, они не представляют никакой практической пользы для психологии, если только их не удастся связать с экспериментальными (независимыми) переменными и с поведенческими (зависимыми) переменными [11].

А. Маслоу в своей теории обращал внимание на такую сторону деятельности, как потребность – движущая сила любой деятельности человека. У человека в процессе его развития возникают такие потребности, которые не имеют своих аналогов у животных, не являются врожденными инстинктами и в этом смысле являются автономными. Их формирование объясняется тем, что в человеческом обществе предметные потребности производятся и это является причиной возникновения самих потребностей [6].

Понятие деятельности представляет собой одну из фундаментальных категорий философии, заключающее в себе отношения субъекта и закономерностей окружающей действительности.

Работая в разных философских и научных традициях, используя разные онтологические картины и категории, все исследователи деятельности стремятся к тому, чтобы определить специфические свойства и признаки деятельности, найти конструктивные и проектные методы описания ее структур.

Изучая структуру деятельности, ее сущность и организацию, отечественные и зарубежные исследователи рассматривали ее с двух различных позиций. Во всем разнообразии зарубежных теорий общее между ними состоит в изучении зависимости элементов сознания от параметров вызывающих их раздражителей. То есть человек в различных научных течениях выступает больше как биологическое существо. Несовершенство этой системы заключается в том, что она исключает содержательный процесс, в котором осуществляются реальные связи субъекта с предметным миром, его предметная деятельность, а это, в свою очередь, требует введения новых переменных в понимание сущности феномена деятельности.

Отечественные ученые рассматривают человека – субъекта деятельности как существо социальное. Каждый человек, когда он рождается, сталкивается с уже сложившейся и непрерывно осуществляющейся вокруг него и рядом с ним деятельностью. Чтобы стать личностью, ребенок должен «прикрепиться» к системе человеческой деятельности, это значит – овладеть определенными видами деятельности, научиться осуществлять их в кооперации с другими людьми. То есть отечественные ученые приходят к выводу, что сознание рождается в деятельности, а деятельность, в свою очередь, неразрывно связана с сознанием и личностью.

Отечественные ученые внесли значительный вклад в понимание сущности феномена деятельности, осуществив теоретические разработки в области деятельности человека. Благодаря этим исследованиям деятельностный подход получил статус парадигмального. Важнейшую роль в разработке теории деятельности сыграли работы С.Л. Рубинштейна и А.Н. Леонтьева, в основу которых был положен марксистский подход.

В настоящее время можно встретиться с пессимистическими оценками отечественных работ в области теории деятельности. Но методологическое утверждение А.Н. Леонтьева продолжает быть актуальным.

Список литературы

1. *Абульханова К.А.* О субъекте психической деятельности. Методологические проблемы психологии. – М. : Наука. – 1973. – 576 с.
2. *Бернштейн Н.А.* Физиология движений и активность / под ред. О.Г. Газенко. – М. : Наука, 1990. – 494 с.
3. *Брушлинский А.В.* Субъект: мышление, учение, воображение. – М.; Воронеж, 1996. – 392 с.
4. *Дубровский В.Я.* Введение в общую теорию деятельности : цикл лекций. – М. : Центр гуманитарных технологий, 2008 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gtmarket.ru/library/articles/6554> (дата обращения: 02.05.2022).
5. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. – М. : Политиздат, 1975.
6. *Маслоу А.* Мотивация и личность. – СПб. : Питер, 2019.
7. *Попов Г.Х.* Праксеология и теория управления // Котарбинский Т. Трактат о хорошей работе / под ред. Г.Х. Попова. – М. : Экономика, 1975.
8. *Порус В.Н.* Котарбинский // Новая философская энциклопедия: в 4 т. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Мысль, 2010.
9. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. – СПб. : Питер, 2000.
10. *Сагатовский В.Н.* Деятельность как философская категория // Философские науки. – 1978. – № 2.
11. *Толмен Э.Ч.* Молярный феномен поведения / пер. и общ. ред. Ю.Б. Дормашева. – М. : Когито-Центр, 2013.
12. *Уотсон Дж. Б.* Психология как наука о поведении. – М., 1926 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dates.gnpbu.ru/3-8/Watson/watson.html> (дата обращения: 02.05.2022).
13. *Щедровицкий Г.П.* Исходные представления и категориальные средства теории деятельности // Разработка и внедрение систем в проектировании (теория и методология). – М., 1975.
14. *Щедровицкий Г.П.* Философия. Наука. Методология. – М., 1997.

УДК 141

DOI: 10.24412/2308-7196-2022-2-62-73

Мария Анатольевна Клочко

аспирант кафедры методики преподавания иностранных языков

*ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», Пермь, Россия
614990, Пермь, ул. Пушкина, 42, (342) 215-19-68
e-mail: mary.a.klochko@gmail.com*

**ЯЗЫК И ПОЗНАНИЕ В ФИЛОСОФИИ
ЛЮДВИГА ВИТГЕНШТЕЙНА****Maria A. Klochko**

Postgraduate student, the Chair of Methods of Teaching Foreign Languages
*Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
'Perm State Humanitarian Pedagogical University'
42, Pushkina, 614990, Perm, Russia, e-mail: mary.a.klochko@gmail.com*

**LANGUAGE AND COGNITION
IN THE PHILOSOPHY OF LUDWIG WITTGENSTEIN**

Аннотация. Рассматриваются понятия языка и познания, естественного языка и языка науки в общем и в философии Л. Витгенштейна в частности. Проблемы эффективной коммуникации, корректного выражения мыслей и идей, будь то в жизни или в научном дискурсе, сейчас как никогда злободневны. В связи с этим представляется своевременным сконцентрировать внимание на интеллектуальном богатстве Л. Витгенштейна, разработавшего универсальные логико-грамматические обоснования для устранения концептуальных затруднений в познании окружающего мира и описании его точными средствами языка.

Ключевые слова: познание, язык, естественный язык, язык науки, языковая игра.

Abstract. The article explores the philosophical heritage of Ludwig Wittgenstein in the field of language and cognition. Such terms as 'language', 'cognition', 'natural language', and 'scientific language' are examined not only on the whole but in the philosophy of L. Wittgenstein in particular. The problems of effective communication and properly formulated thoughts in everyday life or scientific discourse touched upon in the article are more than topical nowadays. That's why it is so timely to be focused on the elaborated ideas of L. Wittgenstein.

As far as he developed universal logical-grammatical reasoning to solve the conceptual problems of cognition by describing the results of cognition with the help of Language. Postgraduate students and students might find it useful and interesting in respect of philosophy and history studies as well as linguistic area.

Key words: cognition, language, natural language, scientific language, language-game.

Австрийско-британский философ Людвиг Йозеф Иоганн Витгенштейн (1889–1951) по праву считается одним из оригинальных и выдающихся мыслителей XX в. Его наследие в области философии языка, логики и математики, а также философии разума оказало огромное влияние на всю последующую европейскую философию и науку в целом. Более того, можно с уверенностью утверждать, что Людвиг Витгенштейн занял в истории науки особое место.

Труды Л. Витгенштейна представляют собой один из сложнейших для интерпретации в истории философии корпусов текстов. Так, по словам его друга и литературного душеприказчика Георга Хенрика фон Вригта, «его идеи, как правило, неправильно понимались, искажались даже теми, кто называл себя его учениками. Он сомневался, что в будущем его лучше поймут. Однажды он сказал, что ему казалось, что он пишет для людей, которые будут думать иначе, дышать другим воздухом жизни, чем современные люди» [17, с. 816].

В современном обществе крайне важно, чтобы мы все говорили «на одном языке», смыслы не искажались, а недоразумений было меньше, поэтому ключ к эффективной коммуникации, возможно, стоит искать, обратившись к философским трудам предыдущих столетий. В связи с этим представляется разумным сконцентрировать внимание на интеллектуальном наследии Л. Витгенштейна, разработавшего универсальные логико-грамматические обоснования для устранения концептуальных затруднений в познании окружающего мира и описании его точными средствами языка.

Говоря о степени изученности его текстов, следует отметить, что единственный опубликованный при его жизни труд – «Логико-философский трактат» (1921), сравнительно небольшой по объему, но колоссальный по содержанию, как тогда, в год издания, вызвал шквал диспутов, так и век спустя продолжает побуждать ученых к дальнейшим обсуждениям. Идеи Л. Витгенштейна все еще в значительной степени определяют содержание и направленность философских дискуссий, а также являются основанием для критического переосмысления традиционных проблем философии, включая проблемы языка и познания.

Объемные же рукописи, известные как «Голубая книга» и «Коричневая книга», а также «Философские исследования», были отредактированы и опубликованы посмертно, что уже предполагает некоторый анализ, переработку и реорганизацию материала. Тем не менее «Философские исследования», опубликованные в 1953 г., считаются одной из самых значительных книг по философии XX в. (наряду с «Логико-философским

трактатом») и «единственным перекрестным шедевром философии XX века, обращаемым к различным специализациям и философским направлениям» [18, с. 329–346].

Приступая к рассмотрению вопросов, связанных с языком и познанием, следует прежде всего разграничить основные понятия, такие как «познание», «мышление», «язык», «речь», и изучить их взаимосвязь.

Сложность этих понятий заключается в том, что, будучи многоаспектными, они практически не поддаются точному определению. Каждое определение отражает лишь какую-то одну грань этих понятий, поэтому представляется разумным дать несколько определений каждому из них. Итак, в понимании таких классиков словесности, как В.И. Даль, «язык – совокупность всех слов народа и верное их сочетание для передачи мыслей своих» [7, с. 2736]. С.И. Ожегов, давая определение понятию «язык», делает акцент на том, что это система средств, отражающая работу мышления: «Язык – исторически сложившаяся система звуковых, словарных и грамматических средств, объективирующая работу мышления и являющаяся орудием общения, обмена мыслями и взаимного понимания людей в обществе» [12, с. 1200]. О.С. Ахманова в своем определении обращает внимание на функцию передачи накопленных знаний и опыта: «Язык – одна из самобытных семиотических систем, являющаяся основным и важнейшим средством общения членов данного человеческого коллектива, для которых эта система оказывается также средством развития мышления, передачи от поколения к поколению культурно-исторических традиций» [1, с. 607]. По замечанию П.В. Копнина, «язык – это форма существования знания в виде системы знаков» [9, с. 288].

Таким образом, язык – это и совокупность всех слов, и средство общения, и семиотическая система, и совокупность знаний, представлений о мире и опыта предшествующих поколений, а также инструмент мышления.

Формы существования языка различны. Язык – это и язык вообще, как отличительная когнитивная способность человечества как вида (так называемый языковой ген FOXP2, присущий только homo sapiens). Язык – это и какой-то конкретный язык, например, русский, английский, французский. Однако и каждый человек также является носителем индивидуального языка, поскольку язык отражает не только реальный мир, но и внутренний мир говорящего и пишущего.

Французский философ Э.Б. де Кондильяк еще в XVIII в. высказал предположение: «Было бы ошибочным считать, что язык существует только в целях общения, ибо первое назначение языка – анализировать мысль» [10, с. 265]. Так, в новой интерпретации язык уже представляет собой инструмент мышления, благодаря которому вполне возможно найти ключ к неуловимым свойствам психики.

«В психологическом отношении наше мышление, если отвлечься от выражения его словами, представляет собой аморфную, нерасчлененную массу... Взятое само по себе мышление похоже на туманность, где ничто четко не разграничено. Предустановленных понятий нет, равным образом как нет

никаких различий до появления языка... Язык можно также сравнить с листом бумаги. Мысль – его лицевая сторона, а звук – оборотная; нельзя разрезать лицевую сторону, не разрезав оборотную. Так и в языке нельзя отделить ни мысль от звука, ни звук от мысли», – рассуждает Фердинанд де Соссюр [13, с. 696].

Более того, специфика языка определяется тем, что наблюдать язык во всех указанных формах существования непосредственно невозможно, а доступной становится лишь манифестация языка в процессе общения, т. е. в речи, а также в результате этого процесса в тексте.

«Мышление и речь представляют собой две формы реализации языка, выделение которого в отдельную категорию возможно лишь посредством абстракции. Именно наличием общей языковой основы следует объяснять многократно отмечавшуюся связь мышления и речи», – пишет В.А. Звегинцев [8, с. 248].

Немного забегаая вперед, стоит отметить, что Л. Витгенштейн опередил время и пришел к подобным рассуждениям и выводам намного раньше: «Не является ли мышление разновидностью речи? На это можно ответить, различив речь осмысленную от бездумной болтовни. И поэтому мышление представляется как аккомпанемент речи. Процессом, который может сопровождать речь или развиваться сам по себе» [2, с. 383].

Так каким же образом язык отражает мир сквозь призму сознания человека? Тут нельзя не отметить, что языковая картина мира у носителей разных языков значительно отличается. Об этом писал еще В. фон Гумбольдт: «Мышление не просто зависит от языка вообще, а до известной степени оно обусловлено также каждым отдельным языком» [6, с. 400].

На протяжении всей истории человечества окружающий мир представлял особый познавательный интерес для человека. «Наши предшественники, обладая той степенью мудрости, которой они располагали, познавали материальный и идеальный мир путем наблюдения, дедукции и классификации; результаты этой мудрости мы получаем в наследство через язык», – писал американский лексикограф У. Уитни [21, с. 528]. В. фон Гумбольдт полагал, что «различные языки являются для наций органами их оригинального мышления и восприятия» [6, с. 400].

Кроме того, по замечанию французского лингвиста Андре Мартине, абсолютно каждый язык обладает «специфической организацией данных опыта» [19, с. 224]. Мир в отражении разных языков различен, так, для одних в силу их среды обитания, традиций важны одни явления реальности, а для других – другие, одни обращают внимание на одни свойства, в то время как другим это не представляется важным. Так, например, в языке эскимосов существует много названий для обозначения снега (причем с разным корнем), ввиду того что снег для эскимосов – это и ключевой фактор их среды обитания, и источник питьевой воды, и строительный материал для иглу, и возможность или невозможность охоты и передвижения в разных погодных условиях.

Помимо этого, обращает на себя внимание проблема, заключающаяся в том, что слова, которые используются для обозначения одного и того же предмета или явления в разных языках, могут оказаться нетождественными. Это случается потому, как пояснял В. фон Гумбольдт, что в естественном языке слово «есть отпечаток не предмета самого по себе, но его образа, созданного этим предметом в нашей душе. В каждом языке заложено самобытное мирозерцание» [5, с. 396].

Согласно «Oxford Lexico Dictionary», познание определяется как мыслительные действия или процессы приобретения знаний и понимания через осмысление, опыт и чувства [24]. Процесс познания объективного мира всегда представлял большой интерес для исследователей. Так, познание представляет собой основной предмет гносеологии, однако изучается в рамках не только философии, но и когнитивистики, междисциплинарного направления, включающего в себя теорию познания, антропологию, когнитивную психологию, когнитивную лингвистику, нейрофизиологию и даже теорию искусственного интеллекта.

Как известно, выделяют несколько форм познания. В фокусе данной статьи находится научная форма познания, которая предполагает процесс приобретения объективных знаний о явлениях и закономерностях окружающей действительности и описания их языком науки. Результаты познания могут быть неоднозначно отражены в естественном языке, в то время как в языке науки любой объект или явление должны быть однозначными как для пишущего, так и для читающего. Таким образом, мы подходим к разграничению еще двух понятий – «естественный язык» и «язык науки».

Проблема языка науки как средства познания всегда лежала в противопоставлении этих двух видов языка. Предпосылки этого противопоставления можно наблюдать еще в средневековых трудах английского философа Роджера Бэкона, который описывал свои размышления о несовершенстве естественного языка, создающем помехи в деле познания истины. Позднее каталонский логик Раймонд Луллий предложил идею создания универсального «чистого, философского» языка, которая тем не менее так и не была реализована в полной мере, впрочем, как и многие другие. В те времена языком науки и образования был латинский, поэтому Р. Луллий использовал его в качестве основы для своей «Логической машины» с целью моделирования логических операций [14, с. 426].

Идея философского языка вновь возникла в XVII в. в трудах сразу нескольких философов, таких как Фрэнсис Бэкон, Томас Гоббс и Рене Декарт. Все идеи создания философского языка, за исключением идей Г.В. Лейбница, носили чисто теоретический характер и сводились к выведению принципов, по которым должен был функционировать этот мифический философский язык. Однако именно разработки абстрактного математического языка Лейбница (в котором, в отличие от естественных языков, вместо слов использовались специальные символы) были положены в основу современной математической логики [11, с. 160].

Таким образом, в те времена, как пишет Умберто Эко, ученые стремились «создать научный (философский) язык, в котором было бы достигнуто, путем беспрецедентного акта *imposition nominum* (лат. возложение имен), полное согласие между выражением и содержанием». Однако «всякая попытка измыслить философский язык обречена на неудачу», поскольку «априорный философский язык не в состоянии передавать все тонкости естественного языка» [14, с. 426].

Современные работы, посвященные проблемам языка науки, в силу традиции или специфики также носят дескриптивный характер и лишь предписывают, каким требованиям должен отвечать язык науки, нежели являются сколько-нибудь практическими разработками. Мечта пользоваться однозначным языком изложения и накопления результатов познания, благодаря которому достигалась бы высокая степень точности знания, так и осталась несбыточной.

Тем не менее в трудах одного из величайших мыслителей прошлого столетия можно наблюдать возможное решение данной проблемы, которое достигается не созданием отдельного философского языка, а совсем иным путем. Таким философом, который на протяжении всей своей жизни интересовался проблемой языка и мира, был Людвиг Витгенштейн.

Анализируя тексты Л. Витгенштейна, нужно отметить, во-первых, то, что именно самым автором был написан только его первый и главный труд, причисляемый к его раннему периоду. Все же остальные произведения представляют собой либо конспекты лекций, прочитанных студентам в Кембридже в 1933–1934 гг. («Голубая книга»), либо материалы, надиктованные автором («Коричневая книга»). Причисляемые к позднему периоду, они, таким образом, не вполне отражают «поток его сознания». Следовательно, именно «Логико-философский трактат» является прекрасным примером не только стройности его мысли, самодостаточности его универсальных тезисов, но и его самобытной лаконичности изложения, благодаря которой мы можем наблюдать нечто подобное языку науки в его, витгенштейновском, проявлении.

Несмотря на то что появление «Логико-философского трактата» в 1921 г. произвело сильнейшее впечатление на философский мир Европы, в частности, на так называемый венский кружок, и вызвало многочисленные дискуссии, сам Л. Витгенштейн не особо был заинтересован в последующем обсуждении своей работы. Он считал, что в его «Трактате» уже все сказано, а предоставленное решение всех философских проблем (в форме семи основных декларативных кратких утверждений и разветвленной структурированной системы поясняющих предложений) самоочевидно, исчерпывающе и не требует ни обсуждений, ни комментариев.

В 20-х гг. XX в. Л. Витгенштейн после некоторого перерыва вновь обращается к философии и переезжает в Англию, в Кембридж. Однако, несмотря на известность, Витгенштейн не может там преподавать ввиду отсутствия ученой степени. Тогда в качестве его диссертации было предложено

рассмотреть «Логико-философский трактат», о котором впоследствии Дж. Мур говорил: «Я считаю, что это работа гения; но, даже если я полностью ошибаюсь и это совсем не так, эта работа намного выше стандарта, необходимого для получения степени доктора философии» [20, с. 376]. Так Витгенштейн получил признание в Кембридже и в качестве профессора философии, лектора и члена Тринити-колледжа продолжил свою работу в Англии.

Интересно отметить также, что в предисловии, написанном самим автором (что немаловажно, так как предыдущий вариант предисловия, написанный его учителем и другом Бертраном Расселом, Л. Витгенштейн, как ни странно, отверг), философ говорит, что главное – обозначить предел мысли, точнее, не столько мысли, сколько способов ее выражения. К слову сказать, в английской версии, изданной вместе с немецким вариантом и представляющей параллельный перевод «Трактата», можно наблюдать два предисловия – и автора, и его наставника, что помогает посмотреть на философа глазами другого философа.

Итак, поскольку все недоразумения и проблемы в жизни в целом и в философии в частности возникают именно из-за того, что участники коммуникации недостаточно четко могут выразить свои мысли, Л. Витгенштейн полагал: «4.003. Большинство суждений и вопросов об объектах философских не ложны, но бессмысленны. Посему мы не можем дать ответ на подобные вопросы, а можем лишь указать на их бессмысленность. Большинство суждений и философских вопросов проистекают из неспособности понять логику нашего языка. (Они принадлежат к той же категории, что и вопрос, насколько добро тождественно красоте). И неудивительно, что наиболее серьезные проблемы на самом деле оказываются не проблемами вовсе» [3, с. 160].

Таким образом, в качестве метода решения основных философских проблем в «Трактате» предлагается взгляд на них сквозь призму отношения языка и мира. Однако Л. Витгенштейн уточняет и предостерегает, что не стоит в языке выражать то, что словами не может быть выражено, следовательно, об этом надлежит умолчать.

Язык и мир для всей философии Л. Витгенштейна являются основополагающими понятиями. Язык играет роль некоего изобразительного средства, а выбор языка представляет собой выбор некой логической картины мира. Так, под языком Л. Витгенштейн понимал любую знаковую систему, будь то даже нотная грамота, что можно наблюдать в пояснениях: «4.011. На первый взгляд, по-видимому, предложение – например, как оно напечатано на бумаге – не является образом действительности, о которой оно говорит. Но ведь и ноты тоже не кажутся на первый взгляд образом музыки, и наши фонетические знаки (буквы) не кажутся образом нашей устной речи. И все же эти символика даже в обычном смысле слова оказываются образами того, что они изображают»; «4.014. Граммофонная пластинка, музыкальная мысль, партитура, звуковые волны – все это стоит друг к другу в том же внутреннем образном отношении, какое существует между языком и миром. Все они имеют общую логическую структуру» [3, с. 160].

Кроме того, Л. Витгенштейн рассуждал о процессе мышления и предполагал, что «мышление, по существу, состоит в оперировании знаками» [3, с. 160].

В «Логико-философском трактате» Л. Витгенштейн полагал, что язык отражает мир благодаря тому, что логическая структура языка идентична структуре мира. Мир в философии Витгенштейна представляет собой совокупность всех фактов, в то время как в большинстве философских школ считается, что мир состоит из объектов. Объекты, обладая логической формой, вступают во взаимоотношения и образуют факты. В понимании Витгенштейна именно предложения, а не слова, представляют собой простейшие языковые единицы. Исходя из этого, простые факты описываются простыми предложениями, а сложные – сложными. Наряду с этим весь язык представляет собой полное описание всего того, что есть в мире, то есть всех фактов. Таким образом, язык полностью подчиняется законам логики и поддается формализации, т. е. язык, в понимании Л. Витгенштейна, является абсолютно логичным построением: «3.032. Изобразить в языке нечто «противоречащее логике» так же невозможно, как нельзя в геометрии посредством ее координат изобразить фигуру, противоречащую законам пространства, или дать координаты несуществующей точки» [3, с. 160].

Исходя из этого, все предложения, нарушавшие законы логики или не относившиеся к наблюдаемым фактам, определялись Витгенштейном как бессмысленные, о чем, в соответствии с одним из утверждений, ввиду невозможности выразить следовало молчать. Наиболее известным было именно это утверждение № 7: «Where of one can not speak, there of one must be silent» (в переводе с английского: «То, о чем нельзя сказать, следует обойти молчанием») [23, с. 173].

Кроме того, Витгенштейн предполагал описание мира и языком формул и уравнений: «5.526. Мы можем полностью описать мир посредством обобщенных суждений, без предварительного соотнесения имен с конкретными объектами. Для последующего перехода к обычному способу выражения нужно к выражению “имеется один и только один x , который...” просто прибавить: “и этот x есть a ”» [3, с. 160]. Л. Витгенштейн размышлял и о тождественности: «5.53. Тождественность объектов я выражаю тождественностью знаков, а не использованием знака тождественности. Различие объектов я выражаю различием знаков» [3, с. 160].

Помимо всего прочего, Л. Витгенштейн все же задавался вопросом и о метафизическом: «5.633. Где в мире найти метафизический субъект? Вы скажете, что это в точности ситуация с глазом и полем зрения. Но ведь в реальности вы не видите свой глаз. И ничто в поле зрения не позволяет предположить, что оно видимо глазом» [3, с. 160]. И тут же приводил ответ на свой вопрос, что «5.641. ...личность в философию привносит тот факт, что мир “есть мой мир”. Философское “я” – не человеческое существо, не человеческая душа, с которой имеет дело психология, но, скорее, метафизический субъект, предел мира – а не его часть» [3, с. 160].

Стоит отметить, что утверждение под номером семь из «Логико-философского трактата» было подвергнуто особо жесткой критике и воспринято крайне негативно австрийскими философами, что впоследствии подвигло Витгенштейна пересмотреть свою философию и нашло отражение в рукописях более поздних его трудов, а именно в его последнем произведении. Так, в «Философских исследованиях», вышедших уже после смерти автора и причисляемых к позднему периоду, был предложен обновленный подход к языку, давший начало новой лингвистической философии (получившей наибольшее распространение в 1930–1960-х гг. в Великобритании и США), для которой было характерно исследование философских проблем посредством анализа языка.

Вследствие критического пересмотра своих старых идей Л. Витгенштейном был представлен комплекс идейных, заключавшихся в понимании языка как подвижной системы контекстов и «языковых игр». Именно в «языковых играх», по мнению философа, проявлялись противоречия, связанные с неясностью смыслов используемых слов и выражений и устраняемые путем прояснения последних. Из этого следовало, что задачей философии, по его мнению, являлось прояснение правил употребления языковых единиц и устранение вышеуказанных противоречий.

В своих поздних рукописях, впоследствии ставших известными как голубая и коричневая книги, а также в «Философских исследованиях» Л. Витгенштейн рассматривал многочисленные загадки в области семантики, логики, философии сознания и философии математики. Он утверждал, что в основе большинства философских проблем лежит концептуальная путаница, связанная с использованием языка. Таким образом, в «Философских исследованиях» философские проблемы рассматривались посредством соотнесения их с языковыми играми.

Кроме того, идея контекста, присутствовавшая еще в «Логико-философском трактате», нашла свое отражение в «Голубой» и «Коричневой» книгах.

«4.026. Значение простых знаков (слов) следует объяснять, чтобы мы их поняли. Но чтобы поняли нас, требуются суждения.

4.027. Суть суждения заключается в том, что оно должно передавать новый смысл.

4.03. Суждение должно использовать существующие выражения для передачи нового смысла. Суждение передает ситуацию и потому должно быть непосредственно связано с ситуацией. Эта связь представляет собой не что иное, как логическую картину. Суждение сообщает что-либо лишь тогда, когда это что-либо присутствует на картине.

4.031. В суждении ситуация как таковая создается опытным путем. Вместо фразы «Это суждение имеет такой-то и такой-то смысл» мы можем просто сказать: «Это суждение представляет такую-то ситуацию» [3, с. 160].

Наряду с тем, что в своем «Трактате» Л. Витгенштейн объяснял простые факты простыми предложениями, а сложные – сложными, тем самым

иллюстрируя свое понимание в своем же тексте, в его поздних трудах методологические основания «языковой игры» также не излагались в виде теоретических положений, а демонстрировались в самом философском тексте, через постоянное «прояснение», интерпретацию и повторную интерпретацию рассматриваемых понятий. Таким образом, философия Л. Витгенштейна сама по себе является «языковой игрой» в действии.

В связи с контекстом Л. Витгенштейн не обошел вниманием и семантику: «Значение – это одно из тех слов, о которых можно сказать, что они выполняют в нашем языке работу по случаю. Как раз такие слова являются причиной большинства философских затруднений» [2, с. 383]. Таким образом, значение знака не статично, а смысл ему придает «языковая игра» – практическая ситуация, в которой знак употребляется.

Кроме того, Л. Витгенштейн опередил свое время, рассуждая о том, что впоследствии стали называть *qualia*, т. е. о субъективных переживаниях, порождаемых физическими явлениями объективной реальности [25]. Субъективная реальность составляет центральную проблему философии сознания [15, с. 224]. Л. Витгенштейн писал: «Иногда нам кажется, будто явления индивидуального переживания в некотором смысле представляют собой явления высших слоев атмосферы в их противопоставлении материальным явлениям, которые происходят на Земле» [2, с. 383].

В широком смысле игрой можно считать любое творчество, ведь во все времена авторы «играли со словом». Однако именно на тему языка абсурда и парадокса Л. Витгенштейн привел некоторые свои соображения, отчего отдельные исследователи в этом усмотрели отсылки к Льюису Кэрроллу и его «Алисе в Стране чудес». В качестве назначения игры Л. Витгенштейн называет доведение до сознания читателей потрясающее разнообразие инструментов языка и способов их применения, что должно было развенчать в сознании читателя миф, что язык всегда работает одинаково и может служить лишь одной цели.

В «Философских исследованиях» Л. Витгенштейн уже не представлял язык чем-то отстраненным и обособленным от мира, противостоящим миру логическим «зеркалом», а, напротив, полагал, что язык вплетен материю действительности и в разнообразные «формы жизни».

В «Философских исследованиях» Л. Витгенштейн также приводит свои размышления на тему грамматики: «Сколько же существует типов предложения? Скажем, утверждение, вопрос, повеление? – Имеется бесчисленное множество таких типов – бесконечно разнообразны виды употребления всего того, что мы называем «знаками», «словами», «предложениями». И эта множественность не представляет собой чего-то устойчивого, наоборот, возникают новые типы языков, или, можно сказать, новые «языковые игры», старые устаревают и забываются» [22, с. 250].

Рассмотрим, что же именно подразумевается под «языковой игрой». В понимании Фердинанда де Соссюра язык сравнивался с игрой в шахматы, однако Л. Витгенштейн полагал, что языковая игра никак не может быть

сродни развлечению, а должна служить скорее для выражения намерения. Так, «языковые игры» в понимании Л. Витгенштейна заключались в намерениях говорящих: «отдавать приказы или выполнять их; описывать внешний вид предмета или его размеры; изготавливать предмет по его описанию (чертежу); информировать о событии; размышлять о событии; выдвигать и проверять гипотезу; представлять результаты некоторого эксперимента в таблицах и диаграммах; сочинять рассказ и читать его; играть в театре; распевать хороводные песни; разгадывать загадки; острить; рассказывать забавные истории; решать арифметические задачи; переводить с одного языка на другой; просить, благодарить, проклинать, приветствовать, молить» [4, с. 382].

Очевидно, что Л. Витгенштейн отличался невероятной изобретательностью в варьировании «языковых игр» и предлагал различные сценарии. Мысленно экспериментируя, в неограниченном многообразии случаев Л. Витгенштейн подсвечивал нужную для его рассуждения сторону, как бы оттеняя и улавливая нюансы, или «тонкие оттенки поведения», как он их сам называл. Таким образом, согласно Л. Витгенштейну, «языковые игры» представляют собой формы самой жизни, а реальный мир, воспринимаемый через призму языка, представляет собой совокупность «языковых игр».

Наследие Л. Витгенштейна, как мы убедились, обратившись к нему век спустя, до сих пор не утратило актуальности. Его оригинальные идеи, проиллюстрированные его же оригинальными текстами, представляют не только научный, но и эстетический интерес. Проблемы эффективной коммуникации и корректного выражения мыслей и идей, будь то в жизни, играя в «языковые игры», или в научном дискурсе, как никогда злободневны. Таким образом, в деле познания мира крайне важен язык, которым должны быть отражены результаты познания. Причем языку науки предписывается быть однозначным как со стороны создающего текст, так и со стороны воспринимающего, т. е. носитель языка должен обладать настолько высоким уровнем владения языком, чтобы его и продуктивные, и рецептивные навыки позволяли не только четко формулировать мысли, идеи и результаты исследований, но и правильно воспринимать и осознавать речь других, письменную или устную.

Роль Л. Витгенштейна сложно переоценить, его концепция языковых игр повлияла на семиотику, теорию речевых актов, теорию коммуникации и прагматику, а его положения из «Логико-философского трактата» нашли свое продолжение в постулатах логика и философа П. Грайса [16, с. 41–58], которыми также стоит руководствоваться, осуществляя коммуникацию как в «формах жизни», так и в науке.

Список литературы

1. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. – М., 1966. – 607 с.
2. *Витгенштейн Л.* Голубая и коричневая книги. – М., 2022. – 383 с.

3. *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. – М., 2022. – 160 с.
4. *Витгенштейн Л.* Философские исследования. – М., 2019. – 382 с.
5. *Гумбольдт В. фон.* Избранные труды по языкознанию. – М., 1984. – 396 с.
6. *Гумбольдт В. фон.* Избранные труды по языкознанию. – М., 2000. – 400 с.
7. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 1978. – 2736 с.
8. *Звегинцев В.А.* Язык и лингвистическая теория. – М., 1973. – 248 с.
9. *Копнин П.В.* Введение в лингвистическую гносеологию. – Киев, 1966. – 288 с.
10. *Левицкий Ю.А.* Общее языкознание. – М., 2007. – 265 с.
11. *Левицкий Ю.А.* Проблемы лингвистической семантики. – Пермь, 2008. – 160 с.
12. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. – М., 1972. – 1200 с.
13. *Соссюр Ф. де.* Труды по языкознанию. – М., 1977. – 696 с.
14. *Эко Умберто.* Поиски совершенного языка в европейской культуре. – СПб., 2007. – 426 с.
15. *Edelman G.M.* Wider than the sky: The phenomenal gift of consciousness, Yale University Press, 2004. – 224 p.
16. *Grice P.* Logic and conversation // Syntax & semantics. University of California, Berkeley, 1975. – P. 41–58.
17. *Hallett G.* A Companion to Wittgenstein's Philosophical Investigations. Cornell University Press, 1977. – 816 p.
18. *Lackey D.P.* What are the modern Classics? The Baruch Poll of Great Philosophy in the Twentieth Century // The Philosophical Forum, 1999. – P. 329–346.
19. *Martinet A.* Elements de linguistique generale. – Paris, 1960. – 224 p.
20. *Moore G.E.* Essays in Retrospect. – London, 1970. – 376 p.
21. *Whitney W.D.* Language and the study of language: twelve lectures on the principles of linguistic science. – Montana, 2007. – 528 p.
22. *Wittgenstein L.* Philosophical Investigations. – Oxford, 1958. – 250 p. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.static1.squarespace.com/static/54889e73e4b0a2c1f9891289/t/564b61a4e4b04eca59c4d232/1447780772744/Ludwig.Wittgenstein.Philosophical.Investigations.pdf (дата обращения: 15.05.2022).
23. *Wittgenstein L.* Tractatus Logico-Philosophicus. – New York, 1922. – 173 p. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.gutenberg.org/files/5740/5740-pdf.pdf (дата обращения: 15.05.2022).
24. Lexico Dictionary by Oxford [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.lexico.com/definition/cognition (дата обращения: 15.05.2022).
25. Lexico Dictionary by Oxford [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.lexico.com/en/definition/qualia (дата обращения: 15.05.2022).

УДК 141

DOI: 10.24412/2308-7196-2022-2-74-81

Светлана Анатольевна Полякова
аспирант кафедры русской литературы

*ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», Пермь, Россия
614990, Пермь, ул. Сибирская, 24
Тел: +7-961-758-58-28, e-mail: polyakovasa@mail.ru*

ФИЛОСОФИЯ КОСМИЗМА И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ В РАБОТАХ К. ЦИОЛКОВСКОГО

Svetlana A. Polyakova
Postgraduate student of the Department of Russian Literature

*Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
«Perm State Humanitarian Pedagogical University»
24, Sibirskaja, 614990, Perm, Russia*

PHILOSOPHY OF COSMISM AND METHODOLOGICAL PRINCIPLES IN THE WORKS OF K. TSIOLKOVSKY

Аннотация. Даны обзор философии космизма К.Э. Циолковского и анализ методологических принципов в его работах, рассмотрено содержание категории «атом-дух». Описана модель социальной реальности, имеющая свое значение для понимания мироустройства, и приведены принципы универсального мировоззрения, необходимого для становления каждого человека.

Ключевые слова: К.Э. Циолковский, философия космизма, методологические принципы, принцип монизма, антропологическая идея, социально-космическая утопия.

Abstract. The article is devoted to the review of the philosophy of cosmism by K.E. Tsiolkovsky; the analysis of the methodological principles in his works, the consideration of the content of the category ‘atom-spirit’ is given. The article describes a model of social reality, which has its own significance for understanding the world order and substantiating a universal worldview, which is so necessary for the formation of every person.

Key words: K.E. Tsiolkovsky, philosophy of cosmism, methodological principles, principle of monism, anthropological idea, socio-cosmic utopia.

Константин Эдуардович Циолковский – самый яркий представитель космистов, который разработал систему взглядов на устройство мира, человека, природу и общество. Философское наследие К.Э. Циолковского разнообразно по содержанию и глубине проблематики: он часто опережал свое время, например, в создании философской и мировоззренческой базы для разработки теоретических основ космонавтики и ее практического развития. Уже в начале XX в. он, как и другие русские космисты (Н.Ф. Федоров, В.И. Вернадский, А.Л. Чижевский), осознавал будущие глобальные угрозы человечеству: экологические катастрофы, космические катаклизмы, демографические проблемы, истощение сырьевых ресурсов и т. д. Ученый подходил к решению этих и других проблем с антропологической точки зрения. Его глубоко интересовали проблемы духовного развития человека и человечества.

В философско-мировоззренческой концепции Циолковского можно выделить три основных этапа. Первый этап (1898–1914) охватывает работы: «Научные основания религии» (1898), «Этика или естественные основы нравственности» (1902–1903) (наиболее фундаментальный философский труд Циолковского), «Нирвана» (1914). На этом этапе основным был принцип, сформулированный Циолковским впоследствии (1934): «Судьба существа зависит от судьбы Вселенной». Под «существом» подразумевается не только человек. «Простейшее существо», согласно космической философии – «атом-дух». Совокупность «атомов-духов» образует субстанциональную основу мира. Космос – иерархия существ, включая и человека. Сам космос тоже «живое существо», «причина» и «воля» которого в строгих рамках определяет поведение человека и других «существ» космоса.

На втором этапе (1915–1923) Циолковский основное внимание уделяет другим проблемам, отличным от космоса:

- изложению «научного» понимания библейских текстов;
- проблемам общества будущего, разрешаемым в социально-утопическом духе («Горе и гений» (1916), «Идеальный строй жизни» (1917) и др.);
- проблемам строения и жизни человеческого тела («Человек. Свойства человека», 1917).

Циолковский подчеркивает несовершенство социальных отношений, несправедливость в обществе и т. д.¹ Проблемы космизма затрагиваются в работах: «Первопричина» (1918), «Социология (фантазия). Приключения атома» (1918) и нек. др.

На третьем этапе (1923–1935) Циолковский разрабатывает так называемый активно-эволюционный принцип космизма. Его смысл состоит в следующем: «Судьба Вселенной зависит от космического разума, т. е. от человечества и других космических цивилизаций, их преобразовательной деятельности». Этот принцип обосновывается во многих статьях и брошюрах: «Живая Вселенная» (1923), «Монизм Вселенной» (1925–1931), «Будущее Земли

¹ Лыткин В.В. Социальные идеалы в мировоззрении К.Э. Циолковского // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2005. № 10. С. 219–225.

и человечества» (1928), «Космическая философия» (1935) и мн. др. Заметим, что «активно-эволюционный» смысл принципа космизма сосуществует у Циолковского с более традиционным смыслом этого принципа: «Судьба существа зависит от судьбы Вселенной»². Все это создает сложности при понимании космической философии на завершающем этапе ее становления. Более подробно методологические принципы будут рассмотрены нами во второй главе нашей работы.

Основополагающими в космической философии Циолковского помимо принципа монизма являются идеи причины космоса и космического бытия.

Идея первопричины (причины) космоса, как считал Циолковский, «не может убедить и не имеет вида научной истины. Но я не могу лично обойтись без первопричины, всемогущей и благой к своему созданию»³. По словам Циолковского, все, что для нашего ума безначально и бесконечно, то для первопричины конечно, даже нуль, т. е. для нее мир мог иметь начало. Всемогущая и нежно любящая свое творение первопричина находится вне Вселенной и может ее уничтожить по своей воле. Причина «безмерно выше космоса» и несоизмерима со своим творением, т. к. создает вещество и энергию, что «космос сам не в силах делать». Проникновение в свойства причины приводит к неожиданным выводам этического значения, которые «не могут не иметь благотворного влияния на поступки человека и других сознательных»⁴. Ее доброта, счастье, мудрость и могущество бесконечны, и отсюда следует, по Циолковскому, ряд выводов:

1. «Удовлетворение любознательности и вытекающее отсюда спокойствие».
2. «Смирение перед причиной».
3. «Чувство благодарности за некончающееся возрастающее счастье».
4. «Могущество причины не принесет нам зла и в будущем».

Основные идеи космизма находят также свое отражение в рассуждениях Циолковского о «воле Вселенной». Если все вокруг «порождено Вселенной. Она – начало всех вещей», то «от нее все и зависит. Человек или другое высшее существо и его воля есть только проявление воли Вселенной». В контексте «живой Вселенной» метафизика человеческой судьбы состоит в том, что смерти нет. В процессе возникновения и распада союзов «атомов-духов» смерть «сливается с рождением». Новая жизнь «хотя и разрушима, но новое разрушение сольется с новым совершенным рождением... Разрушения или смерти будут повторяться, бесчисленное множество раз, но все эти разрушения есть не исчезновения, а возникновения». Согласно космической философии, «души хотя и нет», жизнь в ритмах эволюции Вселенной «непрерывна, счастлива, могущественна, никогда не прекращалась и никогда не прекратится», т. к. во временно мертвом веществе нет субъективного

² Циолковский К.Э. Космическая философия. Комментарии. М. : Сфера, 2004.

³ Брыков А.В. К тайнам Вселенной. М., 1993.

⁴ Брыков А.В. К тайнам Вселенной. М., 1993.

ощущения времени. Такой подход к судьбе человека в космизме характерен только для Циолковского и является очевидной альтернативой «активно-эволюционного подхода». В соответствии с идеями космизма Циолковский считал, что человек отнюдь не вершина эволюции. Человечеству предстоит «идти вперед и прогрессировать – в отношении тела, ума, нравственности, познания и технического могущества. Впереди его ждет нечто блестящее, невообразимое». По истечении тысячи миллионов лет «ничего несовершенного... на Земле уже не будет. Останется одно хорошее, к чему неизбежно приведет наш разум и его сила». Космическое бытие человечества, по Циолковскому, «может быть подразделено на четыре основные эры:

- эра рождения, в которую вступит человечество через несколько десятков лет и которая продлится несколько миллиардов лет;
- эра становления. Эта эра будет ознаменована расселением человечества по всему космосу. Длительность этой эры – сотни миллиардов лет;
- эра расцвета человечества. Теперь трудно предсказать ее длительность – очевидно, сотни миллиардов лет;
- эра терминальная займёт десятки миллиардов лет. Во время этой эры человечество... сочтет за благо включить второй закон термодинамики в атоме, т. е. из корпускулярного вещества превратиться в лучевое. Что такое лучевая эра космоса – мы ничего не знаем и ничего предполагать не можем».

Современный космизм представляет собой программу становления человечества, и космическая философия Циолковского может рассматриваться как перспективный вариант осуществления такой программы.

Монизм – превалирующий, основополагающий методологический принцип космизма, который постулирует идею сведения бесчисленного множества объектов к единой субстанции, первоначально. Принцип монизма отличается многоаспектностью, множественностью интерпретаций⁵, т. к. присутствует не только в философии космизма К.Э. Циолковского. Однако в контексте рассматриваемой темы мы можем выделить следующие основополагающие его характеристики:

1. Космо-антропологический параллелизм, предполагающий обращение к дихотомии «человек – вселенная» или «микрокосм – макрокосм». Данное осмысление бытия человека свойственно мифо-магической, религиозной, философской картине мира и присутствует во многих направлениях философии науки. В концепции Циолковского данный принцип тесно связан с идеей обретения бессмертия через телесную и духовную эволюцию личности, развития ее сознания до уровня, выходящего за пределы человека как физического объекта и даже за пределы земного шара. С одной стороны, личность Циолковского имеет в прямом смысле космический масштаб, приобретает архетипические черты демиурга – творца и преобразователя вселенной. Мы можем увидеть в данном аспекте результаты переработки множества философско-религиозных и мистических учений, т. к. идея человека,

⁵ Науменко Л.К. Монизм как принцип диалектической логики. Алма-Ата : Наука, 1968. 327 с.

который в процессе духовного роста сам становится новым богом, создающим новую природу и новые миры, несомненно, не является новаторской. С другой стороны, философ, говоря о бессмертии, отвергает идею бессмертной души и души как таковой. Божественная же сила человека ограничена вселенной, где все едино и все имеет свою причину. Человек, несмотря на свой масштаб, лишь совокупность атомов, каждый из которых часть вселенной.

2. Космо-социологический параллелизм во многом развивает идеи социального эволюционизма, в соответствии с которыми общество в процессе своего развития преодолевает разобщенность, враждебность индивидов друг к другу и становится единым целым. Цельность эта, по Циолковскому, имеет космический масштаб и такое же значение. В результате общество, как и человек, становится бессмертным, превращается в автономную самообновляющуюся систему, повторяя структуру вселенной. Нельзя не отметить близость данного принципа постулатам современной концепции трансгуманизма, одной из целей которого является объединение всех людей в одно сверхсущество – огромный познающий и вычисляющий сверхорганизм (компьютрониум)⁶.

3. Монизм как парадигма деятельности. Принцип монизма не является одной лишь умозрительной теоретической конструкцией, он предполагает активную преобразовательную деятельность как каждого отдельного человека, так и общества в целом для перехода от плюрализма бытия к монизму – единству всего во всем. Достижение монизма невозможно без деятельности.

4. Интегральность. Монизм предполагает преодоление мировоззренческих и методологических разрывов между сложившимися концепциями, учениями и идеологиями через синтез, интеграцию одной парадигмы в другую. Монизм также предполагал преодоление исторически обусловленного разрыва и демаркации между наукой, религией, искусством и философией. С одной стороны, такие идеи мы можем назвать абстрактными и утопичными, с другой – сегодня мы наблюдаем стремительное развитие междисциплинарного подхода и активное взаимодействие перечисленных сфер общественного сознания.

5. Нравственный монизм предполагает наличие единого и объективного источника нравственного, которому должны соответствовать каждый человек и каждое общество. Нравственная идея, или нравственный закон, едина и непреложна для всех: жителей планеты Земля, независимо от их уровня и статуса, жителей других планет. Данная идея в какой-то степени отсылает нас к архетипу Страшного суда, представленному в большинстве мифологических и религиозных систем. Циолковский также выносит идею справедливости и нравственного идеала за пределы индивидуального и социального бытия, за пределы земного мира и его законов, обращаясь к абсолютному безусловному морально-нравственному императиву.

⁶ Кутырёв В.А. Унесенные прогрессом: эсхатология жизни в техногенном мире. СПб. : Алетейя, 2016. 300 с.

Антропологическая идея пронизывает всю философию космизма Циолковского, т. к. автор обращается к идее параллелизма индивидуального и космического. Принцип космо-антропологического параллелизма делает человека неотъемлемой частью вселенной, заставляя полностью соответствовать ей по основным параметрам. Каждый человек – это вселенная, а следовательно, он вечен во времени и бесконечен в пространстве, а также способен к самообновлению. Так как люди как биологические существа не обладают заданными характеристиками, их задача – постепенно в процессе биологической, историко-культурной, духовной эволюции приобрести бессмертие и абсолютность в контексте пространство – время.

Космизм Циолковского предполагает взаимодействие научно-технического прогресса и идеалистической философии; так, для преодоления ограниченности человека в рамках пространства и времени человечеству потребуется космический транспорт, а бессмертие может быть достигнуто посредством атома-духа.

Мы можем задаться вопросом, применима ли вообще антропологическая идея Циолковского к реальной жизни, можем ли мы использовать его философию и методологию применительно к настоящему времени, лишенному космических звездолетов и взаимодействия со вземными цивилизациями. В общем и целом антропологическая идея Циолковского, лишенная фантастических представлений о мире будущего, относится к категории вневременных. Философ постулирует идею о том, что скорбь, смерть и страдания, насилие и жестокость не имеют под собой никакого глубинного смысла, онтологического основания или логики. Это – ошибка мышления, свойственная человеку, это – следствие слабости духа и подверженности страстям и порокам. В конце концов, это просто «игры разума», в которые играет общество. В этом антропологическая идея Циолковского отличается от многих других, где под танатос и хаос, под страдания и боль подводится внушительная мировоззренческая и методологическая база. Так, у В. Франкла страдания и осмысление этих страданий – один из способов обретения смысла жизни и в конечном итоге счастья⁷, у З. Фрейда и К. Юнга смерть – это смысл жизни и главная ценность⁸. Но для К. Циолковского и смерть, и страдания бессмысленны и ужасны, и последнее, что должен делать человек, – это мириться с ними как с должным или пытаться найти в этом какое-то удовольствие и необходимость. «Человек рожден для счастья» – вот главный тезис и лозунг Циолковского, и человек будущего в его философии – это оптимизм, наделенный состраданием, стремление к труду, созиданию и творчеству; жизнь такого человека наполнена высоким смыслом и великими делами. Таким образом, философия К. Циолковского ставит вопрос поиска человеком счастья и смысла бытия.

⁷ Франкл В. Человек в поисках смысла : сборник / пер. с англ. и нем. Д.А. Леонтьева, М.П. Папуша, Е.В. Эйсмана. М. : Прогресс, 1990. 368 с.

⁸ Юнг К.Г. Символическая жизнь. 2-е изд. М. : Когито-Центр, 2010. 326 с.

Учение об атоме-духе является естественным и логичным элементом концепции монизма Циолковского. Идея однородности мира предполагает наличие универсальных взаимосвязей между физическим и психическим, духом и материей, природным и социальным, неодушевленным и наделенным сознанием, в чем прослеживаются черты диалектики Гегеля. Одним из вариантов интерпретации такой однородности является панпсихический атомизм, или монизм, который признает существование единой мировой субстанции, наделенной психической чувствительностью.

Принцип атомистического панпсихизма напрямую связан с пониманием материи и очень схож с философией Платона: «Я не только материалист, но и панпсихист, признающий чувствительность всей Вселенной. Это свойство я считаю неотделимым от материи». Все тела вселенной «имеют одну и ту же сущность; одно начало, которое мы называем духом материи (сущность, начало, субстанция, атом в идеальном смысле)». «Атом-дух» («идеальный атом», «первобытный дух»), по Циолковскому, «есть неделимая основа или сущность мира. Она везде одинакова. Животное есть вместилище бесконечного числа атомов-духов, так же, как и Вселенная. Из них только она и состоит, материи, как ее прежде понимали, нет. Есть только одно нематериальное, всегда чувствующее, вечное неистребляемое, неуничтожаемое, раз и навсегда созданное или всегда существовавшее»⁹. Следовательно, «атом-дух» – это элемент метафизической субстанции, лежащей в основе мира и отличной от элементарных частиц в современной физике.

Рассмотрим данную концепцию подробнее. Итак, по мнению Циолковского, основой физического мира является атом или множество атомов, которые обладают потенциальной психической чувствительностью. Эта чувствительность может проявляться в разной степени, а может не проявляться вообще, в зависимости от того, в состав какого тела входит атом. Условно, человеку потребуется больше психической чувствительности, чем камню.

Мы можем выделить несколько основополагающих постулатов учения об атоме-духе:

- бессмертность атомов, так как атомы – часть вселенной, а вселенная обладает бессмертием;
- жизнь атома идентична жизни его конкретного облика, т. е. атом реализует свой потенциал в контексте того, в чье тело он входит и чьей жизнью живет;
- атом переходит из одного тела в другое посредством обмена веществ в природе.

Такой панпсихический атомизм позволяет решить сразу несколько задач, поставленных, скажем так, причиной космоса:

⁹ Кантемиров Б.Н. Циолковский и современные концепции космонавтики // XXXII Научные чтения, посвященные разработке творческого наследия К.Э. Циолковского : тезисы докладов. М., 1997.

– обеспечение базовых прав атомов; с эволюцией человечества атомы пребывают в составе все более развитых и разумных существ, которые обеспечивают им полноценную и сознательную жизнь;

– обеспечение субъективного бессмертия человека, т. к. после распада тела человека на атомы они находят воплощение в новых телах; в свою очередь, так как человека определяет психическая чувствительность атомов, а эти же атомы никогда не умирают, а только меняют форму своей жизни, то и человек никогда не умирает;

– обеспечение права атомов на высшую жизнь, так как со временем большая часть косного вещества вселенной, из которого состоят звезды, планеты, найдет воплощение в человеке – совершенной форме жизни и будет наслаждаться этой высокоразвитой жизнью, позволяющей максимально раскрыть свою психическую чувствительность.

Резюмируя, отметим, что, хотя атомистическая теория известна нам еще со времен античной философии, учение об атоме-духа Циолковского позволяет по-новому взглянуть на проблему смерти и бессмертия, на структуру души и психики. По сути, философ говорит о том, что не существует никакой цельной субстанции, называемой душой, а существует лишь множество психически заряженных атомов, уникальные комбинации которых и создают личность человека.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что философия космизма К.Э. Циолковского строится на нескольких этических принципах: «разумного эгоизма», ненасилия и абсолютизации, – используя при этом четыре группы понятий категориального характера: о добре и зле, о единении, братстве и милосердии, об авторитете, о разуме как важнейшем нравственном понятии.

На наш взгляд, теория К.Э. Циолковского ориентируется на безупречные идеалы, отрицая любые проявления несовершенства. Однако совокупность методологических принципов, кратко рассмотренных в нашей работе, представляет базу того мировоззрения, которому можно и нужно учиться сегодня. Ответы на вопросы: как устроен мир, зачем живет человек, как нам относиться друг к другу, какие свойства надо культивировать в самом себе, есть ли будущее у земного человечества – даны Циолковским. Его мысли смело можно рассматривать не в качестве историко-научного феномена прошлого, а в качестве руководства к внутреннему духовному действию. Совокупность его идей о красивом человеке, о правильно устроенном обществе ждет от нас, людей XXI в., их воплощения на практике.

УДК 930.2

DOI: 10.24412/2308-7196-2022-2-82-87

Глеб Евгеньевич Константинов

аспирант кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии

*ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», Пермь, Россия**614990, Пермь, ул. Сибирская, 24, e-mail: glkonst@rambler.ru***КАТЕГОРИЯ ИДЕАЛЬНОГО КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА
ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ФЕНОМЕНА ПРОПАГАНДЫ****Gleb E. Konstantinov**

Postgraduate student of the Department of National and world history and archeology

*Federal State Budget Educational Institution of Higher Education**«Perm State Humanitarian Pedagogical University»**24, Sibirskaja, 614990, Perm, Russia***CATEGORY OF IDEALISM AS METHODOLOGY FOR PROPAGANDA
PHENOMENON STUDY**

Аннотация. Феномен пропаганды имеет различные определения и коннотации в исторической науке. Нами сделана попытка выработать методологический подход для изучения пропаганды, который объединяет характеристику этого феномена с точки зрения информационного подхода к изучению категории идеального и элементов субъективной реальности Д.И. Дубровского и характеристики пропаганды с точки зрения социальной психологии. Исследуется возможность совместного использования философских концепций о структуре элементов субъективной реальности и эмпирических исследований феномена пропаганды, проводимых социологами и психологами. Целью работы является дальнейшее практическое применение его результатов в исторических исследованиях феномена пропаганды.

Ключевые слова: пропаганда, категория идеального, рациональное убеждение, эмоциональное убеждение, информация, средства массовой информации.

Abstract. The phenomenon of propaganda has various definitions and connotations in historical science. In this article, an attempt is made to develop a methodological approach to the study of propaganda, which combines

the characteristics of this phenomenon from the point of view of the informational approach to the study of the category of the ideal and the elements of D.I. Dubrovsky and characteristics of propaganda from the point of view of social psychology. A study is made of the possibility of joint use of philosophical concepts about the structure of the elements of subjective reality and empirical studies of the phenomenon of propaganda conducted by sociologists and psychologists. The aim of the work is the further practical application of its results in historical studies of the phenomenon of propaganda.

Key words: propaganda, idealism, rational persuasion, emotional persuasion, information, mass media.

Термином «пропаганда» могут называть и рекламу – коммерческую пропаганду, и предвыборную агитацию – политическую пропаганду, и государственную деятельность в информационном поле, причем независимо от политического режима. В самом общем смысле это любое целенаправленное информационное воздействие.

Если говорить о коннотации этого термина, она тоже различна. В СССР пропаганда рассматривалась как прикладная дисциплина с однозначно положительной коннотацией [2; 5]. В некоторых исследованиях она носит однозначно негативный оттенок [4]. С нашей точки зрения эти исследования просто выбирают одно из проявлений пропаганды, сужая рамки объекта исследования. Нам кажется правильным объединять этим термином все проявления информационного воздействия на реципиентов, выделяя при этом различные виды пропаганды и ее свойства. Со структурированием подобной классификации может помочь философская категория идеального.

Мы не ставим вопроса о том, когда рациональное убеждение превращается в пропаганду, мы относим рациональное убеждение к одному из ее двух основных видов наряду с эмоциональным убеждением. Существование эмоциональной пропаганды во многом связано с когнитивной скупостью человеческой психики – стремлением затратить как можно меньше усилий при получении новой информации. При этом, даже если мы вдумчиво воспринимаем получаемую информацию, ее объем в текущем информационном поле на порядок превышает тот, который мы можем обработать рационально. Поэтому нам кажется важным определять и исследовать свойства эмоциональной пропаганды, о которой речь пойдет в дальнейшем, причем делать это наиболее объективно – с помощью описывающей явления в самом общем виде концепции идеального.

За основу теоретической концепции идеального в своем исследовании мы взяли работы Д.И. Дубровского. В них даны различные качественные и количественные свойства, которые может иметь элемент категории идеального – пропаганда в данном случае. Мы провели систематизацию этих признаков, в результате которой получили перечисленные ниже свойства.

1. Первое из них касается соотношения идеального с материальным, и оно скорее теоретическое, чем прикладное – на его основании мы применяем

категорию идеального к изучению исторических процессов. Автор считает концепцию «материальное – идеальное» унитарной, где оба компонента равны по «модулю». Категорию «идеальное» автор определяет так: «Если материальное есть объективная реальность, то идеальное не может быть ничем иным, как субъективной реальностью. Определение идеального в качестве субъективной реальности является исходным и должно сохранять свое значение во всех контекстах, где употребляется категория идеального. Оно должно являться полной, непересекающейся, идентичной по модулю категорией».

2. Следующее свойство отражает возможные процессы: отражение, проектирование, существование и развитие, – которые идеальное осуществляет для взаимодействия объективной и субъективной реальности.

3. Свойство целостности: обладает ли категория идеального свойством целостности и свойством делимости? Субъективную реальность можно представить как целостный объект. Но одновременно ее можно разделить на составляющие элементы.

4. Свойство уникальности – наличия в объективной реальности независимых от субъективной реальности проявлений идеального. Категория субъективного атомарная, но имеет единое пространство, то есть все независимые части имеют одно происхождение.

5. Связь категории идеального с категорией времени, ее историчность. Качественно-количественная характеристика категории идеального, которую можно разделить на временные интервалы, различные этапы в развитии социальных, общественных или научных идей.

6. Наличие в категории идеального элементов, отличающихся друг от друга по своим свойствам, или наследование всеми элементами идеального всех свойств категории без добавления иных. Все независимые элементы категории имеют одно происхождение и не отличаются по качественным свойствам. Теоретически все элементы идеального должны обладать одним набором качественных свойств, а все отличия между ними должны иметь лишь количественные измерения.

7. Свойства диалогичности и аутокоммуникативности, отражающие уровень взаимодействия между различными элементами идеального, а также одного элемента идеального с самим собой – насколько элемент идеального может взаимодействовать сам с собой напрямую или с помощью создания своей копии – нового элемента, которому это обращение затем будет переадресовано.

8. Свойство рефлексивности и его противоположное свойство – арефлексивность. Шкала «рефлексивность – арефлексивность» – способ измерения, насколько осознанным является процесс отображения элемента субъективной или объективной реальности в объект субъективной реальности, то есть насколько мы в момент этого отображения осознанно в нем участвуем. Мера того, насколько мы понимаем содержательную часть отображаемого объекта. Чем более полное это понимание, тем дальше оно стоит

по рефлексивной части шкалы. Чем менее осознан процесс отображения, тем больше проявляется свойство арефлексивности.

9. Свойство актуальности и его противоположное свойство – диспозиционность. Так же, как и пара «рефлексивность и арефлексивность», актуальность и диспозиционность представляют еще одну ось в структуре категории идеального. Чем ближе элемент идеального к стороне актуальности, тем больше на нем сфокусировано наше сознание. Чем ближе элемент к стороне диспозиционности, тем дальше он от фокуса нашего внимания в данный момент. Диспозиционное – это бывшее или будущее актуальное, а актуальное – это будущее диспозиционное.

Мы выделили некоторые свойства абстрактной категории идеального. Теперь попробуем соотнести их со свойствами феномена пропаганды, которые выделяют социальные психологи. Приведем свойства пропаганды и соотносимые с ними свойства категории идеального:

1. Первое свойство, с точки зрения социальных психологов, является ключевым параметром, по которому они различают два основных вида пропаганды – рациональную (прямую), идущую путем убеждения, нацеленную на осознанное восприятие реципиентом информации и самостоятельное его размышление над ней, и эмоциональную (косвенную), нацеленную на обеспечение безусловности принятия реципиентом информации с помощью различных методов убеждения и воздействия [1; 3; 4].

Как нам кажется, с этим свойством пропаганды хорошо соотносятся свойства категории идеального – рефлексивность для рациональной пропаганды и арефлексивность для эмоциональной пропаганды.

2. Преобладание формы воздействия над его содержанием. Это свойство получено и подтверждено эмпирическими исследованиями социологов; оказывается, что во многих ситуациях неважно, какую именно информацию с точки зрения содержания получает человек – важна ее форма. Его, это свойство, иллюстрирует, например, социологическое исследование двух идентичных по смысловому содержанию фраз, которые употребляет человек, пытающийся вне очереди воспользоваться общим принтером: «мне нужно использовать принтер» и «мне нужно использовать принтер, чтобы распечатать», – которые дают разный результат: человека, воспользовавшегося второй фразой, скорее пропустят вне очереди [1]. Из этого свойства можно сделать два вывода: во-первых, сведение пропаганды к более абстрактной структуре имеет смысл в плане того, что сущность ее не теряется, пропаганда, особенно эмоциональная, не всегда оказывает влияние через свое содержание. Если мы это содержание проигнорируем, используя для рассмотрения пропаганды абстрактные конструкции категории идеального, суть феномена пропаганды мы не упустим; во-вторых, пропаганда как феномен обладает структурой, а значит, в той или иной степени может обладать следующими свойствами категории идеального: целостностью, делимостью и атомарностью, а также механизмом наследования свойств ее отдельными элементами.

3. Следующее свойство – ловушка рационализации, механизм, который наше сознание использует для оправдания несоответствия между собственными взглядами и объективной реальностью. Возникает в связи с естественной потребностью человека в снижении когнитивного диссонанса не с помощью признания собственных ошибок, а более простым способом – поиском псевдорациональных объяснений собственным заблуждениям. Показательным примером этого свойства, например, являются различные, зачастую весьма абсурдные причины, по которым курящие люди игнорируют результаты исследований о вреде курения.

Это свойство соотносится со свойством рефлексивности – арефлексивности категории идеального, а также затрагивает проблему механизма соотношения объектов идеального и материального.

4. Отдельно выделяемый элемент пропаганды – предубеждение, или базис, на котором основывается информация. Предубеждение включает в себя то, как структурирована проблема и как сформулировано решение, определяет то, «что всем известно» и «что все считают само собой разумеющимся», независимо от истинности этой базовой информации.

Этот элемент пропаганды, как нам кажется, включает в себя совокупность ее диспозиционных элементов.

5. В пропаганде значимую роль играют объекты-ярлыки, представляющие собой разновидность мифов Р. Барта или симулякров в трактовке Ж. Бодрийера. В качестве примера информационного воздействия можно привести исследование, в котором было установлено, что самым эффективным способом приучить школьников не мусорить является сообщение им того, что они не мусорят. Ярлык, таким образом, оказывает влияние на материальную реальность, подстраивая ее под собственные параметры, ранее не являвшиеся истинными. В этом может проявляться свойство аутокоммуникативности пропаганды – возможности ее элемента определять параметры своего источника в объективной реальности.

Это свойство показывает, что пропаганда создает идеальную реальность, которая затем диалектично влияет на материальную реальность. Исходя из этого, вполне оправданным кажется предположение о том, что средства массовой информации описывают воображаемый мир, который затем оказывает влияние на объективную реальность [1]. При этом важность тех или иных событий также определяется только исходя из их привлекательности для аудитории. Ярлыки, в частности, объединяющие под собой абстрактные, реально не существующие социальные группы людей (например, «врачи доказали» или «чиновники берут взятки»), одна из основ эмоциональной пропаганды.

6. Свойство историчности пропаганды связано с тем, что формирование исторической и личной памяти носит творческий характер. Память неразрывно связана с воображением, и пропаганда использует это, чтобы воздействовать не только на актуальное, но и на диспозиционное – буквально изменять память реципиентов. Это хорошо согласуется с тем, что память как еще одна категория идеального с точки зрения диалектического материализма подвержена таким же изменениям, как и любой его другой элемент.

Подводя некоторый итог, скажем, что феномен пропаганды можно рассматривать с точки зрения структуры элемента категории идеального. Упомянутые выше свойства пропаганды хорошо соотносятся с теоретическими свойствами идеального. Это в целом не вызывало сомнений и в начале работы: социальные психологи при описании этого явления использовали научный подход, в основе которого лежит в том числе концепция диалектического материализма, а значит, неявно использовали и категорию идеального. Мы же конкретно обозначили свойства пропаганды, которые можно в дальнейшем эмпирическом исследовании определять и характеризовать с помощью концепции идеального.

Для такого исторического феномена, как пропаганда, наличие четкой методологии исследования особенно важно ввиду его особенностей – наивно думать, что исследователь может нивелировать ее воздействие на самого себя. Наличие же строгой методологии это воздействие может, как нам представляется, снизить.

Ни один из крупных участников информационного поля не может позволить себе вести рациональную пропаганду: она просто не будет восприниматься людьми, которые привыкли к убеждающей пропаганде, над которой не надо думать. Поэтому все вынуждены для того, чтобы донести свои взгляды, независимо от того, можно ли их проверить рационально, использовать методы убеждающей пропаганды.

Актуальность изучения пропаганды состоит в том, чтобы большее количество людей распознавало методы убеждающей пропаганды и, как следствие, переключало свое восприятие информации на источники рациональной пропаганды, которые с увеличением спроса на них становились бы все более многочисленными, постепенно вытесняя использующую убеждающую пропаганду СМИ.

Список литературы

1. Аронсон Э., Пратканис Э. Эпоха пропаганды: Механизмы убеждения, повседневное использование и злоупотребление. – СПб. : Прайм-Еврознак, 2003. – 384 с.
2. Говорухина К.А. Политическая пропаганда в тоталитарном обществе : дис. ... канд. полит. наук. – Краснодар, 2002. – 240 с.
3. Ларионов Н.Н. Современные технологии политической манипуляции: история развития, теоретические подходы, практическое применение : дис. ... канд. полит. наук. – СПб., 2006. – 159 с.
4. Скуленко М.И. История политической пропаганды. – Киев : Лыбидь, 1990. – 164 с.
5. Якобсон П.М. Эмоциональный фактор в пропагандистском воздействии // Проблемы социальной психологии и пропаганды. – М., 1971. – С. 63.

РАЗДЕЛ 2. АНАЛИЗ НАПРАВЛЕНИЙ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ И ВЫЗОВОВ СОВРЕМЕННОСТИ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ПРАКТИКЕ

УДК 316.334.56

DOI: 10.24412/2308-7196-2022-2-88-93

Андрей Владиславович Шишигин

кандидат социологических наук, доцент кафедры философии
и общественных наук

ВЗГЛЯД ПЕДАГОГОВ НА ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ УЧАЩИХСЯ, ВЫПОЛНЕННОЙ В ЦИФРОВОМ ФОРМАТЕ

*ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический
университет», Пермь, Россия*

614990, Пермь, ул. Сибирская, 24, (342) 238-63-44

Andrey V. Shishigin

*Candidate of the Socio-scientific sciences, associate professor
of the Department of Philosophy and Social Sciences*

TEACHER'S VIEW ON POSSIBILITIES OF APPLYING THE RESULTS OF STUDENTS INDEPENDENT WORK PERFORMED IN DIGITAL FORMAT

Federal State-Financed Educational Institution of Higher Education

'Perm State Humanitarian Pedagogical University'

614990, 24, Sibirskaya, Perm, Russia, e-mail: krauze@pspu.ru

Аннотация. Рассматриваются оценки учителями возможностей использования результатов самостоятельной работы учащихся, выполненной в цифровом формате, при работе в классе и вне класса. Анализируются социальные факторы, влияющие на оценки учителей.

Ключевые слова: проектно-ориентированное обучение, цифровизация образования, презентации, блоги, фотоэссе, видео, подкасты, вебкасты.

Abstract. The article discusses teachers' assessments of the possibilities of using the results of independent work of students, performed in digital format,

when working in the classroom and outside the classroom. The social factors influencing teachers' assessments are analyzed.

Key words: project-oriented learning, digitalization of education, presentation, blogs, photo essay, video, podcasts, webcasts.

Проблемы цифровизации образования уже не первый год находятся в центре внимания участников образовательного процесса. В научном и педагогическом сообществах не прекращаются дискуссии о плюсах и минусах цифровизации [1; 2]. Полемика обострилась в связи с переходом образовательных учреждений на дистанционную форму обучения после начала эпидемии коронавируса. Однако стоит подчеркнуть, что эпидемия выступила лишь катализатором процесса цифровизации образования, тогда как сам процесс в реалиях XXI в. является неизбежным [3, с. 114]. Цифровизация образования, затрагивая разные стороны образовательного процесса, подразумевает широкое внедрение в практику обучения новых форм самостоятельной работы учащихся. В данном случае речь идет о таких формах, как фотоэссе, вебкасты, подкасты, блоги, видео, персонализированные проекты и презентации. Очевидно, что эффективность использования многих таких форм работы во многом определяется условиями среды (в классе или вне класса), но во многом зависит и от самого преподавателя, его компетентности и навыков использования цифровых технологий.

В рамках проекта «Исследование научно-методического сопровождения цифровых форматов дополнительного образования» исследовательским коллективом ПГГПУ был проведен социологический опрос учителей из разных городов и регионов РФ. Опрос проводился с 29 января по 9 марта 2021 г. через онлайн-форум Microsoft Forms (сервис создания онлайн-опросников). Выборка – целевая (учителя), доступная (опрошены те, кто сам изъявил желание ответить на вопросы). Всего ответил на вопросы анкеты 1621 педагог. В дальнейшем в целях сравнительного анализа ситуации в региональных центрах из общего массива данных были отобраны ответы респондентов семи региональных столиц. В результате отбора в данные, подлежащие статистической обработке, были включены ответы респондентов из Перми (N = 221), Екатеринбурга (N = 487), Ижевска (N = 212), Челябинска (N = 340), Тюмени (N = 149), Ярославля (N = 122) и Иванова (N = 45). Таким образом, объем выборки составил 1576 человек. При вероятности (P), равной 0,95, величина допустимой ошибки (m) составляет 2,5 %. Доля учителей-мужчин (120 человек) составила 7,5 %. Почти половину респондентов составили педагоги со стажем более 20 лет (779 человек). Молодых педагогов, со стажем менее 5 лет, в выборке 264 человека. Педагогов со стажем от 5 до 10 лет – 222 человека, а со стажем от 10 до 20 лет – 311 человек.

Результаты ответов педагогов, в обобщенном виде представленные в табл. 1, позволяют говорить о том, что большинство учителей не видит возможностей использования в классе тех форм работы, которые подразумевают нахождение в Сети. Речь в данном случае идет о подкастах, блогах и вебкастах. Презентации, видео и фотоэссе кажутся учителям куда более привычными формами самостоятельной работы учащихся, в связи с чем возможность их использования при работе в классе вызывает гораздо меньше скепсиса.

Таблица 1

Оценка учителями возможности использования в рамках проектно-ориентированного обучения результатов самостоятельной работы учащихся, выполненной в цифровом формате (100 % по строке)

Результаты самостоятельной работы учащихся	Может быть использовано при работе в классе	Может быть использовано при работе вне класса
Персонализированные проекты и презентации	69,7	30,3
Блоги	14,8	85,2
Видео	53,8	46,2
Фотоэссе	48,6	51,4
Подкасты	34,2	65,8
Вебкасты	22,1	77,9

Учителя-женщины чаще, чем педагоги-мужчины, полагают, что видео могут быть использованы при работе в классе. Если среди женщин доля таковых составляет 54,5 %, то среди мужчин лишь 45 %. Проверка с помощью критерия χ^2 Пирсона позволяет говорить о существовании гендерных различий ($\chi^2 = 4,053$; $p = 0,044$) при оценке возможности использовать созданные учащимися видео при работе в классе. В отношении других результатов самостоятельной работы учащихся статистически значимых гендерных различий не выявлено.

Можно было бы предположить, что педагогический стаж станет куда более значимым фактором, если принять во внимание факт зависимости владения новыми технологиями от возраста. Однако влияние педагогического стажа на оценку возможностей использования при работе в классе созданных учащимися вебкастов, подкастов, фотоэссе и видео не выявлено. Иная ситуация наблюдается в оценке возможностей использования при работе в классе созданных учащимися блогов (табл. 2). Проверка с помощью критерия χ^2 Пирсона позволяет говорить о существовании значимых различий ($\chi^2 = 14,849$; $p = 0,002$) при оценке возможности использования блогов педагогами с разным педагогическим стажем.

Таблица 2

Оценка учителями возможности использования созданных учащимися блогов
 в зависимости от педагогического стажа (100 % по столбцу)

Созданные учащимися блоги могут быть использованы при работе	Педагогический стаж, лет			
	Менее 5	От 5 до 10	От 10 до 20	Более 20
– в классе	20,8	16,2	16,7	11,7
– вне класса	79,2	83,8	83,3	88,3

Среди самых молодых педагогов, со стажем менее 5 лет, почти в два раза больше тех, кто видит возможность использования блогов учащихся при работе в классе по сравнению с самыми опытными педагогами (стаж более 20 лет). Можно предположить, что среди самых молодых педагогов гораздо больше тех, кто имеет собственный блог и, вероятно, лучше учителей со стажем понимает возможности использования данного инструмента при работе в классе. Последние, в свою очередь, чаще, чем их более молодые коллеги, считают возможным использовать при работе в классе созданные учащимися презентации. Среди педагогов со стажем более 20 лет таковых 73,4 %, тогда как среди педагогов со стажем от 5 до 10 лет таковых 64,9 %. Различия в оценках возможности использования созданных учащимися презентаций между наиболее возрастными педагогами и их более молодыми коллегами также являются статистически значимыми ($\chi^2 = 10,191$; $p = 0,017$). Можно сказать, что презентация в современном образовательном процессе стала обыденным, традиционным инструментом, хорошо освоенным учителями всех возрастных групп, тогда как блог является инновационным инструментом, который более активно осваивается самыми молодыми педагогами, имеющими большой опыт использования ресурсов и возможностей социальных сетей.

Интересно, что профиль преподаваемых дисциплин не оказывает существенного влияния на оценки педагогов.

Для выявления регионально-муниципальных различий предпочтительнее воспользоваться не критерием χ^2 Пирсона, а формулой, позволяющей определить значимость различий процентов¹⁰. Проверка значимости процентных различий показывает, что педагоги из Челябинска в большей степени, чем их коллеги из Екатеринбурга, готовы использовать созданные учащимися презентации при работе в классе ($P = 0,99$). В Челябинске таких учителей чуть более 75 %, тогда как в Екатеринбурге их доля составляет лишь 66 %. Зато педагоги из Екатеринбурга в большей степени, чем их коллеги из Челябинска, готовы использовать при работе в классе созданные учащимися блоги. Если в столице Свердловской области 18,1 % учителей полагают, что блоги учащихся можно использовать при работе в классе, то в Челябинске таковых лишь 11,5 %. Как и в предыдущем случае, с высокой долей

¹⁰ Формулы, по которым осуществлялась проверка значимости различий, см.: [4, с. 191–195].

вероятности ($P = 0,99$) можно говорить о существовании различий в оценке использования блогов учащимися педагогами двух уральских городов-миллионников. Вообще, можно выделить две группы городов, учителя которых по-разному оценивают возможности использования блогов учащимися при работе в классе. В первую группу входят Екатеринбург (18,1 %) и Ярославль (20,5 %). Во второй группе оказываются учителя остальных городов, где доля учителей, считающих возможным использовать блоги учеников при работе в классе, варьируется в интервале от 11,1 % в Иванове до 13,7 % в Ижевске. По возможности использовать в классе созданные учащимися видео также можно выделить две группы. В первой оказываются учителя из Иванова и Тюмени. В этих городах доля педагогов, считающих возможным использовать созданные учащимися видео, составляет 64,4 и 62,4 % соответственно. Во второй группе оказываются учителя из других городов, а соответствующая доля педагогов варьируется от 50 % в Ярославле до 54,7 % в Челябинске. Процентные расхождения в оценке использования созданных учащимися видео между учителями из Тюмени и Ярославля являются значимыми ($P = 0,95$). Более заметные различия обнаруживаются при оценке возможности использования созданных учащимися фотоэссе (табл. 3). Проверка с помощью критерия χ^2 Пирсона указывает на существование значимых различий ($\chi^2 = 19,639$; $p = 0,003$). Здесь можно выделить два «полюса» – Пермь и Ярославль. Оценки учителей из других городов находятся как бы посередине. При этом оценки учителей из Тюмени, Челябинска и Ижевска гораздо ближе к оценкам их коллег из Ярославля, чем из Перми. При сравнении ответов педагогов из Перми с ответами учителей из других городов (за исключением Иванова) с очень высокой вероятностью ($P = 0,99$) можно говорить о существовании значимых процентных различий в оценках возможности использования фотоэссе.

Таблица 3

Оценка учителями возможности использования созданных учащимися фотоэссе в зависимости от места проживания (100 % по столбцу)

Созданные учащимися блоги могут быть использованы при работе	Город						
	Пермь	Екатеринбург	Ижевск	Челябинск	Иваново	Тюмень	Ярославль
– в классе	36,7	48	49,1	51,5	46,7	54,4	57,4
– вне класса	63,3	52	50,9	48,5	53,3	45,6	42,6

При оценке подкастов значимые различия обнаруживаются в ответах педагогов Перми и Екатеринбурга. Если в столице Прикамья 39,4 % педагогов видят возможность использования созданных учащимися подкастов при работе в классе, то в Екатеринбурге доля таковых составляет лишь 28,7 %. С высокой долей вероятности ($P = 0,99$) данные различия являются значимыми.

При оценке вебкастов значимых различий не выявлено. Доля тех учителей, которые считают возможным использовать созданные учениками вебкасты при работе в классе, варьируется в относительно узком интервале: от 17,8 % в Иванове до 24,8 % в Тюмени.

Подводя итог, можно сказать, что на оценку учителями возможностей использования в классе работ учащихся, выполненных в цифровом формате, оказывают влияние разные факторы. Вместе с тем результаты анализа показывают, что влияние такого фактора, как педагогический стаж, оказалось меньше ожидаемого, тогда как влияние регионально-муниципальной специфики, наоборот, оказалось выше ожидаемого. Весьма неожиданным стало отсутствие какого-либо влияния на оценки педагогов профиля преподаваемых дисциплин. Это можно объяснить отчасти тем, что цифровые технологии все чаще применяются при преподавании абсолютного большинства школьных предметов. В целом результаты исследования указывают на необходимость проведения дальнейших исследований, в которых в большей степени учитывалась бы регионально-муниципальная специфика.

Список литературы

1. Воробьева И.А., Жукова А.В., Минакова К.А. Плюсы и минусы цифровизации в образовании // Педагогические науки. – 2021. – № 2001 (103). – С. 110–118.
2. Молчанова Е.В. О плюсах и минусах цифровизации современного образования // Проблемы современного педагогического образования. – 2019. – № 64-4. – С. 133–135.
3. Гордеева Е.В., Мурадян Ш.Г., Жажоян А.С. Цифровизация в образовании // Journal of Economy and Business. – 2021. – Vol. 4-1 (74). – С. 112–115.
4. Паниотто В.И., Максименко В.С. Количественные методы в социологических исследованиях. – Киев : Наукова думка, 1982.

УДК 141

DOI: 10.24412/2308-7196-2022-2-94-102

Анастасия Николаевна Шоваг

аспирант кафедры практической психологии

*ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», Пермь, Россия
614990, Пермь, ул. Сибирская, 24
Тел: 8-912-580-42-22, e-mail: kozlova.l-77@mail.ru*

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО ПОЗНАНИЯ**Anastasia N. Shovag**

Postgraduate student of the Department of Practical Psychology

*Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
«Perm State Humanitarian Pedagogical University»
24, Sibirskaja, 614990, Perm, Russia*

DIGITAL TRANSFORMATION OF MODERN KNOWLEDGE

Аннотация. Цифровая трансформация современного познания оказывает влияние на все сферы жизнедеятельности как отдельного человека, так и общества в целом. Последствия этого процесса порождают новые вызовы для психологии в контексте взаимодействия новых цифровых технологий и развития личности, определения путей формирования психологического здоровья человека. Проблематика исследований ориентируется на глобальные процессы изменений, связанных с цифровой трансформацией всего общества и ее влияния на человека. При повсеместном и ежедневном использовании цифровых технологий перед человеком стоит сложная задача – используя широкие возможности цифровых технологий, сохранить социальные связи, не утратить навык общения «глаза в глаза», а не через экраны гаджетов и многочисленные социальные сети и мессенджеры.

Ключевые слова: познание, сознание, цифровые технологии, цифровая трансформация, цифровизация.

Abstract. It is already obvious that the process of digital transformation of modern knowledge will have an impact on all spheres of human life, both his personal and the whole society as a whole. The consequences that follow give rise to new challenges for psychology in the context of considering the problems of interaction between new digital technologies and personal development, and

determining ways to form a person's psychological health. Research issues are focused on the global processes of change associated with the digital transformation of the whole society and its impact on a person. With the widespread, daily use of digital technologies, a person faces a difficult task, using the wide possibilities of digital technologies, to maintain social connections, not to lose the skills of tactile communication of people communicating with each other "eye to eye", and not through gadget screens and numerous social networks, and messengers. Here we will consider the digital transformation of modern cognition and the consequences of the interaction of human and digital technologies.

Key words: cognition, consciousness, digital technology, digital transformation, digitalization.

Широко распространенное в настоящее время словосочетание «цифровая трансформация» не имеет пока четкого определения, более того, с течением времени оно получает все больше различных толкований.

В общем виде под цифровыми трансформациями понимается возникновение новых средств исследования и посредников взаимодействия, обладающих четырьмя основными способностями: счета, хранения информации, контроля деятельности и обеспечения коммуникации, – которые характеризуются возможностью увеличения данных способностей относительно скорости, объема и вариативности [4].

Цифровая трансформация – это сейчас «модная» тема во всех сферах жизнедеятельности человека – от образования, медицины, политики до промышленных производств: с помощью цифровых технологий ученые пытаются сделать научное знание более доступным. Пока только неясно, есть ли основания для возложения больших надежд на ее эффективность.

Цифра, digit – от слова «палец». Термин «цифровой» не всегда означал одно и то же. Долгое время под ним подразумевался перевод в цифровой формат или хранение в цифровом формате традиционных форм данных.

Цифровую трансформацию можно определить не только как новые технологии (виртуальная реальность, искусственный интеллект, анализ данных и пр.), но и как изменение основ жизнедеятельности человека, структуры предприятий и организаций, общества в целом. Иначе можно сказать, это фундаментальная трансформация традиционных моделей организации жизни, конструирование и освоение новой действительности, не всегда толерантной к человеку.

Таким образом, цифровая трансформация рассматривается как сущностная характеристика современной эпохи. Данные процессы обусловили формирование новой социальности, отличной от предыдущих типов цивилизационного развития резким усилением роли искусственного в структуре социальной эволюции.

Цифровая трансформация (цифровые преобразования) является одновременно и проблемой, и возможностью современного человека и общества в целом.

Планируя проведение цифровых преобразований, необходимо учитывать культурные изменения, с которыми придется столкнуться, поскольку человек еще только приспосабливается к незнакомым технологиям.

Определяющим фактором цифровой трансформации является ее темп. Соотнесение скорости развития технологий и, как следствие, социально-экономических и инфраструктурных трансформаций с человеческой жизнью позволяет констатировать качественный скачок развития, знаменующий переход в новую темпоральную эпоху [6].

Р. Курцвейл предложил «закон ускоряющейся отдачи», согласно которому развитие технологий происходит экспоненциально; это означает, что чем мощнее становится та или иная технология, тем большее ускорение в своем развитии она приобретает.

Цифровая трансформация является одной из национальных целей развития Российской Федерации на период до 2030 г. Цифровая трансформация, согласно принятому и утвержденному подходу, должна содействовать прорывному развитию страны, повышению уровня жизни граждан, созданию комфортных условий для их проживания, раскрытию таланта каждого человека. Однако совершенно очевидно, что цифровая трансформация будет способствовать развитию государства, общества и каждого отдельного человека только при соблюдении прав и свобод человека и гражданина. По крайней мере, такова «конституционная философия» нашего общества и государства [5].

Использование цифровых технологий в образовании, медицине, бизнесе, GPS в навигации, политике и иных социально значимых сферах деятельности общества ведет к повышению ее эффективности, но опасность может состоять в том, что машины решают все большую долю основных задач в восприятии, памяти и алгоритмических вычислениях, так как люди имеют тенденцию антропоморфизировать такие системы, приписывать им интеллектуальные способности; со стороны искусственного интеллекта (ИИ) опасность заключается в том, что люди будут неправильно понимать природу в основном «паразитических» систем ИИ, вместо того чтобы использовать их конструктивно, чтобы бросить вызов системам и развить способности пользователя.

Компьютерная техника и высокие технологии в глобальном наступлении на общество, образование и культуру в конце концов приводят к «деформации» молодых людей, к риску потери устойчивости поколений. Эту новую генерацию социологи окрестили как Homo Digital. В век информационного бума и большого потока «нефильтрованной» информации проявилась, как ни странно, такая особенность молодых юношей и девушек, которую все чаще обсуждают в педагогической прессе и учительской среде. Выявилась потеря навыков самостоятельного написания текстов, создания рисунков и т. д.,

которые подменяются навыками компиляции, использованием готовых форм, макетов, имиджей. Объектами культуры становятся композиции, сконструированные из мусора, все превращается как бы в «лего», вписывается в коридор пересказывания, своеобразный «рерайт». Происходит «обновление» пространства, но это не рост и не развитие, а переключивание с места на место, смысл которого не всегда понятен.

Клавиатура и мышь вытесняют традиционные пишущие инструменты. На наших глазах происходит подлинная узурпация нейробиологической памяти мобильными, электронными носителями памяти, флеш-картами и т. д. Сознание узурпируется интеллектуальными программами и устройствами, за которыми скрыт стандартный производственный процесс необычных объектов. По мнению многих педагогов, у современного поколения происходит катастрофическая потеря грамотности и вычислительных навыков, а значит, потеря и творческих способностей.

Язык является барометром общественного развития и отношений, он чутко реагирует на малейшие изменения во всех сферах жизни. Средства массовой информации, реклама, деловое общение, электроника, наука и техника являются основными источниками обновления языка. В молодежный оборот поступает все больше слов суррогатного языка СМС. Молодые люди не могут длительное время сосредоточиваться на какой-либо информации, у них снижена способность к анализу. Современным школьникам невозможно осилить что-либо из многостраничной классической литературы XIX в. – литературное чтение превратилось в сложную задачу. Современные учащиеся – обладатели клипового мышления. Они и не могут работать с семиотическими структурами произвольной сложности, оперируют только смыслами фиксированной длины. Еще одна сторона клипового мышления – в том, что утрачиваются сопереживание, чувство ответственности. Стремясь быстрее получить нужные сведения, школьники и студенты опираются исключительно на зрительную память, не используя слуховую, тактильную, обонятельную, эмоциональную. Не происходит целостного восприятия информационного потока, а значит, то, что они не пропустили через себя, не прочувствовали и не проанализировали, завтра сотрется из их сознания частично или полностью.

Современный мир – это мир всеобщей цифровизации, которая выражается в повсеместном применении цифровых технологий для повышения качества жизни. И именно в этом мире формируется личность человека.

Дети с самого рождения оказываются погруженными в мир цифровых технологий, где и происходит их развитие. Современные дети уже не представляют свою жизнь без цифровых технологий, потому как они никогда без них не жили. Цифровые технологии оказывают влияние на когнитивную, коммуникативную, эмоциональную, психофизиологическую, социальную сферу развития человека. Большинство детей не мыслит жизни без цифровых устройств. Мозг ребенка развивается в цифровой среде, а должен развиваться в естественных условиях.

За последнее десятилетие повсеместно распространились мобильные устройства – портативные персональные компьютеры с мгновенным доступом к богатому функционалу и коммуникативным возможностям Сети.

Уменьшение размеров привычного стационарного компьютера до карманного устройства, удобство и скорость использования прибора предсказывались на заре кибернетики наряду с подключением мобильных устройств к «умной» среде городов и частному пространству. Экспансия «цифры» в повседневность человека и общества, формирование цифровых обществ и умных городов сложились в новый технологический вектор с уникальными свойствами. То, что сегодня называют цифровизацией, является сложным социальным и технологическим феноменом, появляющимся на стыке конвергирующих супертехнологий. На ее основе выстроена работа цифровой экономики и электронного правительства, что составляет приоритет для развитых и развивающихся государств мира. Отображением информационно-технологических трендов явились цифровая наука и цифровые исследования науки.

Влияние цифровых технологий на повседневную жизнь человека хорошо видно на примере сферы образования. Во многих странах разрабатываются школьные и университетские реформы, направленные на внедрение умных устройств в процесс обучения. Как показывают исследования, интерактивные занятия более эффективны и вызывают больший интерес учащихся. Кроме того, нельзя отвергать одно из очевидных преимуществ цифровой эры – доступ к учебным материалам и исследованиям.

Цифровизация образования направлена на обеспечение непрерывности процесса обучения в течение всей жизни (life-long-learning). Он заключается в самостоятельном поиске информации в Интернете и в использовании технологий виртуальной, дополненной и смешанной реальности, облачных вычислений и др. Подключение к Сети похоже на читательский билет в библиотеку, но еще и с бонусами.

Большинство исследователей согласно с тем, что цифровая инфраструктура является жизненно важным стимулом развития сообщества, особенно когда результаты приводят к повышению мобильности [1].

Однако адаптационные возможности человека не совпадают с ростом новых технологий, что порождает психологические риски. В связи с этим отечественными и зарубежными психологами не только дается оценка началу процесса цифровизации, но и ставится задача его психологического сопровождения [7].

Цифровая трансформация сознания человека происходит уже на протяжении многих лет. Оно меняется и меняет самого человека: человек интеллектуально упрощается, лично не развивается, становится социально дезориентированным. Это – фундаментальная и комплексная проблема сегодняшнего дня.

Человек зависит от того, какую информацию он потребляет. При выборе между сложной и простой задачей, как правило, выбор падает на простую.

Человек отходит от системного и аналитического мышления, на смену им приходят зрительные образы. Возникают проблемы в общении, так как многие люди не могут длительное время поддерживать личный контакт «глаза в глаза».

Разумеется, очевидны достоинства цифровых технологий как фактора трансформации познания: повышение спроса на знания при увеличении их доступности, получение образовательных ресурсов в любое время вне зависимости от местоположения. Однако одновременно с увеличением доступности образования происходит снижение его качества.

Таким образом, плюсы цифровых технологий при получении знаний оборачиваются минусами в связи с тем, что знание, ценное само по себе, становится товаром. Конкуренция в современном обществе ведется за деньги, а не за умы. Перевод некоторых образовательных программ на английский язык (формализованный контент легко перевести на любой другой язык мира) в результате приводит к утрате национальной специфики.

На примере США можно увидеть, что дистанционные технологии способствовали созданию таких новых моделей образования, как массовое обучение на основе электронных ресурсов, групповое обучение с онлайн-взаимодействием, а также их комбинации. Экономические механизмы, лежащие в основе этих моделей, существенно отличаются друг от друга. Государственные и частные некоммерческие университеты, являющиеся ядром системы высшего образования США, внедряли цифровые технологии более медленными темпами, предпочитая использовать модели без эффекта масштаба – смешанное обучение и онлайн-взаимодействие [2].

Результаты анализа, представленные центром НАФИ, убеждают, что более трети россиян высказывают опасение, связанное с развитием современных технологий. Так, респонденты полагают, что цифровизация всех сфер жизнедеятельности, закон о биометрии (досье на личность, включая электронную подпись, слепок голоса, скан сетчатки и др.), перевод всего документооборота в цифру, отмена наличных денег резко снижают защищенность личности и порождают негативные чувства. В то же время продвижение программы «Цифровая экономика» приведет к изменению сознания людей и установлению новой системы контроля. Информация превратится в прибыльный товар, объединяясь с человеком в единую базу, трансформируя его в «цифровую личность». Интернет-технологии в режиме реального времени смогут отслеживать «цифровые траектории» жизни и деятельности граждан, дифференцировать их в зависимости от способностей освоенных «цифровых навыков и компетенций», оставляя «аутсайдеров» на обочине жизни [3].

Систематическое применение цифровых технологий обеспечивает формирование в мозге человека новых нейронных связей, изменяя его психику и, по сути, трансформируя личность. В этом плане определенное число исследователей в качестве перспективного к адаптации к условиям цифровизации выделяют поколение родившихся после 2000-х гг. Так, в ряде

работ данный феномен имеет разные названия («поколение Z», «сетевое поколение» и др.). Однако, являясь первым по-настоящему цифровым поколением, феномен раскрывает иную психологическую природу детей и молодежи, увязывая ее с полученной ими социализацией в условиях широкого распространения цифровых технологий. Анализ исследований и публикаций последних лет по данной проблеме обнаруживает методологическую основу в виде теории поколений. Ключевым элементом этой теории стали «поколенческие ценности», которые наряду с общечеловеческими и индивидуальными формируются в возрасте до 12–14 лет под влиянием общественных отношений, семейного воспитания и т. д. Особенности социализации формируют направленность развития личности, оказывая влияние на жизнь, деятельность и поведение людей. Так, поколение Z, рожденное в период информационно-цифрового бума и эпохи Интернета, было изначально включено в цифровой мир и мобильные технологии. Его характеризует способность работать в скоростном и многозадачном режиме с использованием гибкого графика работы. Проведенное З.В. Якимовой и М.Г. Масиловой исследование на выборке 200 студентов показало, что они обладают общими характеристиками «цифрового поколения». Так, часть жизни ими проживается в режиме online; им свойственно «клиповое мышление», позволяющее выполнять одновременно несколько функций, быстро ориентироваться в изменениях и обновлениях информации. В то же время наблюдается черта, лишаящая их возможности работать с большими объемами однородной информации и принимать управленческие решения в контексте системного видения ситуации. В психологическом плане они склонны к повышенному уровню нейротизма, возбудимости нервной системы, эмоционально нестабильны, проявляют рассеянность внимания, неустойчивость в стрессовых ситуациях. В ситуации конфликта склонны к компромиссу и не готовы к соперничеству, интуитивности, эмпатии, отстаиванию собственных свобод и точек зрения [3].

Ш. Теркл пишет: «Нам не нужно отвергать или принижать технологии. Нам нужно поставить их на место». Однако поставить технологии на место – трудная задача именно потому, что мы были соблазнены перспективными технологиями и запутались в их силе. Мы используем технологии, чтобы сделать жизнь проще, но иногда технологии усложняют жизнь. Мы обращаемся к технологиям, чтобы помочь себе, но обнаруживаем, что созданное нами техническое решение предъявляет к нам другие требования, часто сложные, а иногда и обременительные. Мы меньше просим людей, друг друга и больше обращаемся к технологиям, надеясь найти ответы на важные жизненные вопросы, устраняя сложности и сохраняя контроль, при этом оставаясь на связи постоянно. Ш. Теркл метко замечает: «Мы наполняем наши дни постоянной связью, лишая себя времени думать и мечтать» [8].

Современные цифровые технологии радикально меняют форму, и поэтому меняется содержание представления о познании. Новизна образовательной среды определяется не только и не столько характеристиками

ее мультимедийности, сколько качественным изменением структуры и принципов существования. Таким образом, практическая реализация новой образовательной парадигмы находится в прямой зависимости от качества технологического обеспечения.

Необходимо знать, что развитие техники в современном мире более остро проявляет двойственный характер ее достижений. С одной стороны, без современной цифровой микропроцессорной техники просто невозможно представить развитие образования и человечества, а с другой стороны, техника – мощная сила, способная вызвать самые негативные и даже трагические последствия. Непродуманное развитие новейших технологий приводит к тому, что успехи технического прогресса оборачиваются сложными социальными проблемами. Причем опасность заключается не столько в необратимых изменениях природной среды, сколько в изменении самого человека, его сознания и способности восприятия мира, ценностных ориентаций, на что, собственно, направлен вектор образовательных моделей. Новая технологическая и информационно-коммуникационная революция провоцирует, толкает человека на поиск нового, но может привести к банальному выгоранию при отсутствии правильного отношения к изобретенным им самим инструментам и технологиям. Изменения в общей системе познания происходят на наших глазах, мы являемся ее субъектами и объектами, но не знаем, как к этому относиться и как получить новые ценности, не выплеснув прежние, сохраняющие в человеке человека.

Сегодня на повестку дня выходит проблема технологий, ориентированных на человека, созданных во имя человека, технологий, которые развивали бы современного (цифрового) человека, не нанося вреда его эмоциональному, физическому и интеллектуальному здоровью. Гуманитарные технологии должны стать трендом технологий будущего, где ведущую роль будет играть человек естественный с естественным интеллектом, осознающим природу своих потенциальных возможностей.

Таким образом, цифровая трансформация современного познания выступает в форме ее технического средства, инструмента, дополняющего, поддерживающего, но не заменяющего познавательную деятельность.

Цифровая трансформации современного познания может быть эффективной только при сохранении социальных связей, которые необходимы для формирования поколения людей, способных понимать, что такое добро и зло, отличать общие ценности от субъективных стремлений стать самым лучшим, самым богатым, людей, равнодушных к моральным принципам и этическим нормам.

Проблемы и сложности познавательной деятельности человека в цифровом мире имеют системную детерминацию, обуславливая тем самым новизну и теоретическую значимость исследования. Очевидно, цифровые технологии и виртуальная реальность, являясь доминирующими, трансформируют пространство человека. Качественные и количественные изменения приносят сложности, которые преодолеть, используя старые

варианты адаптивного поведения, станет невозможно. В более благоприятном положении оказывается поколение Z, представители которого являются наиболее адаптированными к эффективной деятельности в цифровом пространстве.

Преобразование личности в новых условиях базируется на осмыслении влияния этого процесса на личность. Перспектива дальнейшего исследования видится в анализе мер психологического сопровождения представителей «цифрового» поколения и определении наиболее эффективных форм и методов работы, применимых в современных условиях. Поиск путей связан с преодолением психологических барьеров, возникающих в результате цифровой трансформации познания. Очевидно, возникает потребность в разработке системы саморегуляции психической деятельности, проработке смыслов, внутренних установок, определении специфики поведения и прогнозировании действий социума.

Список литературы

1. Введение в «цифровую» экономику / А.В. Кешелава, В.Г. Буданов, В.Ю. Румянцев и др.; под общ. ред. А.В. Кешелавы; ВНИИ геосистем. Кн. 1. – М., 2017. – 28 с.
2. *Кочергин Д.Г., Жернов Е.Е.* Опыт цифровизации высшего образования в США // Профессиональное образование в России и за рубежом. – 2019. – № 2. – С. 12–23.
3. *Собольников В.В.* Цифровая трансформация как фактор развития виртуальной личности // Профессиональное образование в современном мире. – 2020. – № 10 (1).
4. Социальные и цифровые исследования науки : коллективная монография / науч. ред. и сост. А.А. Аргаматовой, Е.В. Масланова, В.В. Слюсарева, Т.М. Хусяинова. – М. : Русское общество истории и философии наук, 2019. – 282 с.
5. Цифровая трансформация и защита прав граждан в цифровом пространстве. Доклад Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [doclad_spch.pdf](#) – Яндекс.Документы ([yandex.ru](#)) (дата обращения: 27.04.2022).
6. *Шестакова И.Г.* Новая темпоральность цифровой цивилизации: будущее уже наступило // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2019. – № 2. – С. 20–29.
7. *Юревич А.В., Журавлев А.Л., Нестик Т.А.* Цифровая революция и будущее психологии: к прогнозу развития психологической науки и практики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document594.pdf> (дата обращения: 10.05.2022).
8. (PDF) Boundaries of Self and Reality Online: Implications of Digitally Constructed Realities ([researchgate.net](#)). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.researchgate.net/publication/318066418> (дата обращения: 25.04.2022).

УДК 141

DOI: 10.24412/2308-7196-2022-2-103-115

Елена Сергеевна Заикина

аспирант кафедры педагогики и психологии

*ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический
университет», Пермь, Россия
614990, Пермь, ул. Сибирская, 24, (342) 238-63-44, e-mail: krauze@pspu.ru*

РЕАЛИЗАЦИЯ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА В ОБЛАСТИ ПСИХОЛОГО- ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Elena S. Zaikina

Is a graduate student

Department of Pedagogy and Psychology

*Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
«Perm State Humanitarian Pedagogical University»
24, Sibirskaja, 614990, Perm, Russia, e-mail: krauze@pspu.ru*

IMPLEMENTATION OF A SYSTEMATIC APPROACH IN THE FIELD OF PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL RESEARCH

Аннотация. Показана специфика системного подхода в организации психологических и педагогических исследований, обозначена важность его применения в общей и частной методологии современной психологии. Изучены особенности реализации системного подхода в психолого-педагогическом исследовании с учетом возможностей общей и частной методологии психологии, характеристики основных методологических подходов, специфика системного подхода.

Ключевые слова: психика, сознание, подход, деятельность, принципы использования, механизмы функционирования.

Abstract. The specificity of the systematic approach in the organization of psychological and pedagogical research is shown, the importance of its application in the general and particular methodology of modern psychology is indicated. The features of the implementation of a systematic approach in psychological and pedagogical research are studied, taking into account the possibilities of general and particular methodology of psychology, characteristics of the main methodological approaches, the specifics of the systematic approach.

Key words: psyche, consciousness, approach, activity, principles use, mechanisms of functioning.

В качестве общей методологии современной психологии выступает диалектико-материалистический подход к пониманию окружающего мира, роли и места психики и психического в нем. Следует заметить, что данный подход является в настоящее время общей методологией практически всех наук, при этом он конкретизируется применительно к каждой области знания в своей системе исходных научных представлений. Содержание этого подхода применительно к современной научной психологии составляют следующие научные представления: о первичности материи и вторичности сознания; о движущих силах развития объективной реальности и психики; о единстве внешней (материальной) деятельности и внутренней (психической); о социальной обусловленности развития психики человека; о психике как функции головного мозга; о сознании как высшем этапе развития психики.

Основу современной психологии составляют ее методологические принципы. Принцип – это основание некоторой совокупности фактов или знаний, исходный пункт объяснений или руководство к действиям. Основными методологическими принципами современной научной психологии называют принцип детерминизма, принцип единства сознания и деятельности, принцип развития и принцип личностного подхода.

Принцип детерминизма, т. е. причинной обусловленности психических явлений, означает, что они опосредуются естественными и социальными условиями и изменяются с изменением этих условий. Другими словами, психика обусловлена объективной действительностью, все психические явления обусловлены деятельностью мозга, психика определяется образом жизни и т. д. Принцип единства сознания и деятельности означает, что сознание и деятельность не противоположны друг другу, но и не тождественны, а образуют неразрывное единство. Сознание возникает, развивается и проявляется в деятельности. Деятельность выступает как форма активности сознания, а само сознание обеспечивает активный характер деятельности. Сознание – результат поведения и деятельности (предыдущей), и в то же время оно образует внутренний план деятельности (последующей). Изменение содержания деятельности способствует формированию качественно нового уровня сознания. Если иметь в виду существующие публикации по методологии психологии, то в них мы замечаем один недостаток, который заключается в явном отклонении в сторону рассмотрения методологических вопросов, касающихся фундаментальных психологических наук, прежде всего общей психологии. Методологический анализ общепсихологических проблем, кроме того, зачастую выдается за общую методологию психологии, что, на наш взгляд, неправильно, так как методы исследования, применяемые в общей психологии, далеко не совпадают с методами исследования, используемыми в других психологических науках.

Дело в том, что отечественная традиция в постановке и решении методологических проблем психологии сложилась в то время, когда психология в нашей стране была представлена преимущественно научными исследованиями, а практическая психология, распространяемая на массы населения

и на решение бытовых проблем, фактически отсутствовала. За последние годы практическая психология, напротив, получила значительное развитие, тем не менее она и соответствующая ей практика до сих пор не нашли должного отражения в трудах по методологии психологии. Опираясь на работы П.Я. Гальперина, мы видим, что наряду с методологией научной психологии необходимо создавать и отдельно разрабатывать отличную от нее методологию практической психологии.

Обсудим возможные пути решения поставленных выше проблем в конструктивном плане. Следуя происхождению слова «методология», его точному лингвистическому значению (это слово происходит от слов «метод» и «логос» и означает учение или знания о методах), мы предлагаем следующее рабочее определение понятия «методология психологии». Это должна быть, на наш взгляд, наука о конкретных, специальных методах и методиках, используемых как в научной, так и в практической психологии. Данное определение не будет достаточно точным и однозначным, если мы дополнительно не уточним (не конкретизируем), что будет пониматься под методами научного исследования и методами практической психологии. Метод научного исследования и практической психологии можно определить как совокупность конкретных приемов, процедур и действий ученого, непосредственно направленных на изучение интересующего его психологического явления или на оказание практического воздействия на то или иное психологическое явление. В.В. Коржов указывает на то, что речь идет о таких приемах, процедурах и действиях, которые направлены на прямое (непосредственное) или косвенное (опосредствованное) изучение соответствующих явлений или на прямое или косвенное оказание на них влияния. Частная методология (ее еще иногда называют специальной) определяет особенности применения общих методологических принципов и нормативов социально-психологического исследования и исследовательскую стратегию.

Особенности научного исследования в социальной психологии Г.М. Андреева формулирует так:

- исследование ведется с конкретными объектами, определенным количеством эмпирических данных, которые собираются с помощью конкретных техник, методик и приемов;
- исследование подразумевает самостоятельное решение эмпирических, логических и теоретических задач;
- для исследования характерно четкое разграничение между установленными фактами и гипотетическими предположениями, отработаны процедуры проверки гипотез;
- целью социально-психологических исследований является объяснение фактов, явлений и их прогнозирование.

Считаем важным обратить внимание читателя на высказывание В.В. Новикова: «Система научных методов психологии с самого начала ее оформления в самостоятельную отрасль знания различалась по целям их создания и употребления:

- 1) научно-исследовательские (добывающие, поставляющие новые знания);
- 2) научно-практические (применяющие новые знания и добавляющие необходимые корректировки в первые).

Эти вторые методы научного применения нового или уже апробированного знания, к сожалению, отстают в своем развитии от первых. А ведь именно они составляют основной арсенал средств практического психолога и создают авторитет науке.

В социальной психологии особенно важно правильное построение психологического исследования. Важность стратегии планирования и реализации исследования возрастает не только потому, что эти специальности связаны со сложными социальными системами. Во многих вузах при подготовке специалистов наблюдается очень низкая научная психологическая культура.

Подходы в психолого-педагогическом исследовании

Педагогика – это наука, которая основана на изучении деятельности, при этом в психолого-педагогическом исследовании изучается совершенно особый вид деятельности – деятельность по передаче накопленного социального опыта от старшего поколения к младшему; в некоторых случаях рассматриваемое явление также называется трансляцией культурных ценностей. Деятельностный подход к психолого-педагогическому исследованию основан прежде всего на разработанной А.Н. Леонтьевым концепции деятельности человека. В соответствии с этой концепцией человеческое сознание развивается в процессе обучения, а также по мере того как общественно-исторический опыт передается от старшего поколения к младшему. Таким образом, деятельность в психологии и педагогике основана на том, что информация передается от донора к акцептору. Под деятельностью современные теоретики психологии понимают определенную форму существования человеческого социума и проявление активности объекта, которое выражается в целенаправленном изменении окружающего мира, а также в том, что индивид целенаправленно преобразует себя самого. Для деятельности характерен осознанный характер. В связи с этим можно выделить следующие компоненты человеческой деятельности: цель; средство – то, при помощи чего индивид действует; результат – продукт деятельности; собственно процесс деятельности. Следует отметить, что главным мотивом, который побуждает индивида к деятельности, является стремление индивида к удовлетворению собственных потребностей. Потребности человека можно классифицировать следующим образом: физиологические, которые являются основными и первичными; социальные, которые, в свою очередь, делятся на духовные и материальные; идеальные.

Главным источником активности (а значит, и деятельности) индивида является именно наличие у него тех или иных потребностей. Также деятельность человека может быть индивидуальной и социально-групповой. Кроме этого, существует классификация человеческой деятельности по характеру преобразований, которые осуществляет индивид с окружающим миром.

Все виды деятельности имеют непосредственную связь с познанием. Эффективность деятельности непосредственно зависит от способностей человека к познанию. В данном случае под понятием «способности познания» необходимо иметь в виду методы познания индивидом окружающего мира.

Современные ученые – теоретики психологии выделяют три главные способности познания индивида: познание чувственное; познание рациональное; познание иррациональное, то есть познание на уровне интуиции. Под чувственным познанием следует понимать познание, которое осуществляется посредством деятельности физиологических органов чувств индивида: слуха, зрения, вкуса, осязания, обоняния. Чувственное познание может принимать несколько форм.

Таким образом, деятельностный подход в психолого-педагогическом исследовании имеет непосредственную связь с познанием.

Концепция компетентностного подхода к психолого-педагогическому исследованию появилась относительно недавно, в процессе разработки программы оптимизации российского образования, рассчитанной до 2010 г. В данный момент использование компетентностного подхода свидетельствует прежде всего о том, что в современном российском обществе изменились целевые и ценностные ориентиры образования.

Компетентностный подход основан на открытом заказе на контент образования. В целом компетентностный подход связан с тем, что в современной жизни для успешной профессиональной деятельности человек должен освоить ряд стандартных или минимально необходимых для жизни и работы требований. Именно эти требования называются компетенциями.

Для компетентностного подхода характерно прежде всего то, что внимание акцентируется не на образовательном процессе, а на результате образования, при этом результатом считается не объем информации, которую усвоил обучающийся, а способность индивида принимать правильные решения и осуществлять правильные действия в различных сложных жизненных ситуациях. Набор рассматриваемых ситуаций зависит от уровня образования (среднее, среднее специальное, высшее).

При компетентностном подходе результаты образования признаются имеющими значение за пределами образовательной системы. Логика компетентностного подхода основана на том, что единицы организации содержания образования нуждаются в изменении, также необходимо модифицировать методы оценки эффективности образовательного процесса (модификация оценки качества образования).

Следует отметить, что концепция компетентностного подхода в плане содержания и целей психолого-педагогической деятельности не является кардинально новой или чуждой для отечественной методологии психологического или педагогического исследования. Компетентностного подхода к психолого-педагогическому исследованию придерживаются многие отечественные исследователи, например, В.В. Краевский, В.В. Давыдов и М.Н. Скаткин.

В соответствии с компетентностным подходом к психолого-педагогическому исследованию разрабатываются различные материалы и технологии, которые используются для оценки качества образовательного процесса. Тем не менее до недавнего времени данная технология не являлась главной технологией психолого-педагогического исследования, ее не использовали при конструировании инновационных образовательных программ, оценочных процедур и стандартов.

Можно выделить следующие важные идеи компетентностного подхода, наиболее актуальные в контексте проведения психолого-педагогического исследования и оценки эффективности педагогической деятельности:

1. Образовательный процесс должен носить личностно ориентированный характер. Для этого необходимо создавать для обучающихся ситуацию выбора и формировать стимулы, способствующие повышению познавательной активности обучающихся. Обучающийся является не пассивным объектом, а активным субъектом образовательного процесса.

2. Необходимо научить обучающихся решать социально значимые и жизненно важные задачи, для этого обучающийся должен постоянно осваивать новые способы и виды деятельности.

3. Предполагается, что личность обучающегося изначально ориентирована на саморазвитие.

В соответствии с компетентностным подходом образование должно быть направлено на то, чтобы формировать у обучающихся ключевые компетентности, обобщенные умения предметного характера, необходимые для жизни навыки и предметные умения прикладного характера. Сам компетентностный подход основан на активной роли обучающегося.

Динамический, или процессуально-динамический, подход к психолого-педагогическому исследованию не противопоставлен системному подходу, в данном подходе тоже фрагментарно применяется системный и структурный анализ психических явлений. Тем не менее, когда анализируются психические явления с использованием динамического подхода, делается акцент именно на динамике поведения субъекта. Исследуются побудители и регуляторы, от которых зависит поведение субъекта, исследуется функциональное назначение разных психических явлений.

Иными словами, при использовании динамического подхода к методологии психологического и педагогического исследования изучается развертка поведения и деятельности индивида во времени. Также изучается то, какое место занимают в поведении индивида различные психологические структуры. Таким образом, структуры психического, которые были образованы в результате системного и структурного анализа, наделяются определенными динамическими свойствами. Структурный подход к психическому трансформируется в актуальную (имеющую практическую значимость) модель, и при помощи этой модели определяются конкретные психологические феномены, например, состояние и поведение индивида или специфика его действий.

В данном подходе важную роль играют теории личности, основанные на динамике и мотивации. Одним из первых применил мотивационно-динамический подход к личности З. Фрейд в своей теории психоанализа. Фрейд трактовал объективную психологическую реальность с трех позиций: топической (пространственной, структурно-функциональной), экономической (основанной на том, что психические процессы имеют свое энергетическое обеспечение), динамической.

Когда психические явления изучаются с точки зрения динамического аспекта, они изучаются как формы, через которые проявляются мотивационные тенденции – потребности, инстинкты, влечения. Благодаря мотивационным образованиям происходит детерминация психического состояния индивида, что способствует особой организации психических явлений, этим явлениям придается функциональное назначение, также определяется место этих явлений в динамике поведения.

К мотивационно-динамическим теориям можно отнести, в частности, теоретические концепции А. Маслоу, К. Роджерса и прочих исследователей, а также персонологическую теорию индивидуальных характеристик личности Г. Олпорта. Еще один яркий пример мотивационно-динамической теории – динамическая теория личности, автором которой стал К. Левин.

Личность в большинстве рассматриваемых теорий трактуется как динамическая система психофизиологических и психологических систем и функций, и эта система реализуется различными способами через поведение индивида. Любые проявления личности включают в себя различные уровни мотивов и потребностей, имеющих иерархическую организацию. В соответствии с динамическим подходом основная задача психологии состоит в том, чтобы исследовать глубинные мотивы поступков человека, интерпретировать поведение человека и результаты проективных методик психологического исследования.

В российской методологии психологического исследования динамический подход отражается в многочисленных исследованиях «мотивов» и «ориентации личности», именно эти явления, в соответствии с динамическим подходом, трактуются как центральная образующая мотивационной сферы личности. При этом утверждается, что ведущей характеристикой личности является ее направленность, или ориентация.

Комплексным подходом к психолого-педагогическому исследованию называется процесс систематического изучения целостного становления психики и психологии личности на каждом этапе жизненного пути человека. Б.Г. Ананьев сформулировал основные принципы комплексного подхода к изучению личности, именно эти принципы должны использоваться при организации психолого-педагогического исследования на основе комплексного подхода.

1. Человек должен рассматриваться как индивид, в контексте онтологической и психологической эволюции его психофизиологических функций.

2. Необходимо изучать человека как субъекта деятельности, то есть изучать эволюцию деятельности человека и эволюцию развития человека как трудящегося субъекта.

3. Необходимо рассматривать эволюцию жизненного пути человека, то есть необходимо дать характеристику исследуемому индивиду как личности.

Когда объединяются все характеристики субъекта, личности и индивида, образуется психологическая неповторимость и уникальность индивида, именно эта уникальность и используется при реализации комплексного подхода. То, как человек развивается, изучается прежде всего с точки зрения формирования личности как индивидуального целого. Формирование личности представляется конечным результатом взаимодействия природного и культурного аспектов, биографии и онтогенеза. При этом учитывается, что на жизнь человека оказывают влияние конкретно-исторические условия общественной жизни индивида. Также учитывается, что на формирование человека как личности в значительной степени оказывают влияние социальные связи, которые реализуются в процессе взаимодействия индивида с окружающими людьми.

Структурный подход в психолого-педагогическом исследовании – это такой подход, когда объект трактуется как целостность, а у этой целостности есть структура, то есть целостность представляет собой совокупность элементов, связанных друг с другом определенными отношениями. Структурный подход применяется в педагогике, психологии и во многих других науках о человеке, например, в социологии и истории.

Личность трактуется как явление, у которого есть определенное строение, и это строение подразумевает наличие ряда компонентов, причем каждый компонент связан с другими абсолютно уникальными отношениями. Следует отметить: практически все отечественные исследователи в области психологии и педагогики придерживаются мнения, что личность представляет собой совокупность определенных элементов, связанных друг с другом. Однако есть существенные разногласия по поводу того, какие это элементы и каким именно образом они друг с другом связаны. По этому поводу можно наблюдать оживленную полемику современных исследователей.

Исследование личности в плане того, из каких компонентов она состоит и как эти компоненты связаны, – это одновременно и традиционный, и инновационный подход к изучению личности. Несомненным представляется тот факт, что личность не монолитное явление, а явление, состоящее из нескольких блоков. Для личности при этом характерны следующие свойства: личность является интегральной, сложной и вторичной по отношению к основным психическим функциям.

Следует отметить, что одна из первых попыток применения структурного подхода к изучению личности – это теория психоанализа З. Фрейда. Фрейд считал, что человеческая личность – это единство и взаимосвязь трех компонентов: Эго, Оно, Супер-эго. Также развитию структурного подхода способствовали работы К. Левина.

Отличительные особенности системного подхода

Системный подход является ведущим методологическим принципом современной науки. Он позволяет отследить общность психических явлений друг с другом и с другими явлениями объективной действительности. При изучении данной темы полезно использовать метафору «пазл».

В психологии накоплено множество фактов, которые не всегда связаны друг с другом – подобно отдельным деталям пазла. Основной целью данной головоломки является создание целостной картинки. В настоящее время психология напоминает поле, на котором выкладывается пазл, однако изображение весьма разорванно и фрагментарно, в отдельных случаях фрагменты картинки складываются более успешно, но в целом картинка недостаточно прояснена.

Системный подход – направление методологии научного познания, в основе которого лежит рассмотрение объекта как системы:

- целостного комплекса взаимосвязанных элементов;
- совокупности взаимодействующих объектов;
- совокупности сущностей и отношений.

Системный подход является методом не столько решения, сколько постановки задач. Практически все современные науки построены по системному принципу. Важным аспектом системного подхода является выработка нового принципа его использования – создание нового, единого и более оптимального подхода (общей методологии) к познанию для применения его к любому познаваемому материалу с гарантированной целью получить наиболее полное и целостное представление об этом материале.

Термин «системный подход» охватывает группу методов, с помощью которых реальный объект описывается как совокупность взаимодействующих компонентов. Эти методы развиваются в рамках отдельных научных дисциплин, междисциплинарных синтезов и общенаучных концепций. Системный подход все шире применяется в психологии, накапливается опыт построения системных описаний объектов исследования.

«Система» – слово греческое, буквально означает целое, составленное из частей. В другом значении – порядок, определенный планомерным, правильным расположением частей и их взаимосвязями.

Применение системного подхода в психологии стимулируется успехом частных системных теорий в других областях знания, развитием кибернетики и общественных концепций. Системный подход является своего рода реакцией на бурный и длительный процесс дифференциации в науке. Но это не означает, что системный подход – синоним интеграции.

Единство мира состоит в материальности. Все явления и процессы действительности взаимосвязаны и взаимообусловлены. Объективными формами существования материального субстрата являются пространство и время. Важнейшая особенность мира заключается в неравномерности распределения в пространстве и времени вещества, энергии и информации

(разнообразия). Эта неравномерность проявляется в том, что компоненты материального субстрата (элементарные частицы, атомы, молекулы и др.) группируются, т. е. объединяются в относительно обособленные в пространстве и времени совокупности. Процесс объединения имеет диалектический характер, ему противостоит процесс разъединения, дезинтеграции. Но факт существования объединений на всех уровнях организации материи говорит о доминировании интеграции над дезинтеграцией.

Как общенаучная методология системный подход получил распространение в 1960-е гг. в связи с успехами научно-технической революции. Ее наиболее известная форма, названная Л. Берталанти общей теорией систем (ОТС), была ориентирована на поиски универсальных закономерностей сложно организованных объектов и решала задачу интеграции разнородного научного знания.

Исследователей интересовали устройство систем и механизмы, обеспечивающие их функционирование, т. е. равновесие со средой. Именно в таком виде системный подход проник в западную, прежде всего американскую, психологию, захватив не только прикладные области типа Human factors, но и ее общетеоретическое ядро. Представления и установки ОТС использовались при изучении поведения (Б. Скиннер), личности (Г. Олпорт), процессов познания (У. Найссер), организации и динамики социальных групп и других явлений.

В какой-то степени этот методологический шаг был подготовлен яркими достижениями гештальтпсихологии и школы К. Левина, показавшими, что представление психических явлений и поведения в качестве систем открывает исследователю весьма широкие перспективы.

История психологической науки во многом выступает как история поиска альтернатив атомистической, по существу асистемной, точки зрения на природу психики и поведения. Наиболее последовательно она реализовывалась эмпирической психологией сознания и классическим бихевиоризмом, которые постулировали существование исходных элементов (ощущений, реакций), объединяемых внешними связями (ассоциациями), а также обусловленность психики и поведения жесткими каузальными зависимостями.

Следствиями такого подхода стали распространение редукционизма (физиологического, логического, социологического, кибернетического, информационного), опасность утери специфики предмета психологии и кризис методологических основ психологической науки. Собственно, преодоление этого кризиса и связано с освоением (большой частью неосознанно) системного взгляда на предмет психологического познания. Критерии научности все больше ассоциируются не столько с аналитическим, сколько с синтетическим, целостным подходом, вписывающим психическое в систему жизненных связей и отношений человека и подчеркивающим самостоятельность целого относительно образующих его компонентов. Существенные шаги в раскрытии системной природы психики в отечественной науке сделаны Б.Г. Ананьевым, В.М. Бехтеревым, Л.С. Выготским, А.Р. Лурией, В.С. Мерлиным,

С.Л. Рубинштейном, Б.М. Тепловым, А.А. Ухтомским. Системный анализ поведения и деятельности устойчиво связан с именами П.К. Анохина, А.Н. Леонтьева, Н.А. Бернштейна и др.

В отличие от теоретиков ОТС, Б.Ф. Ломов подчеркивал специфичность и многообразие проявлений целостных образований психики, их зависимость от сферы бытия, уровня организации и развития. Моносистемный взгляд на природу целостностей с его вниманием к компонентам и структуре Б.Ф. Ломов дополнил полисистемным, выделив объективные основания интегральных качеств и свойств.

На конкретном эмпирическом материале было показано, что, включаясь в разные системы отношений, человек (его психика, поведение) развертывается в различных планах и обнаруживает качества, которые отсутствуют в других системах. Поскольку объемлющих (макро-) систем оказывается несколько, психические явления всегда выступают как своеобразные «качественные узлы».

Принцип системности распространялся Б.Ф. Ломовым на всю психологию в целом и полагался ведущим регулятивом исследования. Одним из первых Б.Ф. Ломов обратил внимание на собственную организацию предметного поля науки, попытался уйти от его внешней гомогенности и, следовательно, «лобового столкновения» теорий, концепций и методов. Предметное поле психологии выступило в его работах как многомерное, многоуровневое, подвижное образование.

Этот методологический шаг подводил к принципиально новой стратегии познания. Важным становились не только обоснование, подтверждение или опровержение конкретной концепции, полученных данных и т. п., но и указание их места в сложнейшей системе знания, установление «ипостасей», или форм проявления, поиск множественных путей их взаимосвязей и взаимопереходов. Эпоха классических теорий, претендующих на объяснение любых психических явлений на основе проработки какой-либо одной из областей науки, заканчивалась.

Исследования, проведенные в психологии второй половины ушедшего столетия, позволяют заключить, что обращение к идеям системности не просто дань времени или моде. Системный подход вводит в психологию максимально широкий взгляд на изучаемые явления, возможность разработки конкретной логики взаимопереходов и взаимовключений, а также конструирование интегративного знания, не только глубоко отражающего сущность изучаемых явлений (их гетерогенность, текучесть, недизъюнктивность), но и наиболее приспособленного для решения практических задач. Раскрывая недостаточность (узость, односторонность, ограниченность) концептуальной базы и традиционных средств исследований, системный подход создает предпосылки для формирования более адекватных теоретических построений, объяснительных принципов и способов организации знания. Системный подход позволяет наиболее точно ставить проблему и намечать стратегию ее решения, ориентирует исследователя на изучение психики как дифференцированного целого, выявление многообразия его связей и отвечающих им планов, уровней

и измерений, обеспечивает создание предельно широкой, многомерной картины психических явлений.

Необходимо, однако, иметь в виду (и это вытекает из самой сути системного подхода как грани диалектики), что он не дает исчерпывающе полной методологической характеристики исследований психики и предполагает другие методологические ориентации. Более того, он эффективен именно тогда, когда наполняется конкретным психологическим содержанием.

Таким образом, на основании сказанного выше можно сделать следующий вывод.

Суть системного подхода в психологии заключается в рассмотрении психики и любых ее проявлений как систем. Системный подход в психологии позволяет выявить общность психических явлений с другими явлениями действительности. А это доказывает единство принципов организации мира во всех аспектах и на всех уровнях – от физического до психологического и социального, что, в свою очередь, позволяет оптимистически оценивать возможности построения «единой психологической теории, дает возможность обогащения психологии идеями, фактами, методами других наук и, наоборот, проникновения психологических данных в другие области знания. Системный подход позволяет интегрировать и систематизировать психологические знания, устранять избыточность накопленной информации, сокращать объем и повышать наглядность описаний, уменьшать субъективизм в интерпретации психических явлений. Он помогает увидеть пробелы в знаниях о конкретных объектах, обнаружить их неполноту, определить задачи дальнейших исследований, а иногда и предсказать свойства объектов, информация о которых отсутствует, путем экстраполяции и интерполяции имеющихся сведений.

Системные методы описания позволяют представить учебную информацию в более наглядной и адекватной для восприятия и запоминания форме, дать более целостное представление об освещаемых объектах и явлениях и, наконец, перейти от индуктивного изложения психологии к дедуктивно-индуктивному.

Цели применения системных исследований – построение теоретического базиса, организация и проведение эмпирического исследования, получение выводов, содержащих новые гносеологические модели. Общими задачами системных исследований являются анализ и синтез систем.

1. В процессе анализа система выделяется из среды. Определяются элементы, структура, функции, интегральные характеристики системы. Рассматриваются системообразующие факторы, свойства системы, взаимосвязи со средой.

2. В процессе синтеза создается модель системы, определяются ее состав, особенности структур, закономерности динамики и взаимодействия со средой, рассматриваются теоретические базисы и подходы к описанию системы. Применение системных методов позволяет решать задачи систематики, планирования и организации комплексного исследования.

Список литературы

1. *Айсмонтас, Б.Б.* Общая психология: схемы / Б.Б. Айсмонтас. – М. : ВЛАДОС, 2002. – 288 с.
2. *Бобченко, Т.Г.* Психологические тренинги. Основы тренинговой работы / Т.Г. Бобченко. – М. : Юрайт, 2020. – 132 с.
3. *Болотова, А.К.* Прикладная психология. Основы консультативной психологии / А.К. Болотова. – М. : Юрайт, 2019. – 340 с.
4. *Высоков, И.Е.* Математические методы в психологии / И.Е. Высоков. – М. : Юрайт, 2019. – 432 с.
5. *Выготский, Л.С.* Общая психология / Л.С. Выготский. – М. : ЭКСМО-пресс, 2000.
6. *Гонина, О.О.* Психология / О.О. Гонина. – М. : КноРус, 2019. – 320 с.
7. *Гуревич, П.С.* Психология и педагогика / П.С. Гуревич. – М. : Юрайт, 2019. – 430 с.
8. *Гальперин, П.Я.* Введение в психологию / П.Я. Гальперин. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1976. – 147 с.
9. *Гиппенрейтер, Ю.Б.* Введение в общую психологию / Ю.Б. Гиппенрейтер. – М. : Че Ро, 1988. – 336 с.
10. *Дружинин, В.Н.* Экспериментальная психология / В.Н. Дружинин. – М. : Юрайт, 2019. – 386 с.
11. *Ермолаев-Томин, О.Ю.* Математические методы в психологии / О.Ю. Ермолаев-Томин. – М. : Юрайт., 2019. – 280 с.
12. *Еромасова, А.А.* Общая психология. Методы активного обучения / А.А. Еромасова. – М. : Юрайт, 2019. – 182 с.
13. *Еникеев, М.И.* Общая и социальная психология / М.И. Еникеев. – М. : Норма-Инфра, 2002. – 624 с.
14. *Константинов, В.В.* Методологические основы психологии / В.В. Константинов. – М. : Юрайт, 2019. – 200 с.
15. *Коржова, Е.* Психология личности / Е. Коржова. – СПб. : Питер, 2020. – 544 с.
16. *Корнилова, Т.В.* Экспериментальная психология / Т.В. Корнилова. – М. : Юрайт, 2019. – 174 с.
17. *Леонтьева, В.Л.* Психология / В.Л. Леонтьева. – М. : Юрайт, 2019. – 152 с.
18. *Леонтьев, А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность / А.Н. Леонтьев. – М. : Просвещение, 1982. – 430 с.
19. *Лурия, А.Р.* Курс общей психологии. Лекции. Эволюционное введение в психологию / А.Р. Лурия. – СПб. : Питер, 2004. – 320 с.
20. *Либин, А.В.* Дифференциальная психология / А.В. Либин. – М. : Юрайт, 2020. – 442 с.
21. *Лобастов, Г.В.* Теоретическая психология как педагогическая способность / Г.В. Лобастов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskaya-psihologiya-kak-pedagogicheskaya-sposobnost-1> (дата обращения: 22.01.2022).
22. *Мазилов, В.А.* Проблема теоретического метода в психологии / В.А. Мазилов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-teoreticheskogo-metoda-v-psihologii> (дата обращения: 22.02.2021).

УДК 128

DOI: 10.24412/2308-7196-2022-2-116-123

Анастасия Алексеевна Саблина
аспирант

ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», Пермь, Россия
614990, Пермь, ул. Сибирская, 24, (342) 238-63-44,
e-mail: sab.anastasiya@gmail.com

ФИЛОСОФСКИЙ ПОДХОД К ФЕНОМЕНУ «САМООПРЕДЕЛЕНИЕ»

Anastasiya A. Sablina
PhD student

Federal State Budget Educational Institution of Higher Education

Perm State Humanitarian Pedagogical University
24, Sibirskaja, 614990, Perm, Russia, e-mail: sab.anastasiya@gmail.com

PHILOSOPHICAL APPROACH TO THE PHENOMENON OF SELF-DETERMINATION

Аннотация. Описывается феномен самоопределения человека. Автор раскрывает данное понятие с философской точки зрения. Рассматриваются ключевые подходы некоторых философов прошлого и настоящего к процессу самоопределения. Для молодого поколения потребность найти свое место в жизни и адаптироваться к различным сферам деятельности является естественной. Запланированная молодым человеком жизненная перспектива – мощный стимул самообразования, самовоспитания, самопознания и самореализации личности. Эта статья представляет интерес для специалистов не только философской области знаний, но и социальной, педагогической и психологической, т. к. быстро меняющаяся социально-культурная ситуация влечет за собой появление новых проблем, что побуждает искать новые пути для самоопределения человека. Автор прослеживает становление понятия «самоопределение», а также раскрывает современный научный взгляд на данный феномен.

Ключевые слова: выбор, самоопределение, свобода, цель.

Abstract. The article describes the phenomenon of human self-determination. The author reveals this concept from a philosophical point of view. The key

approaches to the process of self-determination of some philosophers of the past and present are considered. For the younger generation, the need to find their place in life and adapt to various fields of activity is natural. The life prospect planned by a young man is a powerful stimulus for self-education, self-knowledge and self-realization of the personality. The rapidly changing socio-cultural situation entails the emergence of new problems, which prompts the search for new ways for human self-determination. The author traces the formation of the concept of self-determination, and also reveals a modern scientific view of this phenomenon.

Key words: choice, self-determination, freedom, purpose.

При современных социально-экономических и культурных изменениях в мире проблема самоопределения человека является актуальной. Это связано с необходимостью адаптации к различным сферам деятельности, что представляется мощным стимулом самообразования, самовоспитания, самопознания и самореализации личности.

Термин «самоопределение» используется в нескольких областях знаний: в философии, методологии, социологии, психологии, педагогике и др. Соответственно, философско-методологические стороны самоопределения связаны с вопросами выбора ценностных ориентиров, персональной ответственности, построения собственной жизни, нравственного выбора, обретения внутренней целостности и адекватной позиции в обществе (И.Ф. Ведин, Г.В.Ф. Гегель, В. Гумбольдт, Э. Гуссерль, Р. Декарт, Д.И. Дубровский, И. Кант, Н.С. Кон, Э. Кассирер, А.Н. Книгин, В.И. Красиков, Н. Лобковиц, Л.Е. Моторина, С.Л. Рубинштейн, Ж.П. Сартр, В. Франкл, М. Хайдеггер, П. Шульц и др.). Любое значительное философское течение изучает проблему бытия человека, которое трактуется в соответствии с традиционными вопросами: что такое человек, какова его природа, в чем смысл жизни человека, а также в контексте вопросов о свободе воли, природе сознания, проблеме взаимоотношений общества и человека.

С точки зрения новоевропейской философии философия персонализма, личности и ее духовных ценностей считается высшим значением культуры. Философское знание дает общее направление, сущностные характеристики и ценностные ориентации процесса самоопределения: свободу, волю, жизненный ориентир.

Целью работы является анализ подходов некоторых философов прошлого к трактовке понятия «самоопределение», а также отдельных идей и теорий самоопределения человека с целью выявления того содержания, которое окажется общезначимым и в то же время актуальным для современной ситуации.

Чтобы исследовать сократовский подход к самоопределению, обратимся к трудам Платона (IV в. до н. э.). Как пишет мыслитель, это путь заботы о своей душе и о добродетели, в которой заключается человеческая доблесть. Прежде чем управлять государством или заниматься каким-то другим делом, необходимо познать самого себя, что значит познать свою душу. Ведь тот, кто

не знает себя (и самое главное в себе – душу), не может понимать и других; непосредственно он не может управлять ни домом, ни народом, «он не будет даже понимать, что он делает» [7, с. 264].

Развитие идей на тему самоопределения человека, на наш взгляд, можно проследить в Писании Августина (IV в.), к которому со времен Аристотеля принадлежала идея свободы воли. Эта идея была одной из ключевых в средневековой христианской мысли. В Писании Августин отмечает, что человек наделен Богом свободой воли, но это не значит, что человек сам может определять свою деятельность как добрую и справедливую. А раз так, то дела людей могут быть злыми. Здесь, по нашему мнению, оказалось необходимым добровольное усилие человека к самоопределению, т. е. в обращении к Богу.

Пико делла Мирандола (XV в.) излагает свой опыт самоопределения в подзаголовке «Речи о достоинстве человека», где пишет, что человек является свободным творцом самого себя. Бог дал человеку, в отличие от всего сущего, бытие которого раз и навсегда задано границами места в общей иерархии Бытия, способность определять свой образ, свое место и свою обязанность по собственной воле и решению. Важность и значимость человека не определяется непосредственно заданным социальным статусом. Лишь от самого человека зависит, какие пределы он себе установит, чтобы существовать. Э. Кассирер писал, анализируя Речь, что бытие человека есть результат его собственной деятельности, которая охватывает не только волю, но и всю совокупность человеческих созидательных сил.

Именно в деятельности реализовывалась свобода человека, его назначение как искусного мастера (сотрудника Бога) и господина всего сущего на земле. Гуманисты приветствовали любую деятельность: от художественной до политической, от военной до торговой и ремесленной (XIII в.).

В приведенных выше исторических отрезках идей и действий философов становится видимым возникновение темы человеческого самоопределения (без использования самого термина). На это указывает непосредственно формирование в этих учениях понимания человека как вольного существа, способного делать собственный выбор, используя такие термины, как «свобода», «добрая воля», «сознательный выбор», «решение» и др. И непосредственно при каждом случае создание новых форм человеческого бытия основывалось на философской рефлексии, причем воспроизведение форм человеческого бытия становилось возможным для их развертывания в собственном самоопределении и творчестве философов.

Поворотным пунктом в развитии темы самоопределения в истории философии является творчество Рене Декарта (XVII в.), в текстах которого впервые появляется понятие «самоопределение». Наука уже не могла «отвечать» требованиям времени первых буржуазных революций, времени развития классической науки. Декарт, обладая светским и военным образованием, как бы собрал на себе положения духовной и светской философии и создал свою оригинальную систему поиска истины на пути самостоятельного размышления.

Подход к самоопределению автора представлен в «Трактате о методе...». «Наша воля стремится к цели или избегает ее в зависимости от того, представляет ли ее наш ум как хорошую или плохую. Следовательно, достаточно правильно судить, чтобы правильно поступать, и самого правильного рассуждения достаточно, чтобы поступать лучше...» [4, с. 265]. Это определение особенно важно, поскольку Декарт приписывал воле (развитию идей предшествующих мыслителей) способность к самоопределению. Воля принимает решение, определяет себя к действию, будь то определение положительной или отрицательной формы суждения (и тем самым склонность к какому-либо утверждению) или деятельность, преследующая прагматические цели. Высшим достоинством человека является свобода «воли», определяющая его поступки. И тот, кто выбирает истину сознательно и добровольно, достоин похвалы. Декарт называет этот выбор «позитивной способностью к самоопределению» [3, с. 500], что означает свободу. Но только разумные существа непосредственно имеют свободу. Свет разума освещает те причины, которые склоняют волю к решению и делают действие добровольным, а не вынужденным. И здесь непосредственно становится ясной разница между позициями Картезия и Августина. Согласно последнему, человеческая воля свободна, но не добра и бессильна сделать правильный выбор без божественного участия. Декарт никоим образом не отрицает промысла и безграничной силы Божией, но своим методом он полагает, что то, что человек ясно видел и испытал на собственном опыте, – наличие в нем свободы – не дает ему повода непосредственно для сомнения. Гарантами этого являются в некотором роде разум, наделенный методом и отслеживающий волю человека, и активная воля, позволяющая «постоянно и правильно пользоваться разумом...» [4, с. 300].

Последующее развитие идей личностного самоопределения происходит в немецкой классической философии в период, когда в Германии практически не было единого государства, в ее суверенных княжествах процветали тирания, угнетение и произвол, а во Франции происходили революционные события, приведшие к наполеоновским войнам в Европе.

В творчестве Иммануила Канта (XVIII в.) нет термина «самоопределение». Однако кажется, что великий кенигсбергский мыслитель непосредственно размышлял над вопросом, что значит быть человеком в мире, где не существует свободы, где часто царят безграмотность, невежество и порок. Если Декарт помещал свободу в область самоопределяющейся мысли, то Кант был убежден, что любому индивиду «свобода нужна во всех случаях, чтобы публично пользоваться своим разумом» [5, с. 29].

Лозунгом философии И.Г. Фихте (XIX в.), развивавшего идеи И. Канта, можно считать слова: «Думай и действуй!» Собственно, в этом и выражалось самоопределение философа, ярко проявлявшееся как в его жизни, так и в его философской практике (построение системы научного учения, лекции и т. п.). Сам он категорически не выделял одно, считая, что его мысль должна быть средством к цели – к деятельности, под которой он понимал исполнение

должного, т. е. деятельность нравственно направленную. Он первым развил идею самоопределения человека как свободного, вольного, т. е. нравственное действие, изменяющее мышление, которое он реализовал в своей практике ученого, философа и педагога.

В «Философии права» Г.В.Ф. Гегеля (XIX в.), проиллюстрировавшего понятие воли как свободы (также наоборот: понимание реальности свободы как воли или субъекта), утверждается, что каждый человек может открыть в себе «способность определять для самого себя, помещать в себя всякое содержание и находить примеры для дальнейших определений в своей самоуверенности» [6, с. 67].

В философской концепции Гегеля процесс (начатый Декартом) сведения понятия человека к предмету познания, деятельности как мышления, нравственности и т. п. становится истинной «свободой воли» через внешние воздействия. Здесь субъект становится формой личности, это открытие немецкой классики. Особое внимание следует уделить «личности» как форме и способу бытия человека, подтвержденным И. Кантом в его трудах. Именно концепция личности существенно повлияла на дальнейшее развитие философской антропологии, психологии и педагогики. Идея автономии (самоопределения) человека как нравственно взрослого, свободного человека укоренилась в европейском философском мышлении и воспроизводилась до последней трети XX в.

В описанный выше период философия претендовала не только на функцию основы всей науки и практики, но и на роль истинной основы человеческой жизни и деятельности, утверждая познание и нравственность как истинные способы бытия человека. Тема «самоопределения человека» становится не просто темой, а прикладным философским знанием, что естественным образом отразилось на развитии техники, философско-научной мысли и различных других практик.

В начале XX в. интерес к рассматриваемой тематике возрастает, так как это не только время нарастания социокультурного кризиса в России и Европе, но и время усиления критического отношения к рационалистической философии, в которой, по мнению критиков, не хватает живого человека. Социальная и политическая напряженность, войны в Европе, историческая катастрофа двух революций, войн, разрухи в России – в этих условиях проблема свободы и самоопределения человека стала одной из важнейших в философской, публицистической и литературной мысли России.

Как и других представителей русской религиозной философии, проблема кризиса гуманизма, человека и культуры волновала С.Л. Франка. Ему принадлежит известная формула: самоопределение – через самопреодоление (она есть и в статье о самоопределении в философской энциклопедии). Линия самоопределения человека выступает здесь как линия самореализации, когда человек может говорить «сам», не оглядываясь на кумиров, что, по мысли философа, ведет к формированию личности. Последнее невероятно актуально для современной России.

Связь между явлениями самоопределения, творчества и свободы отмечал в своих работах Н.А. Бердяев. Философия для него была образом жизни, поступком в ситуации социальной и культурной катастрофы в России начала прошлого века. Процесс собственного самоопределения можно проследить в работе «Самопознание (опыт философской автобиографии)», где он пишет: «Я всегда хотел, чтобы философия была не о чем-то, а чем-то, обнаружением первореальности самого субъекта» [1, с. 96], что он и сделал, решив проблему индивидуальной свободы как в жизни, так и в философии, развивая две ключевые темы – свободы и творчества.

Самоопределение изнутри означает определение силой духа, а дух есть не бытие, а свобода. Замечательный шаг сделал Н.А. Бердяев: он выделил свободу воли (выбирать) и свободу духа (творить) как разные принципы самоопределения человека.

Вопрос о личностном самоопределении находился в центре разработки проблемы человеческого существования в философии Ж.П. Сартра, для которого свобода была высшей ценностью и определением человека в самом широком смысле этого слова. Человек свободен, потому что он покинут: если нет Бога, у человека нет оправданий, он осужден на свободу, он сам отвечает за то, что он есть. Человек свободен, потому что он вынужден выбирать свое собственное бытие. А выбирать – значит изобретать себя, «каждый раз изобретать человека» [2, с. 327].

По Сартру, каждый индивид оказывается одновременно в двух ситуациях: определяющей его локальной исторической ситуации (в этом смысле он не может выбирать место и год рождения, возраст и т. д.) и базовой ситуации человека во вселенной, которая, по мысли философа, очерчена общими условиями существования человека или набором априорных пределов. Относительно этих пределов человек может определить свое собственное существование.

Методолог П.Г. Щедровицкий утверждал: «Основным процессом самоопределения является рефлексия, результаты которой должны быть оформлены как в мышлении, так и в словесном выражении, так как для формирования личности необходимо и общение» [7]. Работы автора вывели тему самоопределения человека на новый уровень, уровень прикладной (философско-методологической) теории, где схемы самоопределения прописаны таким образом, что через них можно не только мыслить о процессе самоопределения человека или даже самоопределяться, но и использовать их в педагогической и иной практике.

Иная линия развития темы человеческого самоопределения зафиксирована в текстах О.И. Генисаретского. В частности, он вводит ценностное понятие самоопределения как цели и смысла. Последнюю автор развивает в «аксиологической конструкции “поиск – выбор – устройство – проживание”, описывающей последовательность фаз ценностного самоопределения и укоренения в разных жизненных средах» [2].

Немецкий философ середины XX в. П. Шульц в своей работе «Философская антропология. Введение для студентов-психологов» вводит различие между переходным и непереходным действием [10]. Целью и результатом первого является продукт вне действия субъекта. Цель второго – самоактуализация сюжета без ориентации на внешний результат. В опыте нетранзитивного действия человек управляет собой и своей сущностью. Шульц называет это действие самоопределением.

Критика ленинской концепции соотношения сознания и материи, творческое переосмысление работ К. Маркса легли в основу развития деятельностного подхода в психологии (принцип единства деятельности и сознания) и авторского понимания человека как деятельностного существа. В то же время Рубинштейн в своей философской концепции бытия видит человека не как противоположность бытия, а как его центр, как субъект преобразования мира, сознания и способности не только познавательно действовать, но и вступать в разнообразные отношения (и не только рабочие) с другими людьми. В связи с этим мыслитель обсуждал как проблему свободы человека, так и проблему определения его активности и сознания. По поводу последнего Рубинштейн утверждал: «Человек не только имеет известное отношение к миру и определяется им, но и относится к миру и сам определяет это отношение, то есть сознательное самоопределение человеческого существа» [9, с. 353].

В теории А.А. Попова «готовое» самоопределение понимается «как актуализированный потенциал человека». А концептуально «способность к самоопределению культуры и общества» является одной из «универсальных способностей (антропология) современного человеческого потенциала» [8, с. 191].

Обращение философии (и философской антропологии) к этой теме с конца прошлого века неслучайно. Это связано с пониманием того, что распространяющаяся сегодня новая волна глобального социокультурного кризиса поставила человека перед стремительно меняющимся миром. В таких критических ситуациях философы в своем самоопределении и связанной с ними деятельности (научной, преподавательской и т. д.) пытались ответить на вопрос, что значит быть человеком в предельных рамках. А это в свою очередь реализовывалось тем или иным образом в других сферах жизни и деятельности людей.

Когда у человека есть свое сотворенное настоящее, а не просто сожаление о прошлом и страх перед будущим (что особенно касается текущей ситуации), то он действительно существует. При этом отражается и человечность человека: его воля к рефлексии и способность к рефлексии, ценности, чувства, возможно, мечты. Весь доступный материал культуры, традиции, социального положения и т. д. «втягивается в понимание». С «внешней», философско-антропологической позиции необходимо отметить, что человек делает рискованный шаг, так как в какой-то момент он будет вынужден отстраниться от себя (быть другим), что само по себе сложно и даже опасно и что значит – как-то получить что-то из обычных представлений и, выражаясь психологически, из комплексов смысло-чувство-актов действий. Но в человеческом сознании нет ничего другого. И вот тут-то и должны начаться поиск и создание тех подходов, понимания и т. д., которые позволят вам включиться в вашу

ситуацию «извне» и попытаться ее решить. Если этого не происходит, сознание возвращается в прежнее состояние и остается старая ситуация. И это может быть положение страны, людей и т. д. Как утверждал М.К. Мамардашвили, чтобы выйти из ситуации, надо до конца ее продумать. Это должно быть воображаемым, для этого нужны опоры – концептуальные или символические средства, определенным образом присутствующие в культуре (философские, художественные, религиозные, научные и т. д.), должны быть определенным образом изобретены, что также требует содержательной коммуникации, где ситуация и все «вещи», которые с ней связаны, называются своими именами. И вокруг деятельности самоопределившегося человека может начаться формирование (или перестройка) мира той или иной величины.

Одним из важнейших признаков современной глобальной ситуации является переход от культуры, основанной на господстве жестких требований и представлении об абсолютной истине, к культуре, признающей многообразие взглядов и мнений и свободу выбора. Нарботанный опыт заслуживает самого пристального внимания, вместе с тем быстро меняющаяся социально-культурная ситуация влечет за собой появление новых проблем, что побуждает искать новые пути решения задачи ценностного самоопределения учащихся. По всей вероятности, сейчас человечество стоит на пороге необходимости следующего шага в саморазвитии, самосозидании человека. И в этом может иметь значение всякое самоопределение человека.

Список литературы

1. *Бауман З.* Текущая современность / пер. с англ. З. Баумана; под ред. Ю.В. Асочакова. – СПб. : Питер, 2008. – 240 с.
2. *Генисаретский О.И.* Культурно-антропологическая перспектива [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://old.russ.ru/antolog/inoc/genis.htm> (дата обращения: 10.04.2022).
3. *Декарт Р.* Сочинения. В 2 т. / пер. с лат. и фр.; сост., ред., вступ. ст. В.В. Соколова. Т. I. – М. : Мысль, 1989. – 654 с.
4. *Декарт Р.* Сочинения. В 2 т. / пер. с лат. и фр.; сост., ред. В.В. Соколов. Т. 2. – М. : Мысль, 1994. – 640 с.
5. *Кант И.* Что такое просвещение // И. Кант. Сочинения. В 8 т. Т. 8. – М. : Чоро, 1994. – С. 29–37.
6. *Ланганс Е.Г.* Самоопределение как способ бытия человеком в современную кризисную эпоху : дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13 / Елена Геннадьевна Ланганс. – Челябинск, 2014. – 173 с.
7. *Платон.* Сочинения / пер. с древнегреческ. В 4 т. Т. I; общ. ред., вступ. ст. А.Ф. Loseva; примеч. А.А. Тахо-Годи. – М. : Мысль, 1990. – 860 с.
8. *Попов А.А., Проскуровская И.Д.* Педагогическая антропология в контексте идеи самоопределения // Вопросы образования. – 2007. – № 3. – С. 186–198.
9. *Рубинштейн С.Л.* Проблемы общей психологии / отв. ред. Е.В. Шорохов. – 2-е изд. – М. : Педагогика, 1976. – 415 с.
10. *Шульц П.* Философская антропология. Введение для изучающих психологию. – Новосибирск : Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1996. – 118 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pedlib.ru/Books/4/0474/40474-52.shtml#book_page_top (дата обращения: 10.04.2022).

УДК 372.851

DOI: 10.24412/2308-7196-2022-2-124-135

Ольга Сергеевна Друзина

аспирант кафедры педагогики и психологии

*ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», Пермь, Россия
614990, Пермь, ул. Сибирская, 24
Тел: 8-912-580-42-22, e-mail: olgadruzina@mail.ru*

ФИЛОСОФСКИЙ СМЫСЛ КАТЕГОРИЙ «ТРАДИЦИЯ» И «РУССКИЕ ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ»

Olga S. Druzina

Postgraduate student of the Department of Pedagogy and Psychology

*Federal State Budget Educational Institution of Higher Professional Education
«Perm State Humanitarian Pedagogical University»
24, Sibirskaja, 614990, Perm, Russia*

PHILOSOPHICAL UNDERSTANDING OF THE CATEGORIES ‘TRADITION’ AND ‘RUSSIAN TRADITIONAL VALUES’

Аннотация. Обсуждается проблема понимания категорий «традиция» и «традиционные русские ценности». Дается краткий ретроспективный обзор философских воззрений на данные феномены, а также основных традиционных русских ценностей. Утверждается, что идеалы православия являются традиционными русскими ценностями, укоренившимися в менталитете нашего общества. Именно они могут стать основными точками опоры для духовно-нравственного возрождения российского общества и воспитания молодого поколения.

Ключевые слова: традиция, русские традиционные ценности, православие, воспитание, молодое поколение, философское осмысление.

Abstract. The article discusses the problem of understanding the categories ‘tradition’ and ‘traditional Russian values’. A brief retrospective review of philosophical views on these phenomena, as well as the main traditional Russian values, is given. It is argued that the ideals of Orthodoxy are traditional Russian values rooted in the mentality of our society. They can become the main points of support for the spiritual and moral revival of Russian society and the education of the younger generation.

Key words: tradition, Russian traditional values, orthodoxy, upbringing, the younger generation, philosophical understanding.

Современное российское общество характеризуется тенденцией к снижению духовно-нравственного уровня, трансформацией ценностных ориентаций русских людей, их прагматической направленностью [26], разрушением механизма передачи опыта от поколения к поколению [5], снижением значимости многих традиционных русских ценностей, отказом от них и принятием ценностей западной цивилизации, сокращением влияния традиций на поведение человека и т. д. [20].

Молодое поколение остро реагирует на такие изменения. Отмечается снижение уровня нравственности среди юношества. Молодые люди не воспринимают нравственные нормы как абсолют и идеал; их моральные принципы часто амбивалентны, аморфны, неустойчивы; они считают мир жестоким и готовы переступить через моральные принципы и нормы; уверены, что можно пренебречь нравственными принципами, чтобы добиться успеха; склонны к идеям «морального релятивизма» и «радикализации» безнравственности [26]. Уважение к традициям считают одной из главных ценностей государства всего 55,5 % опрошенных молодых людей, патриотизм – только 56,8 %, 14,3 % респондентов утверждают, что необходимо ориентироваться на западные ценности [24].

Исследователи проблемы прогнозируют такие неблагоприятные последствия, как нарушение целостности общества, потеря им своей идентичности [7], разрушение исторически сложившейся культуры нашей страны, что представляет серьезную угрозу целостности и безопасности русского государства [16].

Факторы преодоления названных проблем обозначены в «Стратегии развития воспитания в РФ до 2025 г.», утвержденной правительством РФ в 2015 г. Одним из главных факторов в ней указано развитие высоконравственной личности, «разделяющей российские традиционные духовные ценности». Говорится о формировании у подрастающего поколения «высокого уровня духовно-нравственного развития» и «чувства причастности к историко-культурной общности русского народа и судьбе России», которое должно опираться на традиционные российские ценности, сложившиеся в процессе культурного развития России. Это – вера в добро, совесть, честь, воля, справедливость, человеколюбие, а также «стремление к исполнению нравственного долга перед самим собой, своей семьей и своим Отечеством». В стратегии отмечено, что необходима ориентированность на оптимальное сочетание современного опыта и отечественных традиций [18].

Таким образом, очевидна потребность российского общества в возрождении и сохранении русской культуры, организации процесса воспитания молодежи, основанного на традиционных русских ценностях.

Поэтому в последние десятилетия в научной среде усиливается интерес к исследованию таких категорий, как «традиция», «ценности», «русские традиционные ценности», а также пониманию их сути, места и роли в историческом процессе духовно-нравственного развития общества, потенциала использования в процессе воспитания молодого поколения.

Определение понятия «традиция», его содержание, широта и смысловые границы, задачи и функции до сих пор являются дискуссионными. Разнообразие подходов к его определению обусловлено спецификой данного понятия, спецификой исследующих понятие «традиция» дисциплин, а также конкретным историческим периодом его изучения. Существует совсем мало фундаментальных исследований в этой области, а исследовательский интерес, проявляемый к данному понятию, фокусируется в основном на проблеме определения самого этого понятия [14].

Сам термин «традиция» произошел от латинского слова «traditio», что означает «обычай», «предание». В «Словаре иностранных слов» «традиция» (traditio – передача; повествование) мы находим два значения этого понятия: первое – «предание, устная передача исторического материала», второе – «обычай, порядок, правила поведения, переходящие из поколения в поколение». «Традиционный» – значит основанный на традиции, переходящий по преданию, издавна привычный, передаваемый из поколения в поколение [7].

Традиция, согласно «Большой российской энциклопедии», – это элемент культуры, культурного наследия; она является средоточием комплекса культурных образцов, норм, ценностей, а также институтов, идей, обрядов, обычаев и характеризуется связью настоящего с прошлым [2]. В «Большой энциклопедии» «традиции» – это обычаи, навыки, правила, художественные принципы, нормы, образы прошлого, которые сложились исторически и передаются из поколения в поколение; осваиваются и используются для достижения целей современного общества [1]. «Традиция» также определяется как способ передачи от одного поколения к другому духовных ценностей, которые являются основой культурной жизни [23]. Традиции характеризуются многообразием, долговечностью, прочностью и стабильностью, всеобщностью и массовостью [19].

Исследователи проблемы предлагают рассматривать понятие «традиция» только как философскую категорию либо более широко, как «проблему неинституализированной социальной нормы». В первом случае речь идет об использовании термина «традиция» строго как философской категории, начиная с работы И.Г. Гердера (VIII в.) «Идеи к философии истории человечества», в которой он впервые придал понятию «традиция» такой статус. А во втором случае авторы предлагают рассматривать суть понятия «традиция» через историческую ретроспективу воззрений на него, начиная с самого раннего периода возникновения философской мысли – античной философии [11].

Нам более интересен второй подход, однако наша историческая ретроспекция понятия «традиция» будет устремлена только к русской философской мысли.

В ходе исторического развития понимание традиции и традиционных ценностей было неоднозначным. Славянские традиции, согласно археологическим данным, складывались в VI–IX вв. [19]. В период существования Древней Руси понимание данного феномена было связано

с устройством общества (родовые и соседские общины), природно-климатическими условиями, а также языческой верой. Наши предки передавали нравственные нормы и социально-трудовой опыт в процессе общения и совместной деятельности с младшим поколением. Мужским идеалом был физически развитый, выносливый, упорный и умелый труженик, способный к преодолению трудностей, ловкий и бесстрашный воин, женским идеалом – здоровая мать, способная к рождению и вскармливанию детей. Традиционными считались ценности совместного труда, взаимопомощи, выручки, верность общине и готовность защищать ее. Личные интересы были подчинены общим интересам.

Согласно религиозному мировоззрению ценностное значение придавалось природе и ее силам (земле, огню, воде и др.). Их обожествляли, им поклонялись. Традиции (обычай, обряды, ритуалы) подлежали всеобщему исполнению, они строго регулировали жизнь и поведение человека в различных областях его жизнедеятельности. Формировалось уважение к табу (запретам). Дети, по словам Н.М. Карамзина, следовали общему примеру как закону древнему, «славилась почетом к родителям и всегда пеклись об их благосостоянии» [17].

Дальнейшее глобальное изменение во всех сферах жизни русичей связано с эпохальным событием – введением в Киевской Руси христианства как государственной религии в конце X в. Это коренным образом изменило их ценности, мировоззрение, традиции. По мнению С.А. Лукьянова, это происходило относительно мирным путем, поскольку русская православная церковь стремилась ненасильственно, постепенно распространить христианские ценности в древнерусском обществе [10].

Связь становления ценностной сферы русских людей с ценностями православия многими исследователями признается бесспорным фактом. Утверждается, что в русской истории православие выполняет онтологическую роль основания традиционной культуры, укоренившееся среди традиционных ценностей русского человека и в характере народа идеалы-абсолюты: боголюбие, человеколюбие и правдолюбие [21].

Видными представителями христианского мировоззрения X–XI вв. были Антоний и Феодосий Печерские – основатели Киево-Печерской лавры. Их принято считать основателями традиции православного монашества, заложившими ее духовные основы, которые зиждились на идее аскезы – отказа от земных радостей во имя постижения Бога [21].

Именно благодаря названным православным монахам и их последователям в систему мировоззрения русского человека, а также в систему традиций и традиционных ценностей вошли идеалы аскезы, любви, благочестия, сострадания к людям, нестяжательства, кротости, всепрощения, поиска абсолютного добра. Духовная общность русских людей формировалась на традициях святости, духовного подвижничества и таинства соборования. В ходе тысячелетней истории идеалы православия стали духовной основой русского менталитета, традиционными ценностями русских людей, что отразилось на векторе национального пути Русского государства.

Разделение в XI в. церкви на католическую (на западе, с центром в Риме) и православную (на востоке, с центром в Константинополе) привело к появлению католицизма. Противостояние православия и католицизма прослеживается во всем историко-культурном развитии нашего государства. В XIV в., например, это выразилось в насильственном «окатоличивании» Польшей православного русского населения на захваченных русских территориях [4]. Противостояние католицизма и православия, западных и традиционных русских ценностей шло весь дальнейший период развития христианства (оно существует и в наши дни). Однако это не помешало идеалам православия проникнуть во все сферы деятельности русских людей, в том числе в музыку, живопись, литературу, и укорениться в качестве базовой, традиционной духовно-нравственной философии.

Представителем русской религиозной философии Н.О. Лосским в XIX в. была высказана идея о присутствии православной концепции в творчестве знаменитого русского писателя, мыслителя, философа и публициста Ф.М. Достоевского (1821–1881), в чьих гениальных произведениях были поставлены глубочайшие традиционные русские проблемы: смысла жизни, веры в Бога, бессмертия души в их единой связи с православным мировоззрением о человеке. Творчество Достоевского пронизано любовью к Богу и русскому православному народу. По Достоевскому, неправославный человек не может быть русским; русский народ весь в православии: «...у нас православие; наш народ велик и прекрасен потому, что он верует, и потому, что у него есть православие». О силе русских он пишет: «...мы, русские, сильны и сильнее всех потому, что у нас есть необъятная масса народа, православно верующего...». Герои его произведений проходят путь к православной вере, к идеалу Христа через «сомнения и мучительное изболевание соблазна безбожия». Будучи гениальным художником-философом, Достоевский «постиг суть того метафизического опыта, согласно которому человеческая жизнь есть столь Великое Творение, что осознать ее полноту ни философия, ни наука не могут. Полнота может быть достигаема или художественно (т. е. в рамках искусства) или лишь на основе религиозного опыта (т. е. религией вообще)» [8].

Русская философская мысль VIII–XIX вв. развивалась в русле работ двух ярких антагонистических течений: славянофильства и западничества. Одна из точек противостояния – вопрос о том, есть ли у России собственные традиции? П.Я. Чаадаев (1794–1856) утверждал, что у России нет собственных традиций. Он считал себя христианским философом, но, по сути, выдвигал идеи западного мировоззрения (как известно, огромное влияние на него оказала философия одного из главных немецких «идеалистов» – Ф.В. Шеллинга).

П.Я. Чаадаеву противостояли А.С. Хомяков (1804–1860) – богослов, философ, представитель раннего славянофильства и И.В. Киреевский (1806–1856) – русский религиозный философ, один из главных теоретиков славянофильства. Оба славянофила подчеркивали важность традиций для общества и государства, утверждали, что традиции оказывали и оказывают значительное влияние на исторические, общественные и культурные процессы в России [25].

В то же время эти философы по-разному понимали саму сущность понятия «традиция». По А.С. Хомякову, традиции есть общественные отношения, основанные на православной вере, которые регулируют нормы образования и семейного быта и позволяют при условии невмешательства в них обеспечивать гармоничное развитие как отдельных общественных групп, так и государства в целом. Он говорил о проблеме исторической традиции, которая виделась ему в необдуманном привнесении инородных обычаев, норм, законов на российскую почву, их закреплении на уровне государства как единственно верном пути развития. Это, по его мнению, нанесло существенный ущерб русской культуре и науке (на период в полтора века). А причиной этого можно считать разные условия формирования западного и русского менталитета и образа жизни.

И.В. Киреевский считал, что традиция есть «самобытное развитие коренных начал народа». Значит, он видел в традиции не только общественные отношения, но и «коренные начала», послужившие основой этих отношений [25].

В исторический период Советской власти (начало XX в.) на традиционные ценности обрушилась «волна обновления». В частности, в армии ликвидировались военные ритуалы, атрибутика, традиции, наименования полков, кораблей и т. д. По мнению Р.М. Николаева, был «поставлен крест» на традициях русской армии, собираемых в течение столетий. Традиционная ценность «Отечество» была заменена на «социалистическое отечество». В то же время традиционные ценности продолжали существовать среди православных людей, не отступивших от веры после революции [12].

Великая Отечественная война дала особый импульс всплеску патриотизма, обращению к традициям и традиционным ценностям, возрождению традиционного мировоззрения русского народа. Были восстановлены и наполнены истинным смыслом такие традиционные понятия, как «Родина», «Отечество», «патриотизм», поскольку стало понятно: невозможно победить в войне на западных идеях марксизма [12].

Современная русская философская мысль (конец XX – начало XXI в.) трактует традицию как культурное наследие, которое передается от одного поколения к другому. Подчеркивается тесная связь традиций с коллективной и исторической памятью обществ и социальных групп, обусловленность многообразия традиций многообразием культур. В качестве традиций указываются обряды, обычаи, идеи, ценности, определенные образцы культуры, институты, ремесленные навыки, стили производства и т. д. [25]. Традиция определяется и как элемент духовной культуры [13].

Другие исследователи говорят о традиции как об особой социальной связи индивидов и групп в обществе, подчеркивая суть традиции, состоящую в воспроизводстве «из поколения в поколение определенных содержательных формализмов действия и представления, фиксирующих накопленный социальный опыт и выступающих регулятивными принципами освоения новых условий и задач деятельности» [7].

Традиция определяется как исторически сложившаяся форма «сохранения и передачи от поколения к поколению элементов социокультурного опыта, смысла», а сущность традиции – обеспечить преемственность в жизнедеятельности сменяющихся поколений и исторических эпох [25].

Сущность традиции также видится как исторически сложившиеся общественные отношения, устойчивые и повторяющиеся, передающиеся от одного поколения к другому. Вводится понятие «трансмиссия» – наследование, передача. Подчеркивается, что через традицию мы получаем в том числе и оценку того, что наследуется [7].

По мнению исследователей данного феномена, в традициях отражены способ понимания мира человеком и его освоения, ориентиры духовно-нравственного развития человека [15].

Традиция характеризуется связью настоящего с прошлым, является способом передачи от одного поколения к другому духовных ценностей, которые есть основа культурной жизни.

Связь настоящего с прошлым раскрывается в традиции через механизм хранения и передачи современному обществу народных идеалов, образцов, способов деятельности (навыки, технологии), обычаев (традиционные действия и отношения), ритуалов (церемонии и обряды), текстов, знаков, музыки, песен и т. д. То есть традицию можно рассматривать как форму хранения и способ передачи современному обществу человеческих ценностей.

Говоря о связи традиции с настоящим, ученые отмечают, что она передается в настоящем и, основываясь на проблемах современности, определяет то, что *нужно* делать, в то время как ценности говорят о том, что *должно* делать. Любая система традиций строится на современном фундаменте [7].

Размышляя об инновации и стереотипизации как механизмах развития этнической культуры, исследователи проблемы называют традицию «сгустком социально-исторического опыта людей» и «механизмом самосохранения, воспроизводства и регенерации этнической культуры как системы» [7]. Традиции структурируют и стабилизируют жизнь, наполняют собой жизнедеятельность человека без специальных усилий с его стороны, входя в его жизнь естественным путем. Сообщество, как создатель цивилизации, является носителем культуры, а это есть «поле» взаимодействия традиций (своих с заимствуемыми у других этносов или общественных систем)» [3].

Наиболее ярко в настоящее время высвечивается проблема соотношения традиций и инноваций. В нашем исследовании будет уместно ее затронуть и кратко осветить.

Понятие «инновация» описывается в словарях с помощью терминов «новшество», «новизна», «новаторство». Это то, чего не было ранее или что в силу усовершенствования было кардинально изменено, то, что не изведено до конца. Инновация понимается также как отказ от традиционного, сакраментального, привычного, проверенного, устоявшегося. «Инновационная деятельность», по мнению некоторых авторов, обладает творческими,

конструктивными, научно-теоретическими, преобразующими, социально позитивными свойствами [22], а традиция видится ими как атавизм и рудимент, стремящийся к возврату к прошлому и остановке в развитии.

Э.Г. Абрамяном, в отличие от тех, кто видит в традиции пагубность для развития, традиция воспринимается как механизм органичного изменения общества [7]. Без традиции, как творящего начала невозможна инновация, считает А.А. Коноплева [9].

Об очевидном современном противопоставлении и противостоянии традиции и новации, традиционных и новационных ценностей говорят В.Н. Дежнев и О.В. Новикова. В связи с этим, считают они, необходимо оценить данные понятия, соотнеся их с определенными критериями, и ответить на вопрос: что именно они несут для общества в целом и личности в отдельности, для отдельных сфер бытия (семьи, например), для нравственных норм, моральных устоев, национальной культуры, а в глобальном осмыслении – для человечества и цивилизации в целом? Развитие, духовный рост либо деградацию? Кроме того, авторы обозначили проблему трактовки традиционного с помощью нетрадиционных ценностей и понятий [6].

Если понимать традицию как феномен, не исключающий изменений и появления нового, то разрешить названные проблемы предлагается путем исключения копирования, слепого заимствования новаций, в том числе и механического перенесения на отечественную почву чуждых, неприемлемых ценностей (что наблюдается в России несколько последних десятилетий), а тем более, их насильственного насаждения [6].

Позитивный оттенок придает инновации мнение Т.Е. Кузнецовой, которая исследует термин «инновационное мышление» и говорит о нем как о навыке замечать и использовать новые тенденции, творчески разрешать возникшие или выявленные противоречия, проявлять креативность и исследовательское поведение, уметь ставить под сомнение незыблемость и успешность традиционных концепций и подходов [7].

Глобализационный подход, который в последние десятилетия активно лоббировался западными странами, высвечивается авторами как новация с отрицательным смыслом. Глобализация осуществлялась не в пользу людей, а в интересах транснациональных корпораций, что не могло бы принести обществу и нациям объединение (как это может быть при использовании традиционного подхода), привело бы к утрате национально-культурной идентичности. В связи с этим в последнее время мы и наблюдаем растущий интерес к традициям, русским традиционным ценностям как основам бытия. А православие как «социально-культурная парадигма» в XXI в. имеет все шансы стать одной из альтернатив «космополитически реализуемой глобализации» [25].

Таким образом, проследив историческую ретроспективу философского понимания категорий «традиция», «русские традиционные ценности» и отношения к ним в разные периоды исторического развития нашей страны, мы пришли к пониманию, что именно традиции как наиболее устойчивые,

выдержавшие испытание временем сгустки мудрости, стереотипы духовной практики народа, его неповторимой этнокультуры выходили на первый план при решении вопроса о векторе развития нашей страны. В ходе тысячелетней истории сложилось так, что традиционными ценностями русских стали идеалы православия, укоренившиеся в менталитете нашего общества и ставшие системообразующими ценностями, влияющими на духовно-нравственное развитие общества и социально-политическое становление государства. Несмотря на мощное давление католицизма и западной философии, прочно вошли в мировоззрение русского человека, а также в систему традиций и традиционных ценностей православные идеалы: святости, аскезы, любви, благочестия и сострадания к людям, трудолюбия, нестяжательства, кротости, всепрощения, поиска абсолютного добра и правды и др.

Соглашаясь с мнением о том, что одна из функций традиции как непрерывного связующего звена между поколениями – нормализация социальных процессов в обществе [7], мы отмечаем, что не любая традиция (обычай, предание, порядок, правила поведения, ценности и т. д.) будет играть положительную роль в решении аксиологических проблем современности. В данном случае принцип избирательности позволит нам имплементировать в систему современных ценностей только те традиции, которые являются национальными традиционными ценностями и могут стать основными точками опоры для духовно-нравственного возрождения российского общества, воспитания молодого поколения и решения современных аксиологических задач.

Исследователи проблемы убеждены, что от того, каким будет нравственное самоопределение молодежи, зависит будущее состояние общества в целом. По мнению профессора, доктора педагогических наук Н.Е. Щурковой, основа воспитания ребенка – это направление его внимания на человеческие ценности – объекты наивысшей значимости для всего человечества: «человек», «жизнь», «природа», «Я», а также формирование такого отношения к этим ценностям, которое выработано историческим ходом. Нельзя не согласиться и с мнением о том, что встать на путь стабильного духовно-нравственного возрождения нашей страны мы можем только в том случае, если будем учитывать наши исторические духовно-нравственные корни, наше прошлое наследие, формировавшиеся в веках культурные и этнические особенности [7], добавим: наши традиционные ценности – православные идеалы любви к Богу и людям.

А «кто не понимает Православия, тот никогда и ничего не поймет в народе. Мало того: тот не может и любить русского народа, а будет любить его лишь таким, каким бы желал его видеть» (Ф.М. Достоевский).

Современная политическая ситуация высветила истинное отношение западных стран к России: санкции, давление, агрессия, стремление ослабить нашу страну и подчинить своей воле. Это есть внешнее выражение внутренней сути западных ценностей, отношение носителей западных идеалов к нашим традиционным духовно-нравственным ценностям. Такое отношение не удивляет. Запад никогда не понимал и не любил Россию. А.С. Пушкин уже

в начале XIX в. говорил, что «Европа в отношении России всегда была столь же невежественна, как неблагодарна». Значит, нам не нужно надеяться на легкий путь, ибо «покупается счастье страданием», но безусловное понимание того, что «мы, русские, сильны и сильнее всех потому, что у нас есть необъятная масса народа, православно верующего...» (Ф.М. Достоевский), понимание того, что мы имеем такие идеалы, должно воодушевлять и вдохновлять нас.

Список литературы

1. Большая энциклопедия: в 62 т. – М. : Терра, 2006. – Т. 51. – 592 с.
2. Большая российская энциклопедия. Сайт Министерства культуры РФ [Электронный ресурс]. – URL.: https://bigenc.ru/world_history/text/4199293 (дата обращения: 15.03.2022).
3. *Бондырева С.К., Колесов Д.В.* Традиции: стабильность и преемственность в жизни общества : учебное пособие. – 2-е изд., стер. – М. : Изд-во Моск. психол.-соц. ин-та; Воронеж : МОДЭК, 2007. – 280 с. – (Серия «Библиотека студента») [Электронный ресурс]. – URL: <https://old.irorb.ru/files/kafedri/pedagogi/kniga2.pdf> (дата обращения: 10.04.2022).
4. *Виноградов М.А.* Русская церковь и борьба за юго-западные русские земли во второй половине XIV века. К вопросу о роли Сергия Радонежского в противостоянии католицизма и Православия на территории бывшей Киевской Руси // Приволжский научный вестник. – 2014. – № 6 (34) [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkaya-tserkov-i-borba-za-yugo-zapadnye-russkie-zemli-vo-vtoroy-polovine-xiv-veka-k-voprosu-o-rol-i-sergiya-radonezhskogo-v-protivostoyanii> (дата обращения: 15.03.2022).
5. *Грохольская О.Г.* Взаимодействие поколений в условиях новых рисков мировой трансформации // Наука и практика в образовании: электронный научный журнал. – 2022. – № 3 [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimodeystvie-pokoleniy-v-usloviyah-novyh-riskov-mirovoy-transformatsii> (дата обращения: 14.03.2022).
6. *Дежнев В.Н., Новикова О.В.* Традиционные ценности: к определению понятия // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. – 2015. – № 4 (28) [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/traditsionnye-tsennosti-k-opredeleniyu-ponyatiya> (дата обращения: 15.04.2022).
7. *Ераносов О.И.* Традиция и духовность как философские категории в социальной и культурной жизни этноса // Наука. Инновации. Технологии. – 2009. – № 2 [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/traditsiya-i-duhovnost-kak-filosofskie-kategorii-v-sotsialnoy-i-kulturnoy-zhizni-etnosa> (дата обращения: 16.04.2022).
8. *Звозников А.А.* Достоевский и православие: предварительные заметки // Проблемы исторической поэтики. – 1994. – № 3 [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dostoevskiy-i-pravoslavie-predvaritelnye-zametki> (дата обращения: 23.03.2022).

9. Коноплева А.А., Буткевич С.А. Традиции и инновации: точки экстремальных значений // *Философия права*. – 2018. – № 1 (84) [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/traditsii-i-innovatsii-tochki-ekstremalnyh-znacheniy> (дата обращения: 17.03.2022).

10. Лукьянов С.А. Государство, церковь и язычество в Древней Руси // *Проблемы экономики и юридической практики*. – 2009. – № 2 [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvo-tserkov-i-yazychestvo-v-drevney-rusi> (дата обращения: 23.03.2022).

11. Некрасов С.И., Чавкин Н.А. Проблема традиции в истории философской мысли // *Научный вестник МГТУ ГА*. – 2012. – № 182 [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-traditsii-v-istorii-filosofskoy-mysli> (дата обращения: 14.03.2022).

12. Николаев Р.М. Роль традиционных ценностей русской культуры в патриотическом настрое советского народа во время Великой Отечественной войны // *Система ценностей современного общества*. – 2008. – № 4 [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-traditsionnyh-tsennostey-russkoy-kultury-v-patrioticheskom-nastroe-sovetskogo-naroda-vo-vremya-velikoy-otechestvennoy-voyny> (дата обращения: 20.03.2022).

13. Перчун Н.В. Традиции как элемент духовной культуры // *Известия ЮФУ. Технические науки*. – 2006. – № 2 [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/traditsii-kak-element-duhovnoy-keultury> (дата обращения: 18.03.2022).

14. Полонская И.Н. Понятие традиции: проблема определения // *Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки*. – 2006. – № 2 [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-traditsii-problema-opredeleniya> (дата обращения: 16.04.2022).

15. Рябчикова С.Б. Духовно-нравственное воспитание школьников на основе традиций русской культуры // *Ярославский педагогический вестник*. – 2008. – № 3 [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/duhovno-nravstvennoe-voospitanie-shkolnikov-na-osnove-traditsiy-russkoy-kultury> (дата обращения: 15.04.2022).

16. Семенов В.Е. Современная Россия в контексте концепции российской полиментальности // *Историогенез и состояние российской ментальности : сборник*. – М. : Ин-т психологии РАН, 2015. – С. 403–429 [Электронный ресурс]. – URL: <https://yandex.ru/clck/jsred...time=7150.355> (дата обращения: 14.03.2022).

17. Смирнов В.И. Русь изначальная: истоки отечественных образовательных традиций // *Историко-педагогический журнал*. – 2014. – № 1 [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rus-iznachalnaya-istoki-otechestvennyh-obrazovatelnyh-traditsiy> (дата обращения: 14.03.2022).

18. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 29 мая 2015 г. № 996-р) [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70957260/> (дата обращения: 19.04.2022).

19. *Тарасова С.И.* Традиции как стержень содержания духовного воспитания в русской народной педагогике // Гаудеамус. – 2002. – № 2 [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/traditsii-kak-sterzhen-soderzhaniya-duhovnogo-vospitaniya-v-russkoy-narodnoy-pedagogike> (дата обращения: 14.03.2022).

20. *Тимошенко Л.Г.* Роль праздничных традиций в трудовом воспитании подрастающего поколения // Научно-педагогическое обозрение. – 2018. – № 3 (21) [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 15.04.2022).

21. *Тихонова Е.П.* К опыту герменевтического исследования онтологии русской культуры: православие и вектор национального развития // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2013. – № 2 (10) [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-opytu-germenevticheskogo-issledovaniya-ontologii-russkoy-kultury-pravoslavie-i-vektor-natsionalnogo-razvitiya> (дата обращения: 23.03.2022).

22. *Усольцев А.П., Шамало Т.Н.* Понятие инновационного мышления // Педагогическое образование в России. – 2014. – № 1 [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-innovatsionnogo-myshleniya> (дата обращения: 16.04.2022).

23. *Философский энциклопедический словарь / ред.-сост. Е.Ф. Губский и др.* – М. : ИНФРА-М, 2005. – 576 с. – (Б-ка словарей «ИНФРА-М»).

24. *Чуев С.В.* Ценностные ориентации российской молодежи и реализация государственной молодежной политики: результаты исследования : монография. – М. : Изд. дом ГУУ, 2017. – 131 с. [Электронный ресурс]. – URL: https://guu.ru/wp-content/uploads/Zak_925_2017-Chuev.pdf (дата обращения: 23.03.2022).

25. *Щербаков В.Ю.* Понятие «традиция» по трудам А.С. Хомякова, И.В. Киреевского и в настоящее время: краткий анализ // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. – 2021. – № 4 (42). – С. 93–99 [Электронный ресурс]. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_47325370_95852334.pdf (дата обращения: 15.04.2022).

26. *Юревич А.В.* Эмпирические оценки нравственного состояния современного российского общества // Ярославский педагогический вестник. – 2018. – № 4. – С. 168–178 [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 24.04.2022).

УДК 141

DOI: 10.24412/2308-7196-2022-2-136-146

Екатерина Анатольевна Пеккер

аспирант 1-го курса кафедры логопедии и коммуникативных технологий

*ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», Пермь, Россия**614990, Пермь, ул. Сибирская, 24, (342) 238-63-44, e-mail: krauze@pspu.ru***НАРРАТИВНОЕ ЗНАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ЯЗЫКОВЫХ ИГР****Ekaterina A. Pecker**

1st year postgraduate student in the Department of Speech Therapy and Communicative Technologies

*Federal State Budget Educational Institution of Higher Professional Education
«Perm State Humanitarian Pedagogical University»
24, Sibirskaja, 614990, Perm, Russia, e-mail: krauze@pspu.ru***NARRATIVE KNOWLEDGE IN THE CONTEXT
OF LANGUAGE GAMES**

Аннотация. Рассматриваются понятия нарратива в научных трудах, философские основания К. Поппера в отношении критериев научного статуса теории (снятие демаркационной линии между научными и ненаучными знаниями), философские основания Ж.-Ф. Лиотара в отношении проблемы легитимации научного знания. Раскрывается понятие языковой игры как формы нарративного знания. Описываются возможности использования нарратива в педагогической практике, в образовании. Подчеркивается перспективность использования нарратива в коррекционной работе логопеда.

Ключевые слова: нарративные знания, критерии научного статуса теории, легитимация научного знания, языковые игры, нарративная педагогика.

Abstract. The article deals with the notions of narrative in scientific works. We consider the philosophical foundations of K. Popper regarding the criteria of the scientific status of a theory (removal of the demarcation line between scientific and non-scientific knowledge) and the philosophical foundations of J.-F. Lyotard regarding the problem of legitimation of scientific knowledge. The notion of the language game as a form of narrative knowledge is disclosed. Possibilities of using narrative in pedagogical practice and education are described. The prospects of using narrative in the correctional work of a speech therapist are emphasized.

Key words: narrative knowledge, criteria for the scientific status of theory, legitimisation of scientific knowledge, language games, narrative pedagogy.

Одной из актуальных философских проблем второй половины XX в. стала проблема обоснования знания. Сегодня в парадигме научного знания представлена особенность отношений человека с миром, заключающаяся в том, что субъект описывает свое участие в этих отношениях посредством разнообразных языковых форм, раскрывающих внутренние причины его поведения. Такие языковые формы существуют в виде нарративов.

«Нарратив» – языковой акт, т. е. вербальное изложение, рассказывание историй, пересказ, несобственно-прямое говорение.

Активно применяются нарративы постмодернистами в предлагаемой ими концепции философии науки. А именно: они заявляют, что нарратив выступает самой естественной формой существования любого (в том числе и научного) дискурса и что существенная часть современного естественнонаучного и гуманитарного знания имеет явную форму нарратива [7, с. 8].

Проблема нарратива обобщает две темы современной философии: тему времени и тему языка. Открытие темпоральности заключается в продуктивном рассмотрении времени как структуры, которая на некотором неосознаваемом уровне выступает в качестве упорядочивания любых форм человеческой жизни (текстов, институтов, действий и т. д.).

В 1933–1934 гг. Поппер выдвигает концепцию «критерия научности», противостоящую традиционной методологической концепции неопозитивистов. Критерием научного статуса теории является ее фальсифицируемость, опровержимость, или проверяемость. Важнейшей особенностью методологической концепции Поппера был интерес к вопросам, связанным с развитием научного знания. Он подчеркивал, что центральной проблемой теории познания всегда была и остается проблема роста знания. Переход от анализа структуры научного знания к исследованию его развития – важнейшая особенность постпозитивизма [4, с. 3].

По убеждению Поппера, неуязвимая теория перестает быть научной, а та теория, в которой подробно представлен материал, подробно расписаны предположения, становится более уязвимой, и ее легко опровергнуть. Но при этом теория имеет большую степень научности. Философ указал, что на степень научности теории влияет степень ее опровержимости [5, с. 6].

Фальсификация, согласно Попперу, выступает критерием истинности научных убеждений. Наука, с точки зрения философа, динамическая система, в которой происходят постоянные изменения и осуществляется рост знаний. Задача философии стоит не в обосновании знания, а в объяснении изменения знаний, согласно критическому методу.

Методологическим инструментом в изучении механизма роста научных знаний выступает принцип фальсификации, идея которого связана с проверкой теоретических убеждений эмпирическим путем. Согласно концепции Поппера, он нашел такой механизм, который позволит отделить истинную теорию от ложной (постараться приблизиться к истине). Научными знания могут быть только тогда, когда они опровергаются эмпирическим путем. Поэтому принцип

фальсификации позволяет науке приблизиться к истине путем выявления ошибок и опровержений [12, с. 313].

Мировоззренческая идея К. Поппера в том, что не существует механизма установления истинных знаний, а есть только способ их фальсификации (определение опровержения и ошибок).

В научном познании, по мнению Поппера, нет развития теории науки, а есть лишь изменения. Поэтому на смену одной теории приходит новая, и не происходит ее эволюции, а происходит лишь изменение теории. Рост научных знаний видится философом в том, что одна проблема разрушается другой, приходящей на смену в новой теории. Это представляет собой «сдвиг проблемы» [9, с. 34].

Общество сегодня с недоверием относится к науке и предъявляет обвинения. Проблема легитимации науки в том, что научные знания подвержены сомнению. Обществу интересны сейчас только быстро окупаемые и краткосрочные научные проекты прикладного характера и социальные функции науки по укреплению национальной безопасности и уровня жизни.

Ж.-Ф. Лиотар сообщает, что научные знания конкурируют с нарративными (другими) видами знания. Лиотар сравнивает две общественные сферы: нарративную и научную. В нарративной сфере, представленной в виде рассказа, используются все типы языковых игр. К ним чаще относят сказки, истории, песни и культуру в целом. Легитимность нарративных рассказов является естественной и не требует доказательств. Наука, рассматривая ее в данном контексте, также является нарративом, но существенным отличием от нарративной сферы является то, что наука исключает выбор других языковых игр и формирует только денотативные высказывания. Легитимность научных данных доказывается аргументами и экспериментами. Лиотар указывает, что данные типы языковых игр постоянно конфликтуют, не понимая друг друга.

В постмодерне наука пользуется микронарративами. Малые рассказы активно используются в повествованиях, а их легитимирующая функция законна в ограниченных сообществах.

Нарративные рассказы не способны понять проблемы научного дискурса. Научные же знания рассматривают нарративы как другую ментальность и считают их примитивными и отсталыми. Лиотар сообщает, что нарративные знания не хуже научных ввиду того, что они просты и используются в массах. Идея Лиотара в том, что наука может представлять себя в сфере нарративного знания и там проявлять свою легитимность, трудясь в нарративном пространстве [13, с. 1].

В своей известной работе «Состояние постмодерна» (1979) Лиотар утверждает, что в постсовременный век сомнительны метанарративы (масштабный способ мыслить). Макронарративы утратили свою легитимирующую силу, и на их смену приходят микронарративы в большом количестве. Нарративу уже не присущи понятия «великий герой» и «великая цель». Общество стало более бдительным к различности и несовместимости

своих стремлений. Период нового порядка не предлагает безоговорочного подчинения теоретическому авторитету.

«Малые рассказы» (микронарративы) образуются в небольшие группы для решения краткосрочных задач. По мнению Лиотара данный микронарративы самый эффективный путь для образования и распространения знания, и исчезновения монополий используемые в метанарративный период.

В период постмодерна Лиотар сообщает, что наука занимается исследованием парадоксов и непостоянств.

Знания употребляются в форме «нарратива» – повествовательные, характеризующееся определенным типом дискурса в разные исторические периоды.

В метанарративах оценка события представлена в черно-белом явлении, без полутонов. Есть герой познания, который трудится ради всеобщего мира, и есть мешающий ему духовник, тиран. В этом бинарном разделении добра и зла метанарратив сравнивается с фольклором, а также с массовым сознанием.

В центре философской концепции Лиотара заложены концепция множественности и концепция плюральности. Он подчеркивает неповторимость события, особенность каждого «теперь». Внимание его к множественному ставит под сомнение традиционную модель единства и дает принципиально плюралистическое понимание действительности. Выдвинутые идеи, желающие тотального господства, становятся недействительными. Кризис идей Просвещения знаменуется отходом от тотального и принятием ценности индивидуального опыта. Нет ни проигравшей, ни победившей стороны в споре, т. к. каждое положение имеет право на существование.

Лиотар утверждает, что концепция «языковых игр» применима к различным областям человеческой деятельности. Ее ценность заключается в том, что не требует истинных правил игры, а основывается на договоренностях. Многообразный дискурс предполагает использование нарративной (повествовательной) формы, так как именно она способствует сплочению общества. В повествовании свободно сочетаются различные виды высказывания, например, описательные, предписывающие, оценивающие и др. Для осуществления языковой игры необходим не только рассказчик, но и слушатель, что также налаживает коммуникацию.

Каждый имеет право индивидуально выбрать свою игру для реализации себя. Это приводит к образованию многообразия языков, которые между собой нельзя привести к равенству.

В социуме ставится задача на сохранение разнообразия и ведение практики языковых игр.

Термин «языковая игра» впервые был предложен Л. Витгенштейном как философское понятие, с описанием системы правил, которых придерживается говорящий. Нарушая данные правила или следуя им, говорящий создает некоторое речевое пространство. Для Витгенштейна язык не представлен устойчивым и застывшим явлением, а включен в контекст применения.

Разговор рассматривается в данном контексте как форма жизни. Язык существует в форме языковых игр, связанных друг с другом.

М. Козлова, исследуя языковые игры Л. Витгенштейна, объясняет положение игр в структуре лингвистики: языковые игры как модель, которая способна объяснить сложное и непонятное простым языком для понимания видоизмененных событий [6, с. 10].

Понятие языковой игры в лингвистике обозначено как воспринятое и воспринимаемое нарушение норм для создания образности и красоты. Языковые игры, используемые говорящим, представлены разнообразными стилями, приемами. Решая задачу развлечь себя и собеседника, играющий старается выразиться необычно.

Процесс общения подразумевает, в зависимости от ситуации, отбор языковых средств с учетом определенных языковых правил.

Подбирая разные правила, мы приходим к разному результату. Языковая игра состоится в том случае, когда правила и нормы осознаются и продуцирующим речь, и адресатом-реципиентом. Учитывается объем знаний и культурная парадигма, условия и ситуация общения.

Языковая игра выступает как положительно намеренное отклонение языковых и речевых норм. Это нестандартное оригинальное игровое модифицирование позволяет расширить язык и активизировать развитие и изменение всех языковых форм.

В философии и литературе постмодернизма игра приобретает ключевое значение, при образовании текстов выполняет первостепенную роль, становясь в большей степени целью, чем средством. Постмодернизму свойственно разрушение не только логики бинарных оппозиций, но и оппозиции «серьезное – игровое». Игра представляется как культурная доминанта и проявляет себя на различных уровнях жизни человека. *Как* сказано, первостепенно, а *что* сказано, вторично.

Игра как способ организации нарратива в постмодерне на текстовом и гипертекстовом уровнях – в его содержании и выражении. Автор произведения, играя с идеями, смыслами, категориями, вступает в игру и с читателем как активным участником и соавтором создаваемого текста [15, с. 279].

В авторских сказках, по мнению Н.Н. Большаковой, выделяется два основных типа языковой игры: игра в пространстве текста и интертекстуальная игра. Под игрой в пространстве текста понимается языковая игра, содержащая действия с элементами различных уровней текста (фоно-графического, морфологического, лексико-семантического, синтаксического), а также игра с самой формой печатного текста, использующая разнообразные визуально-графические средства, креолизацию текста.

Интертекстуальная игра включает текст авторской сказки в единое межтекстуальное культурное пространство путем обращения к различным прецедентным текстам при помощи целой гаммы средств, которые могут быть условно названы аллюзивными отсылками, такими как аллюзия, цитация, реминисценция, пастиш, травестия, референция т. п. Интертекстуальные связи

могут быть выстроены следующими путями: путем смены литературных жанровых кодов и путем включения в литературное произведение элементов культурных кодовых систем. Помимо усиления выразительности текста интертекстуальность позволяет создать различные уровни восприятия и понимания текста, давая современной сказке возможность быть интересной не только для детской аудитории, но и для взрослых [14, с. 162].

Важной составляющей в понятиях языковой игры являются вопросы о правилах игры. В своей работе «Состояние постмодерна», Ж.-Ф. Лиотар одним из первых проследил связь категории нарратива и языковой игры и избрал последние методом исследования «прагматики научного знания». Следуя за Л. Витгенштейном, мудрец сопоставляет с языковой игрой игру в шахматы и высказывает три наблюдения по поводу правил и теории, предложенных Л. Витгенштейном. Во-первых, правила языковых игр не включают в себя своей легитимации, «но составляют предмет соглашения – явного или не явного – между игроками (что, однако, не означает, что эти последние выдумывают правила)». Во-вторых, языковые игры предполагают четкую и довольно жесткую систему правил. В-третьих, свойством языковых игр является их способность к противоборству, соперничеству [8, с. 160].

Языковые игры агонистичны и конкурентны. Ж.-Ф. Лиотар применяет концепцию языковых игр в качестве методологии по отношению к нарративам. По отношению к языковой игре нарратив является категорией, задающей ей границы, рамки, а языковая игра представляет собой сам способ коммуникативного самоосуществления, бытия нарратива, сам способ интерпретации целого сообщения, а не отдельных объектно-атомарных ситуаций и действий на уровне предложения.

Повествование в процессе чтения, объяснения и понимания происходит за счет языковых игр, которые обладают коммуникативной активностью. Повествование становится «формой жизни», актуальной благодаря языковой игре. Можно сказать, что способность общаться, участвовать в коммуникации нарратив обретает с помощью языковых игр, являющихся его коммуникативным способом осуществления [11, с. 58].

Как отмечают В.А. Суровцев и В.Н. Сыров, нарратив приведен в действие, когда он «прочитан». Согласно этому и возникает языковая игра как способ прочтения нарратива. Языковые игры обновляют нарратив. При этом смысловые границы поля меняются [10, с. 5].

За период немногим более двух десятилетий нарратив стал предметом большого числа новых исследований. Многие из ученых полагают при этом, что речь идет не просто о новом эмпирическом объекте анализа, но и о новом теоретическом подходе. Всевозрастающий интерес к изучению нарратива означает появление еще одной разновидности стремления к созданию новой парадигмы. Проблема объяснения динамических образцов человеческого поведения представляется более близкой к своему разрешению через исследование нарратива [3, с. 127].

Важное свойство нарратива, если рассматривать его с образовательной, педагогической позиции, заключается не в его пересказывании фактов, а в воздействии и оценке. Нарративу свойственны передача отношения, выстраивание и организация восприятия, формирование позиции слушателя. Когда понимается роль автора нарратива, роль транслятора истории, то формируются навыки построения нарратива, опирающиеся на отбор и сочетание элементов событий, авторское изложение и оценку события, создание образа.

Можно отметить исключительные особенности нарратива:

- сжатость и немногословность, отсутствие лишних моментов, не имеющих отношения к цели истории, помогают по-новому понять события посредством реально произошедшей обучающей истории;
- повествование производится от лица участника события и является проблемной ситуацией для слушателей;
- неизвестный аудитории выход из проблемной ситуации является неожиданным для слушателей и единственно правильным методом решения задачи, сопровождаемым рассказыванием положительных итогов выбранного решения.

В основе нарративного подхода лежит направленность, что учебно-воспитательный подход опирается на истории, которые обучающиеся имеют возможность исследовать, соотнести со своими поступками, тем самым происходит актуализация жизненного опыта обучающихся.

Изучая опыт деятельности учителей с учениками, можно указать на основную трудность в работе с учебными нарративами: подобранный текст должен быть схематизирован и переделан с учетом авторского представления их слушателям.

Основной компонент при практической работе в нарративной педагогике – внимательное общение в работе с персональным нарративом – учебным опытом обучающегося. Учитель сопровождает разговор и с помощью наводящих вопросов ориентирует беседу в нужном направлении, акцентирует внимание на важном и подводит итоги. Далее осуществляется коллективное обсуждение образов личного опыта, рефлексия (самонаблюдение).

Целью преподавателя является включение обучающегося в процесс педагогического дискурса, расширение словарного запаса. Нарративный подход в обучении позволяет обучающимся пересмотреть собственное поведение или действительность. При воспоминании о последовательности собственных действий и выстраивании их логически у обучающегося появляется возможность пересмотра алгоритма действий, переосмысления поступков в их взаимосвязи и выработки новой пути решения, которые позволят в будущем избежать сделанных раньше промахов. Происходит закрывание герменевтического круга и выход на следующий уровень познания и опыта.

Остановимся на важных признаках нарративного подхода: эмпатии и рефлексии. В педагогической деятельности их можно назвать

интерактивными и коммуникативными формами. Совершая процесс высказывания, участники коммуникации подвергают текст высказывания осознанию, рефлексии: происходит применение эмоциональной сферы, а также обучающиеся выражают свое отношение к полученной информации. Не только передача информации свойственна нарративу, но и высказывание индивидуального отношения к повествованию. В повествовании проявляется уникальность авторского ощущения текста.

Таким образом, происходит взаимодействие учителя и ученика, организация процесса и способа организации совместной деятельности, что и является целью обучения и воспитания – взаимодействие всех участников процесса образования [15, с. 279].

Как считают ученые – сторонники нарративного подхода, в основании форм человеческого изучения лежат познавательные схемы. Они выполняют две функции: функцию представления определенной сферы реальности и функцию преобразования данных, заключенных в ней. По структуре представления реальности нарративная схема является драматургической моделью определенной сферы жизни. Нарративная схема создает: 1) действующих лиц рассказа, взаимодействующих в данной сфере, оказавшихся в определенной жизненной ситуации; 2) их ценности, положительные и отрицательные. А также нарративная схема может прямо моделировать репертуары – основные цели действующих лиц и сопутствующие им планы реализации; 3) возможные следствия, ожидающие действующих лиц в момент реализации целей и планов; 4) условия и шансы прохождения сложностей и реализации задач.

Все языковые средства функционально служат одной главной цели – речевой коммуникации, т. е. воспроизведению и восприятию устных высказываний. И функциональную эффективность речевого поведения и языковой компетенции следует оценивать по итоговому выводу – умению пользоваться речью в разных социальных и коммуникативных ситуациях, т. е. владению устным дискурсом (по емкому определению Арутюновой, «дискурс – это речь, погруженная в жизнь»). Среди разных жанров устного дискурса наиболее рано в жизни ребенка осваиваются повседневный разговор (диалог) и персональный нарратив (рассказ о пережитых событиях) [1, с. 136].

Рассматривая нарратив с точки зрения механизмов порождения, можно сказать, что он является более сложным жанром, чем простой разговор в форме диалога. Общение в формате нарратива требует предварительного логического планирования, обеспечивающего связность, и владения языковыми жанровыми средствами, свойственными этому виду дискурса. Простейшие по конструкции нарративы дети способны создавать уже с 4 лет и продолжать их совершенствовать на протяжении всего детства.

Структурированное исследование детского нарратива рассматривается как результативный инструмент комплексного анализа языковых (лексико-грамматических, прагматических) и дискурсивных талантов ребенка. Состояние некоторых критериев нарративного языка делает

их предсказателями успешности освоения грамоты. В связи с этим нарративы широко используются как диагностический прием и в клинической психологии, и в логопедической практике.

Результаты исследования, проведенного И. Балчюниене и А.Н. Корневым по анализу связной речи, нарративного жанра дискурса у детей с первичным недоразвитием речи, позволяют сообщить, что методология анализа макро- и микроструктур нарратива зарекомендовала себя как эффективный метод изучения детской речи. Анализ нарратива у детей с недоразвитием речи имеет высокий эвристический потенциал и позволяет оценить одновременно несколько когнитивных и языковых механизмов, которые остаются незамеченными при традиционных формах анализа речевой продукции [2, с. 33].

Необходимо помнить, что для ученика нарративная игра не представляет собой беззаботность и легкость времяпрепровождения. Игрок тратит максимум энергии, ума, выдержки, самостоятельности. Но самое важное – не по необходимости, не под давлением, а по желанию самих учащихся. Во время нарративной игры предполагается многократное повторение предметного материала в его различных сочетаниях и формах. Исследователь детской игры американка Г. Холл установила сходство игрового процесса с дивергентным мышлением и отметила, что способность к продуцированию разнообразных идей и замыслов может активно проявляться и развиваться в игровых ситуациях.

Нарративные игры в учебно-познавательной деятельности характеризуются следующими функциями: саморазвивающей, самореализующей, диагностирующей, коммуникативной, развлекательной, игротерапевтической.

Итак, нарративная игра обладает педагогическими возможностями. Она является и мотивирующим ресурсом, и регулятором жизненных позиций ребенка. Нарративный подход выступает как эффективный метод в образовании дошкольников [3, с. 128].

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – С. 136–137 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Лингвистический энциклопедический словарь. Дискурс (niv.ru) (дата обращения: 06.05.2022).

2. Балчюниене И., Корнев А.Н. Анализ нарративов у детей с недоразвитием речи // Специальное образование. – 2017. – № 3. – С. 32–43 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-narrativov-u-detey-s-nedorazvitiem-rechi/viewer> (дата обращения: 06.05.2022).

3. Бухаров А.О. Педагогические возможности нарративной игры в формировании правового сознания младших школьников // Наука и школа. – 2012. – С. 127–130 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Педагогические возможности нарративной игры в формировании правового сознания младших школьников (cyberleninka.ru) (дата обращения: 06.05.2022).

4. *Волков В.Н.* Постмодерн: недоверие к метанарративам // Культурное наследие России. – 2015. – С. 3–11 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Постмодерн: недоверие к метанарративам – тема научной статьи по философии, этике, религиоведению читайте бесплатно текст научно-исследовательской работы в электронной библиотеке КиберЛенинка (cyberleninka.ru) (дата обращения: 06.05.2022).

5. *Глебкин В.В.* Наука и псевдонаука: методологические поиски Карла Поппера // Исследователь/Researcher. – 2009. – С. 61–67 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Наука и псевдонаука: методологические поиски Карла Поппера – тема научной статьи по философии, этике, религиоведению читайте бесплатно текст научно-исследовательской работы в электронной библиотеке КиберЛенинка (cyberleninka.ru) (дата обращения: 06.05.2022).

6. *Козлова М.С.* Идея языковых игр // Философские идеи Людвиг Витгенштейна : сборник научных статей. – М. : ИФРАН, 1996. – С. 5–25 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: М.С. Козлова. Идея «языковых игр». Философские идеи Людвиг Витгенштейна (wikireading.ru) (дата обращения: 06.05.2022).

7. *Лебедев С.А.* Философия науки: Словарь основных терминов. – М. : Академический проект, 2004. – 2-е изд. – 320 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/philosophy-of-science/index.htm> (дата обращения: 06.05.2022).

8. *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна / пер. с фр. Н.А. Шматко. – СПб. : Алетейя, 2015. – 160 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Лиотар, Жан-Франсуа – Состояние постмодерна / Search RSL (дата обращения: 06.05.2022).

9. *Поппер К.* Логика и рост научного знания // Поппер К. Избранные работы / пер. с англ.; сост., общ. ред. и вступ. ст. В.Н. Садовского. – М. : Прогресс, 1983. – С. 34–45 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Поппер, Карл Раймунд – Логика и рост научного знания : Избр. работы. Пер. с англ. – Search RSL (дата обращения: 06.05.2022).

10. *Суровцев В.А., Сыров В.Н.* Языковая игра и роль метафоры в научном познании [Электронный ресурс]. – Режим доступа: В.А. Суровцев, В.Н. Сыров. Языковая игра и роль метафоры в научном познании (studfile.net) (дата обращения: 06.05.2022).

11. *Теребков А.С.* Нарративность языковых игр Л. Витгенштейна. Язык как практика // Международный научно-исследовательский журнал. – № 11 (42). – Ч. 4, декабрь. – С. 58–59 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [narrativnost-yazykovyh-igr-l-vitgenshteyna-yazyk-kak-praktika.pdf](#) (дата обращения: 06.05.2022).

12. *Ушакова Г.П., Клемянич Д.Ю.* Карл Поппер: критика стандартной концепции науки // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2004. – С. 313–321 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Карл Поппер: критика стандартной концепции науки – тема научной статьи по философии, этике, религиоведению читайте бесплатно текст научно-исследовательской работы в электронной библиотеке КиберЛенинка (cyberleninka.ru) (дата обращения: 06.05.2022).

13. Фауль Б.В. Постмодернистская наука и ее легитимация в проекте Ж.Ф. Лиотара // Психология, социология и педагогика. – 2015. – № 9 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://psychology.snauka.ru/2015/09/5847?> (дата обращения: 06.05.2022).

14. Хартунг В.Ю. Языковая игра как способ организации нарративного пространства постмодернистских сказок Н. Геймана (на материале английского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2017. – № 3(69). В 3 ч. Ч. 1. – С. 162–166 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [file:///C:/Users/Mobile/Downloads/yazykovaya-igra-kak-sposob-organizatsii-narrativnogo-prostranstva-postmodernistskih-skazok-n-geymana-na-materiale-angliyskogo-yazyka%20\(1\).pdf](file:///C:/Users/Mobile/Downloads/yazykovaya-igra-kak-sposob-organizatsii-narrativnogo-prostranstva-postmodernistskih-skazok-n-geymana-na-materiale-angliyskogo-yazyka%20(1).pdf) (дата обращения: 06.05.2022).

15. Челнокова Е.А., Житникова Н.Е., Челноков А.С. Использование нарратива в обучении // Проблемы современного педагогического образования. – 2019. – С. 279–282 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Использование нарратива в обучении – тема научной статьи по наукам об образовании читайте бесплатно текст научно-исследовательской работы в электронной библиотеке КиберЛенинка (cyberleninka.ru) (дата обращения: 06.05.2022).

УДК 141

DOI: 10.24412/2308-7196-2022-2-147-159

Ольга Сергеевна Приказчикова

аспирант кафедры педагогики и психологии

*ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», Пермь, Россия
614990, Пермь, ул. Сибирская, 24, e-mail: prikazhikova_os@pmkedu.pro*

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ФЕНОМЕНУ «ГОТОВНОСТЬ» В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ

Olga S. Prikazhikova

Postgraduate student of the Department of Pedagogy and Psychology

*Federal State Budget Educational Institution of Higher Professional Education
«Perm State Humanitarian-Pedagogical University»
24, Sibirskaja, 614990, Perm, Russia, e-mail: prikazhikova_os@pmkedu.pro*

THEORETICAL APPROACHES TO THE ‘READINESS’ PHENOMENON IN MODERN SCIENCE

Аннотация. Рассматриваются теоретические подходы к феномену «готовность» в современной науке. В настоящее время проекцию «готовности» можно заметить во многих научных исследованиях, как отечественных, так и зарубежных, но до сих пор, несмотря на широкую распространенность и уже определившееся значение понятия «готовность к деятельности», единой трактовки данного понятия не существует. Большой интерес в разных отраслях науки вызывает также понятие «профессиональная готовность». Автор исследует понятия «психологическая готовность» и «профессиональная готовность».

Ключевые слова: готовность, профессиональная готовность, психологическая готовность.

Abstract. The article discusses the theoretical approaches to the phenomenon of ‘readiness’, which exist in modern science. Currently, the projection of ‘readiness’ can be seen in many scientific studies, both domestic and foreign, but still, despite the widespread and already defined meaning of the concept of ‘readiness for activity’, there is no single interpretation in the definition of this concept. The concept of ‘professional readiness’ is also of great interest in various branches of science. This article discusses the concept of psychological readiness and professional readiness.

Key words: readiness, professional readiness, psychological readiness.

Термин «готовность» давно стал предметом психологии и педагогики. Интерес к исследованию готовности человека к деятельности появился в социально ориентированных научных исследованиях еще в 1870-е гг.

К середине XX в. интерес к понятию «готовность» заметно вырос. Так, различные аспекты проблемы готовности к профессиональной деятельности параллельно исследовались учеными США и государств Европы. Например, в Великобритании данным вопросом занимались И.Д. Браун, Г. Доу, Дж. Габриэль, Р. Гудсен, во Франции – П. Делон, К. Трончер, в Германии – Э. Голен, Э. Фишер, В. Хартман, Э. Херцог. Следует отметить, что «готовность» исследовали также ученые из России, Венгрии, Чехословакии, Болгарии, ГДР.

Чрезвычайно широкий спектр определений готовности, который дают педагогические и психологические зарубежные исследования, можно объяснить несколькими причинами. Трактование слова «готовность» зависит от того, в каком именно источнике мы к нему обратимся. Слово «готовность (к освоению и осуществлению деятельности)» ограничивает круг индивидуально-психологических свойств, оставляя за его рамками знания, умения и навыки. К примеру, человек может быть образованным и технически достаточно подготовленным, но при этом не иметь способностей к определенной деятельности. Индивидуальные психологические особенности человека определяются способностями, которые выражают его индивидуальную готовность к овладению определенными видами деятельности, а также к их успешному осуществлению.

В отечественной науке определение категории «готовность» тоже неоднозначно. Авторы трактуют ее чрезвычайно широко. Как показывает обзор этой темы, чаще всего готовность рассматривается как определенное состояние психики, функциональных систем в ситуации ответственных действий или подготовки к ним; как возможность, предрасположенность субъекта действовать на достаточно высоком уровне; как решающий фактор успешной адаптации к условиям труда и профессионального самосовершенствования [1, с. 267].

Проанализировав отечественную психолого-педагогическую литературу, можно выделить два основных подхода к определению понятий «психологическая готовность» и «готовность к деятельности»: функциональный (Е.С. Кузьмин, Н.Д. Левитов, В.Н. Мясищев, Л.С. Нерсесян, В.Н. Пушкин, Д.Н. Узнадзе, В.А. Ядов и др.) и личностный (М.И. Дьяченко, И.А. Зимняя, Л.А. Кандыбович, В.А. Сластенин и др.).

В свою очередь, Г.Г. Голубев относит готовность к психическим и трудовым состояниям. Он считает, что готовность – психическое состояние, обеспечивающее более высокую дееспособность, и обосновывает это тем, что профессия как вид деятельности предполагает специальную подготовку.

Готовность как определенный уровень ценностных ориентаций выделяет В.А. Ядов.

Точку зрения Д.Н. Узнадзе разделяет В.М. Мясищев и рассматривает зависимость готовности человека к деятельности от уровня его активно-

положительного отношения к ней: для установки необходима мобилизация внутренних сил личности на деятельность. По Д.Н. Узнадзе, «установка – это неосознаваемое состояние, которое предшествует той или иной деятельности и определяет ее осуществление» [12, с. 97]. А.С. Прангишвили определяет установку как готовность к определенной форме реагирования, утверждая, что ни одна деятельность не начинается с пустого места. Проблему установки разрабатывал и Г. Олпорт. Он называл установку состоянием психологической готовности, складывающейся на основе опыта и оказывающей направляющее и динамическое влияние на реакции индивида относительно всех объектов или ситуаций, с которыми он связан.

Как мы убедились, большинство упомянутых авторов придерживается мнения, что готовность – это особое психическое состояние. Вместе с тем существует и определение готовности как устойчивой характеристики личности. Ее называют по-разному: подготовленностью, длительной или устойчивой готовностью. Она действует постоянно и является предпосылкой успешной деятельности.

Трактуя понятие психологической готовности, советский психолог В.А. Крутецкий считает, что готовность есть синтез свойств личности, определяющих ее пригодность к деятельности. К числу таких свойств он относит активное, положительное отношение к деятельности, склонность заниматься ею, переходящую в страстную увлеченность, ряд характерологических черт и устойчивых интеллектуальных свойств, наличие во время деятельности благоприятных для ее выполнения психических состояний, определенный фонд знаний, умений и навыков в соответствующей области, определенные психологические особенности в сенсорной и умственной сферах, которые отвечают конкретным требованиям данной деятельности.

К.А. Платонов трактует готовность как интегральное свойство личности, начало формирования которого лежит в подструктуре опыта. Оно обусловлено в первую очередь знаниями, умениями и навыками. Практически разделяет эту же позицию и Р.А. Назимова, характеризующая готовность как умение работать самостоятельно, организовывать свой труд, а также способность четко видеть перспективы собственного развития.

Такие современные российские ученые, как С.Г. Козлов и В.М. Мельников, рассматривают готовность как целостный феномен личности. Они отрицают возможность выделения отдельной психической, технической или физической готовности, утверждая, что готовность в целом складывается из трех факторов: направленности на результат, психической направленности и эмоциональной устойчивости. Подобная интеграция при рассмотрении профессиональной деятельности является проявлением индивидуальных качеств личности.

Современная наука рассматривает проблему профессиональной готовности как одну из самых важных в связи с тем, что решение этой проблемы позволит повысить и усовершенствовать конкурентоспособность России [4, с. 22].

Одним из основных условий для эффективной деятельности специалиста является именно профессиональная готовность. Под этим термином понимают определенную степень соответствия требований к профессиональной деятельности. Сюда можно отнести состояние психики, физического здоровья, интеллектуальный уровень, уровень профессиональных качеств и компетенций, стремления к выполнению деятельности. Поэтому субъективное состояние личности, обладающей необходимыми профессиональными компетенциями и подготовленностью, а главное, считающей себя способной и подготовленной к выполнению профессиональных обязанностей, – это и есть профессиональная готовность специалиста. Такая готовность предполагает многоуровневое, системное и разноплановое психическое образование, неотрывно и в совокупности сочетающееся с личностным образованием индивида.

Вместе с тем такая подготовленность специалиста предполагает наличие физического здоровья соответствующего уровня, а также сформированных и развитых физических качеств, необходимых для успешной деятельности в профессиональном аспекте. Нельзя сбрасывать со счетов и наличие у индивида соответствующего уровня физической культуры личности. Совершенно очевидно, что любая профессиональная деятельность предполагает определенный уровень приложения физических сил индивидом для успешного выполнения профессиональных обязанностей. А физические силы и физическая энергия, затрачиваемые для достижения профессиональных целей, непременно сопряжены с затратами и психической энергии как неотъемлемой части физических сил. В профессиональной готовности специалиста можно выделить следующие аспекты: во-первых, это так называемая предварительная, или заблаговременная, подготовленность индивида к соответствующей деятельности, которая включает в себя достаточно устойчивые статические и психические компоненты – знания, умения и навыки профессиональной деятельности, качества, ценности личности, ее предпочтения и общий уровень профессионального потенциала. Во-вторых, это сиюминутная, непосредственная ситуативная готовность, то есть состояние функциональной настроенности психики специалиста, его соответствующей мобилизованности и подготовленности на решение конкретных задач в конкретных условиях и обстоятельствах. Такая ситуативная готовность характеризуется высокой динамичностью, подвижностью, гибкостью и зависимостью от обстоятельств. Немаловажную роль играет состояние психического и физического здоровья личности, комфортной атмосферы в коллективе, социуме, семье.

Ученые уже давно выделяют различные виды профессиональной готовности не только в зависимости от области науки, в рамках которой осуществляется исследование, но и в соответствии с выбранным научно-методологическим подходом. Некоторые научные исследования и их авторы уже упоминались нами.

В целом термин «профессиональная готовность» довольно интересен с точки зрения исследования его не только как общего понятия

психофизических качеств специалиста в своей области, но и как отдельных элементов и областей исследования. Часто специалисты широкого профиля сталкиваются с невозможностью четко классифицировать этот термин по его определенным характеристикам и свойствам в связи с тем, что обширность его понимания и восприятия часто заходит в смежные области определяемых свойств и параметров.

Если мы говорим об отдельных областях готовности, то перечень исследователей будет довольно большим. А.И. Щербаков, Ю.К. Некрасов, Ф.Н. Гоноболин, Ю.К. Васильев рассматривали психологическую и практическую готовность, функциональную и личностную готовность изучали В.А. Сластенин и Б.Ф. Пуни, общий и специальный аспекты готовности – Б.Г. Ананьев. Анализ ситуативной и устойчивой готовности провели Л.С. Нерсесян и В.Н. Пушкин. Р.А. Низманова описывала моральный и профессиональный аспекты готовности, Ю.К. Бабанский изучал готовность к умственной и физической деятельности. В научных трудах М.И. Дьяченко и Л.А. Кандыбовича указаны три вида готовности: заблаговременная, временная (в данный момент времени) и ситуативная (настроенность действовать в данной ситуации) [6, с. 176]. Таким образом, мы неизбежно приходим к выводу, что понятие готовности нужно рассматривать либо очень узко, с точки зрения отдельных отраслей психологии и педагогики и исходя из психологических, практических, функциональных, личностных, общих, специальных, ситуативных, устойчивых, моральных, профессиональных, умственных и физических аспектов, либо, наоборот, очень обширно, интегрируя разные области и подходы в исследованиях.

Российский ученый в области педагогики В.А. Сластенин в своих трудах о формировании личности учителя и профессионализме педагога дал наиболее полное определение готовности к педагогическому труду и выделил пять видов готовности: физическую, практическую, психофизическую, научно-теоретическую и психологическую готовность. Например, описывая и характеризуя понятие «профессиональная готовность учителя к воспитательной работе», В.А. Сластенин делает заключение, что для определения его сущности сначала следует узнать настоящую структуру педагогической деятельности самого учителя в связке образовательного и воспитательного направлений. Готовность к деятельности, по его мнению, следует рассматривать как целостное состояние личности, где сложный синтез тесно взаимосвязанных компонентов как раз и представляет собой структурно профессиональную готовность учителя к воспитательной работе. Такие основные свойства и характеристики, как направленность личности, политическая зрелость, общественная активность, принципиальность, любовь к детям, педагогический профессионализм, организаторские качества, перцептивно-гностические качества и экспрессивные качества, по мнению В.А. Сластенина, и определяют готовность к воспитательной работе педагога. Именно эти свойства и характеристики включаются, по его мнению, в понятие готовности [13, с. 20–23].

Три важных аспекта профессиональной готовности – операциональный, мотивационный и функциональный – исследовал Ю.М. Забродин [7, с. 109]. Как синергия множества категорий феномен «профессиональная готовность» представлен Т.Б. Крюковой. Готовность как психическая функция, важная для достижения высоких результатов в будущей деятельности, исследовалась В.А. Алаторцевым. Готовность как активно-деятельностное состояние личности, отражающее содержание решаемой профессиональной задачи и условия ее выполнения, рассматривали М.И. Дьяченко, Л.А. Кандыбович, В.А. Пономаренко. Готовность как функциональное состояние, выражающееся в длительном сохранении работоспособности, изучалась Е.П. Ильиным. Готовность как функциональное и психическое состояние, обеспечивающее быстроту реализации трудового действия, анализировали Л.С. Нерсисян, В.Н. Пушкин, а готовность как психическое состояние, образующее общий функциональный уровень, на фоне которого развиваются процессы, обеспечивающие эффективность профессиональной деятельности, – В.И. Ковалев, Н.Д. Левитов. Научные разработки и выводы Л.С. Нерсисяна, В.Н. Пушкина и Н.Д. Левитова мы довольно подробно осветили в начале нашего обзора.

Мы придерживаемся убеждения, что профессиональную готовность необходимо рассматривать гораздо шире, чем психологическую или деятельностную готовность, так как она затрагивает большее количество аспектов и индивидуально-личностных установок (если рассматривать ее применительно к профессиональной деятельности педагога). Индивид, используя развитые у него общие и профессиональные компетенции, может самостоятельно определять свою профессиональную подготовленность и, следовательно, профессиональную готовность. Если при определении понятий «психологическая готовность» и «готовность к деятельности» в научной литературе традиционно выделяется два основных подхода – функциональный и личностный, то при определении «профессиональной готовности» часто обозначается еще и деятельностный (деятельностно-личностный или субъектно-деятельностный) метод.

Современный функциональный подход, развивая постулаты традиционного деятельностного подхода, рассматривает профессиональную готовность как психическое состояние индивида, которое обеспечивает его работоспособность [11, с. 312]. А в рамках субъектно-деятельностного подхода специалист трансформируется из объекта, находящегося под влиянием обстоятельств, в субъекта – активно действующую личность [8, с. 72].

К инновационным подходам в изучении профессиональной готовности можно отнести системный, аксиологический (ценностный), синергетический и акмеологический подходы.

Основой изучения профессиональной готовности личности с позиции системного подхода является процесс осознания специалистом своих возможностей и реализации их в профессиональной деятельности. При этом для профессионального становления личности важны не просто межличностные отношения, а такой их тип, который образует систему деловых и ценностных отношений.

И.В. Арендачук, педагог-психолог Саратовского государственного университета, с позиций данного подхода изучает формирование адаптационной готовности личности к профессиональной деятельности, доказывая, что адаптационная готовность несет в своей структуре активационный, мотивационно-ценностный, когнитивно-оценочный, эмоционально-волевой, операционально-исполнительский и биографический компоненты [9, с. 31].

Однако имеющееся многообразие научно-методологических подходов не дает обеспечить целостное видение феномена профессиональной готовности. Современная «универсальная» методология была реализована на базе акмеологического подхода (данный вопрос подробно изучен учеными: А.А. Деркачом, В.Г. Зазыкиным, Н.В. Кузьминой, А.А. Реаном и др.). А.М. Молокостова отмечает возрастание интереса к изучению акмеологического развития личности и применению акмеологического подхода не только в отечественной, но и в зарубежной науке [10, с. 1720].

Б.Г. Ананьев создал целостную акмеологическую модель познания и практического действия, позволяющую изучать индивидуальные, личностные и субъектно-деятельностные характеристики в единстве. Последователи и ученики акмеологической школы успешно применяют акмеологический подход в исследовании проблем профессиональной готовности.

Профессиональную готовность с позиции теории социального научения, в центре внимания которой взаимодействие «личность – рабочая обстановка», рассматривают ученые А. Бандура, Дж. Роттер [9, с. 31]. Специалисты, которые осознают свою эффективность, прилагают больше различных сил и энергии для реализации процессов профессиональной деятельности. Термин «экономическая адаптация», в рамках теории адаптации к работе, введенный в научный обиход Р. Дэвисом и Л. Лофквистом, – это адаптация к рабочему окружению, умение преодолевать проблемы, связанные с профессиональной деятельностью. Д. Сьюпер сформулировал понятие «уровень профессиональной зрелости» так: профессиональным развитием можно управлять через влияние на «Я-концепцию», сознание и самосознание личности [9, с. 31].

Профессиональная готовность, с точки зрения теории развития целостной и гармоничной личности Р. Ассаджиоли [2, с. 311], во многом определяется наличием у специалиста целостного образа личности (своего «Я») и профессии. М. Вудкок и Д. Френсис утверждают, что при определении профессиональной готовности специалиста, планировании и развитии карьерного продвижения именно личностные особенности доминируют над профессиональной подготовкой [3, с. 317].

Основываясь на изучении подходов зарубежных ученых к проблеме профессиональной готовности можно констатировать сходство их научно-методологических позиций в поисках детерминанта профессиональной готовности с положениями отечественных исследований.

Готовность к профессиональной деятельности следует рассматривать в единстве с психологической готовностью к деятельности, при этом данное по смыслу понятие определять как психологическую систему –

психологическую структуру, состоящую из ряда компонентов и функциональных связей между ними, компонентный состав которой аналогичен компонентному составу осваиваемой деятельности.

Профессиональная готовность специалиста предполагает наличие у него соответствующего уровня профессиональной компетентности, профессионального мастерства, а также способности к саморегуляции, самонастрой на соответствующую деятельность, умения мобилизовать свой профессиональный (духовный, личностный и физический) потенциал на решение поставленных задач в соответствующих условиях. Повторим еще раз: профессиональную готовность необходимо рассматривать гораздо шире, чем психологическую или деятельностьную готовность, так как она затрагивает большее количество аспектов и индивидуально-личностных установок (если рассматривать ее применительно к профессиональной деятельности педагога).

Но это психологическое чувство часто не совпадает с уровнем профессиональной подготовки.

К примеру, человек по собственному багажу познаний и практической подготовки может полностью соответствовать требованиям профессии, но психологически будет не убежден в профессиональной пригодности и в необходимости выбора для себя этой профессии.

В данном случае мы можем видеть созерцательную (пассивную) позицию человека в профессии и, как максимальное состояние, уход его из профессии, невзирая на потраченное время, силы и средства на профессиональную подготовку в колледже или вузе [5, с. 62–66].

И напротив, иногда бывает так, что человек по некоторым аспектам не готов к этой профессии, но в силу личной амбициозности, высокой мотивации он психологически не только убежден в собственном выборе данной профессии, но и ставит для себя высокие амбициозные цели в своей деятельности (признание, успех, карьерный рост, популярность, материальные аспекты и др.) и будет всеми возможными способами добиваться поставленных перед собой целей и задач.

И очень часто мы видим, что человек успешен в своей профессии, добивается поставленной цели. Но если случается неудача или крах личных амбиций, то человек может «сломаться» и кардинально поменять свою профессиональную направленность – налицо серьезный психологический кризис.

Радикальное проявление такой психологической готовности – фанатичное отношение к своей деятельности. И тогда для достижения поставленных целей он жертвует всем остальным: семейными ценностями, мнением коллег и друзей, здоровьем и многим другим.

Из этого следует, что в зависимости от итогов нашего внутреннего состояния и определенной оценки собственных возможностей, самомотивации, внутреннего психологического самоощущения мы предпринимаем определенные действия: развиваем активную деятельность в случае готовности или же откладываем действия, реализуя дополнительную подготовку,

выискивая дополнительную мотивацию. В особо критических случаях даже отказываемся от выполнения этих действий и меняем свою профессию или направленность в профессиональной сфере.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что главное место в готовности человека к выполнению профессиональных обязанностей и достижения успешности в своей профессии занимает психологическая самооценка, оценка своих возможностей – физических, психических, интеллектуальных, а также наличие основных, наиболее важных качеств, необходимых для выбранной деятельности.

Понятие готовности специалиста к выполнению профессиональных обязанностей в научных трудах определяется по-разному. В научно-педагогических и психологических трудах есть два широких определения понятия готовности:

- положительное отношение, согласие на выполнение той или иной деятельности, направленность на выполнение;
- интегративное состояние, способствующее эффективной деятельности.

Однако данные утверждения на самом деле определяют только наружные очертания, некоторую философскую оболочку этого понятия и не отражают его внутренней структуры [5, с. 62–66].

Например, можно вплоть до фанатизма обожать какую-либо профессию, быть согласным выполнять трудовые функции, но при этом не находиться в готовности к ней фактически. Тут, не считая готовности на психологическом уровне, необходимо прежде всего быть готовым к ней на физическом и интеллектуальном уровне, что называется, быть профпригодным.

Человек может сделать тот или иной выбор в профессиональной сфере, но может не соответствовать выбору по своим объективным данным. Например, для преподавателя кроме физических могут быть и другие ограничения, такие как дефекты речи, эмоциональная неустойчивость, грубость, раздражительность, эмоциональное недержание, вспыльчивость, низкий уровень стрессоустойчивости и др.

Таким образом, можно сформулировать несколько аспектов формирования профессиональной готовности.

Во-первых, профессиональная пригодность. Во-вторых, профессиональная подготовленность. Специалист должен обладать необходимым багажом знаний и умений как в общем плане, так и в той профессиональной сфере, к которой формируется его профессиональная готовность. Но часто этого недостаточно. Например, педагог может хорошо знать свой предмет теоретически, но практическими навыками не обладать, и тогда все теоретические знания преподавателя обесценятся в глазах обучающихся.

Третий критерий – практический опыт, профессиональная квалификация и компетентность. О профессиональной подготовке специалиста можно судить по его теоретическим знаниям и практическим навыкам.

Четвертый критерий – личностная мотивация. Если нет стимула к профессии, набор знаний, умений и навыков будет бесполезен. Специалист

должен быть мотивирован к профессиональной деятельности, т. е. должны быть обозначены и гарантированы определенные стимулы, ценности, ради которых человек выбирает профессию. Это и материальные, и духовные стимулы: семейные ценности и традиции, влюбленность в профессию, гражданский долг, признание окружающих, карьерный рост и др.

Рассматривая роль мотивации, нельзя сбрасывать со счетов пятый критерий – демотивирующие факторы, к которым относятся неустроенность в быту, проблемы в семье, невысокая зарплата, отсутствие перспективы для профессионального и карьерного роста, непринятие коллективом или негативные отношения в коллективе и др. При полном отсутствии мотивации человек теряется в профессии, уходит из нее или занимает пассивную позицию. Есть много примеров, когда молодые специалисты по окончании образовательного учреждения не идут работать по специальности, чаще всего из-за низкой заработной платы на начальном этапе. Это говорит о том, что такие факторы играют не последнюю роль в формировании профессиональной готовности и профессиональной направленности.

Следующий, шестой, критерий – профессиональное призвание. Это значит, что специалист по своим внутренним и физическим качествам соответствует идеальной модели профессии, а значит, его профессиональная деятельность будет успешной. Не секрет, что профессиональное призвание имеет генные истоки и проявляется уже в раннем возрасте. А призвание впоследствии, под влиянием внешних факторов, может развиваться в профессиональную направленность личности.

Седьмым критерием в оценке готовности является наличие потенциально высоких способностей личности в определенной области деятельности (другими словами, таланта). Важно отметить, что без этого критерия человеку трудно будет выполнять свои профессиональные обязанности, несмотря на полный набор мотивационных аспектов и профессиональную направленность.

Таким образом, формируется некий набор из нескольких компонентов (стадий, критериев), по которым можно судить о степени готовности или неготовности специалиста к самостоятельной профессиональной деятельности.

Очень сложно оценить степень готовности специалиста к успешной деятельности в профессии и профессиональному развитию, даже имея некую классификацию и критерии оценивания. Ведь и при наличии всех компонентов, входящих в классификацию, человек может затеряться в профессии, то есть остановиться в своем профессиональном развитии. В жизни встречаются примеры, когда в профессии есть выдающиеся личности, авторитеты, пользующиеся уважением в коллективе, однако есть и так называемые середнячки, которые даже при неплохом знании предмета и наличии мотивационных установок останавливаются на достигнутом, не развиваются. Значит, у человека должны быть еще какие-то качества, подталкивающие его к развитию, мобилизуя на достижение профессиональных успехов.

Обзор научной литературы показывает, что чаще всего готовность рассматривается как определенное состояние психики, функциональных систем

в ситуации ответственных действий или подготовки к ним; как возможность, предрасположенность субъекта действовать на достаточно высоком уровне; как решающее условие успешной адаптации к условиям труда и профессионального самосовершенствования.

Проведенный теоретический анализ позволяет характеризовать профессиональную готовность как категорию развития, указывающую на достижение субъектом начального уровня профессионального развития с соответствующей степенью владения деятельностью, составляющей психологическую основу проявления компетентности и формирования профессионализма; как категорию деятельности, указывающую на личностные и функциональные характеристики субъекта, необходимые для эффективного выполнения профессиональной деятельности; как категорию профессионального образования, выражающую цель и совокупный результат начальных этапов профессионализации и указывающую на качество профессиональной подготовки [1, с. 270].

Стоит отметить, что главной особенностью готовности к профессиональной деятельности является ее интегративный характер, проявляющийся в упорядоченности внутренних структур, согласованности основных компонентов личности профессионала, устойчивости, стабильности и преемственности их функционирования, то есть профессиональная готовность обладает признаками, свидетельствующими о психологическом единстве, целостности личности профессионала, способствующих продуктивности деятельности.

Итак, говоря об аспектах формирования профессиональной готовности, специалисты выделяют профессиональную пригодность, профессиональную подготовленность, профессиональную квалификацию и компетентность, личностную мотивацию, демотивирующие факторы, профессиональное призвание и наличие потенциально высоких способностей в определенной области деятельности.

Почти все исследователи феномена готовности говорят о мотивации как главной движущей силе в профессиональном развитии. Однако одной мотивации тут, очевидно, недостаточно. Можно искренне любить свою профессию, но не стремиться к собственному развитию. Однако есть категория целеустремленных и инициативных людей, которые ставят перед собой высокие цели, добиваются их, достигают высокого уровня своих профессиональных способностей, то есть профмастерства. Как правило, это тщеславные либо амбициозные личности.

Неудовлетворенность личных амбиций, то есть несовпадение задач и положения в профессии, при наличии определенных возможностей личности как в профессиональном, так и в психологическом плане как раз и является той внутренней движущей мобилизирующей силой, которая и обеспечивает развитие личности в продвижении к поставленной цели. Данная неудовлетворенность либо разногласия между нынешним положением личности в профессии и в обществе в целом и мотивационными установками

«Я желаю быть» и «Я могу быть» при определенных критериях (как внутреннего (психологического), так и внешнего плана) приобретают форму диалектических и являются источником развития, в том числе и профессионального. Развитие в профессии также идет по спирали, то есть поэтапное накопление количественных изменений (знаний, умений, навыков, опыта) приводит к позитивным изменениям в уровне мастерства. При всем этом изменяются цели в профессиональном аспекте, растет уровень амбиций и процесс развития выходит на очередной виток профессионального развития.

Даже такой краткий анализ феномена готовности выявил большое количество подходов к его содержанию. Понимая природу и структуру феномена готовности, вычленив необходимые и наиболее важные качества личности человека, определяя мотивирующие и мобилизующие факторы профессионального становления и развития, можно повлиять на человека, закладывая в его сознание определенные мотивационные установки для развития в выбранной профессии, т. е. развития профессиональной направленности до высочайшего профессионализма.

Список литературы

1. *Абрамова М.Ю.* Анализ подходов к определению профессиональной готовности к деятельности водителя // Ярославский педагогический вестник. – 2012. – № 3. – Том II (Психолого-педагогические науки). – С. 266–270.
2. *Ассаджиоли Р.* Психосинтез: теория и практика: От душевного кризиса к высшему «Я». – М. : РЕФЛ-бук, 1994. – 311 с.
3. *Вудкок М.* Раскрепощенный менеджер: Для руководителя-практика. – 2-е изд., перераб. – М. : Дело, 1994. – 317 с.
4. *Деркач А.А., Гагарин А.В., Степнова Л.А.* Акмеология: наука, практика, образование // Акмеология. – 2014. – № 3–4. – С. 22–27.
5. *Дуреева Т.В.* Критерии формирования готовности к профессиональной деятельности специалиста // Молодой ученый. – 2018. – № 43 (229). – С. 62–66.
6. *Дьяченко М.И.* Психологические проблемы готовности к деятельности. – Минск : Изд-во Белорус. гос. ун-та, 1976. – 176 с.
7. *Забродин Ю.М.* Очерки теории психологической регуляции поведения. – М. : Магистр, 1997. – 215 с.
8. *Звягинцева Н.Ю.* Формирование готовности к инновационной деятельности будущего педагога в условиях модульного обучения // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. – 2011. – № 2. – С. 72–79.
9. *Костенко Е.П., Лебединцева О.И.* Современные подходы к анализу понятия «профессиональная готовность» // Акмеология. – 2017. – № 4. – С. 30–33.
10. *Молокостова А.М.* Социальные риски в профессиональном развитии: теоретический обзор и подходы к изучению // Фундаментальные исследования. – 2013. – № 11. – С. 1720–1727.

11. Психические состояния. – СПб. : Питер, 2000. – 506 с.

12. Психологическая наука и практика: инновации в образовании: материалы V конференции психологов образования Сибири (Иркутск, 20–22 июня 2018 г.). – Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2018. – С. 94–102.

13. *Сластенин В.А.* Профессионализм педагога: акмеологический подход // Сибирский педагогический журнал. – 2006. – № 4. – С. 13–23.

УДК 141

DOI: 10.24412/2308-7196-2022-2-160-174

Татьяна Алексеевна Липина

аспирант, ассистент кафедры специальной педагогики и психологии

*ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», Пермь, Россия**614990, Пермь, ул. Сибирская, 24, (342) 238-63-44, e-mail: lipina_ta@pspu.ru***КАТЕГОРИЯ «ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ» В СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОМ ПОЗНАНИИ****Tatyana A. Lipina**

postgraduate student, assistant of the Department of Special Pedagogy and Psychology

*Federal State Budget Educational Institution of Higher Professional Education «Perm State Humanitarian Pedagogical University»**24, Sibirskaja, 614990, Perm, Russia, e-mail: lipina_ta@pspu.ru***THE CATEGORY 'INTERACTION' IN SOCIAL AND HUMANITARIAN COGNITION**

Аннотация. Обращаясь к изучению какого-либо феномена, необходимо однозначно понимать его сущность. Взаимодействие является сложной категорией, рассмотрение которой выходит за рамки одной науки. В статье даются анализ и определение категории «взаимодействие» с позиций отечественных и зарубежных исследований в области социально-гуманитарных наук, раскрываются основные теоретические подходы к определению понятия и сущности данной категории.

Ключевые слова: взаимодействие, интеракция, индивид, общение, акт, символический интеракционизм, взаимодействие исходов.

Abstract. It is necessary to understand its essence unambiguously in order to fully study any phenomenon. Interaction is a complex category, the consideration of which is beyond the scope of any one science. The article analyzes and defines the category of 'interaction' in domestic and foreign studies in the field of social sciences and humanities, reveals the main theoretical approaches to the definition of the concept and essence of this category.

Key words: interaction, individual, communication, act, symbolic interactionism, interaction of outcomes.

В настоящее время одним из важных аспектов воспитания и обучения детей дошкольного возраста является социально-коммуникативное развитие, которое направлено на формирование взаимодействия ребенка со взрослыми и сверстниками, формирование готовности к совместной деятельности со сверстниками. На этапе завершения дошкольного образования ребенок активно взаимодействует со сверстниками, участвует в совместных играх, способен договариваться, учитывать интересы и чувства других. Всесторонняя теоретическая и практическая разработка проблем взаимодействия со сверстниками детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) приобретает особую значимость в связи с тем, что развитие у детей адекватного и гибкого взаимодействия и поведения в обществе, способности к продуктивному взаимодействию со сверстниками в совместной деятельности является важнейшей задачей современного дошкольного образования, в том числе и образования детей с ОВЗ.

Актуальность изучения категории «взаимодействие» заключается в следующем: анализ психологической литературы показывает, что изучение взаимодействия в психологии осуществляется по таким основным направлениям, как уточнение категориального статуса самого понятия «взаимодействие», выделение компонентов его структуры и содержания, определение его места в развитии психических процессов индивида. Изучение ряда научных источников позволяет прийти к выводу, что в психологии нет единого мнения относительно места взаимодействия в иерархии других психологических феноменов, что в значительной степени затрудняет и его собственную характеристику. Поэтому раскрыть понятие и сущность взаимодействия можно, проанализировав подходы различных наук, в первую очередь социально-гуманитарных, к пониманию данной категории.

Наша тема требует рассмотрения социологических подходов к пониманию взаимодействия. Для социологии приоритетным является изучение механизмов влияния данной категории на процесс развития как общества в целом, так и отдельно взятого индивида. Поскольку в нашем исследовании мы рассматриваем взаимодействие со сверстниками, которое относится к категории социальных, то анализ социологических исследований о взаимодействии индивида с окружающими оправдан.

Категория «взаимодействие» выражает характер и содержание отношений между людьми и социальными группами как постоянными носителями качественно различных видов деятельности, то есть отношений, различающихся по социальным позициям и ролям. Независимо от того, в какой сфере жизнедеятельности общества (экономической, политической и т. д.) происходит взаимодействие, оно по своему характеру всегда социально, поскольку выражает связи между индивидами и группами индивидов, поэтому часто встречается понятие «социальное взаимодействие».

В научной литературе существуют многочисленные определения понятия «социальное взаимодействие». На стыке философии и социологии существует такое определение социального взаимодействия, данное Н.Л. Виноградовой:

«Социальное взаимодействие – это способ социального бытия, который базируется на диалогическом отношении социальных субъектов и обеспечивает единство и гармонизацию социальных структур, имея конечной целью выработку стратегии единых действий отдельных личностей, социальных групп и общностей» [4, с. 17]. Ф.И. Розанов дает следующее определение: «...социальное взаимодействие является одной из форм взаимодействия в природе, носит объективный причинно-следственный характер и является упорядоченной системой взаимовлияния социальных элементов, осуществляющейся посредством специфических носителей социального типа взаимодействия» [15, с. 6].

«Социальное взаимодействие – систематические, достаточно регулярные социальные действия партнеров, направленные друг на друга, имеющие цель вызвать вполне определенную (ожидаемую) ответную реакцию со стороны партнера: причем ответная реакция порождает новую реакцию взаимодействующего», – так определяет социальное взаимодействие А.Г. Эфендиев. Речь идет об обмене действиями, точнее, даже системами действий, которые взаимно сопряжены. Именно сопряженность систем действий обоих партнеров по отношению друг к другу, устойчивый интерес к ответным действиям своего партнера, возобновляемость отличают социальное взаимодействие от единичного социального контакта» [17, с. 168].

Социальное взаимодействие как «процесс непосредственного или опосредованного влияния социальных субъектов друг на друга» обозначает Г.И. Козырев: «В процессе взаимодействия происходит обмен информацией, знаниями, опытом, материальными, духовными и иными ценностями; индивид (группа) определяет свою позицию относительно других, свое место (статус) в социальной структуре, свои социальные роли. Роль, в свою очередь, предписывает индивиду определенные образцы поведения и делает взаимодействие предсказуемым. Сама социальная структура, социальные отношения и социальные институты являются результатом различных видов и форм социального взаимодействия» [7].

По мнению В.И. Добренькова и А.И. Кравченко, социальное взаимодействие – это «взаимодействие между двумя и более индивидами, в процессе которого передается социально значимая информация или осуществляются действия, ориентированные на другого» [5, с. 39].

Социальное взаимодействие в «Социологическом словаре» Г.В. Осипова – это любое поведение индивида, группы индивидов, общества в целом как в данный момент, так и в перспективе. Социальное взаимодействие имеет объективную и субъективную стороны. Объективная сторона – это связи, не зависящие от отдельных личностей, но опосредующие и контролирующие содержание и характер их взаимодействия. Субъективная сторона – это сознательное отношение индивидов друг к другу, основанное на взаимных ожиданиях соответствующего поведения. Чтобы понять социальное взаимодействие, надо выяснить свойства взаимодействующих сил. Главное в социальном взаимодействии – содержательная сторона [16].

За рубежом в социологии сформировалось довольно много теорий, которые рассматривали сущность взаимодействия. Рассмотрим некоторые из них. Для начала проанализируем теорию символического интеракционизма, поскольку данное направление стало одним из влиятельнейших в социологии, зародившись в США в начале прошлого века. Обычно, когда говорят об этом учении, имеют в виду теоретические системы, предложенные Дж. Г. Мидом и Ч.Х. Кули, идейными основателями символического интеракционизма, заложившими его концептуальные основы и трактовавшими свои идеи в духе прагматизма, философии жизни и психологии.

Выделяют три основных аспекта, три постулата данного направления:

1. «Человек действует по отношению к предметам на основании придаваемой им значимости».

2. «Значение предметов проявляется в ходе взаимодействия между людьми».

3. «Значения регулируются и модифицируются в процессе интерпретации, осуществляемой личностью при взаимодействии».

Исходя из этого, именно при взаимодействии индивидами устанавливается некий общий набор релевантных значимостей, выраженных в символах, на основании которых люди способны интерпретировать действия друг друга. Эти постулаты, которые являются ядром учения, получили окончательное оформление в трудах Г. Блумера, осознавались и отстаивались учителем, о чем неоднократно свидетельствовал и сам Г. Блумер.

Человек в процессе взаимодействия с другим ставит себя на позицию этого индивида, и, соответственно, «установка, которую он вызывает в самом себе, становится стимулом для него к совершению другого действия» (Дж. Мид). Таким образом, в процессе взаимодействия человек не только руководствуется желаемым откликом, но и регулирует свое поведение, исходя из собственного отклика на желаемое от другого. Аналогичным образом и другой, отвечая, не только производит необходимый другому отклик, но и воздействует на себя в этом действии-ответе. Система взаимодействия, выстраиваемая с удвоением пары «стимул – реакция» (на другого и на себя), есть взаимная корректировка собственных установок на основании обмена установками между индивидами. Такой взаимообмен становится возможным благодаря использованию голосовых жестов и значимых символов. Голосовой жест Дж. Мид связывает с феноменом подражания, однако определяет его не как копирование поведения ради самого копирования (как, например, воробей может подражать канарейке), но как механизм, в результате которого «индивид вызывает в себе самом тот отклик, который он вызывает в другом, и вследствие этого придает таким откликам больший вес, чем другим откликам, постепенно выстраивая эти наборы откликов в некое преобладающее целое» [1]. Таким образом, в значимом символе, как обладающем смыслом и значением, выражен «комплекс установок и откликов» индивидов так, что он (символ) как отсылает к общему набору откликов, так и выступает основанием стимула к дальнейшему действию.

Условием взаимодействия между людьми является признание общности значимых символов, то есть выработка универсальных откликов и установок, что, в свою очередь, предполагает способность поставить себя на место другого человека и исходить в своем действии из позиции этого другого. Таким образом, интеракция как обмен голосовыми жестами, восходящий к значимым символам, не только направлена на другого для получения желаемого результата, но и выступает механизмом формирования самости действующего. Дж. Мид подчеркивает: «Я – нечто развивающееся; оно не дано с самого начала, от рождения, а вырастает в процессе социального опыта и деятельности» [14, с. 164]. Еще одна важная предпосылка генезиса самости в процессе взаимодействия «представлена в таких деятельности, как игра и соревнование» [14]. Игра – первая форма деятельности, предполагающая принятие роли другого, фактическое присутствие которого не является обязательным: ребенок может играть с куклами в доктора, тем самым примеряя на себя некую роль. Игра чаще всего не имеет строго установленных правил, в отличие от соревнования. В последнем определены границы и способы взаимодействия, а также роли, для исполнения которых необходимы другие люди. В соревновании или игре с правилами впервые проявляется необходимость организации ролей, такой, чтобы «установки одного (индивида) вызывали соответствующие установки другого» [14]. Эта организация, определяемая соответствиями установок участников, выражается в наборе правил игры или соревнования. Согласно мысли Дж. Мида, именно в этой форме игровой деятельности ребенок совершает переход от стадии «принятия роли других», что свойственно игре без правил, к стадии «организованной роли», которая «существенна для самосознания в полном смысле слова» [1]. В ходе соревнования ребенок учится взаимодействовать с другими, т. е. принимать установки других участников; единство установок других по отношению к индивиду контролирует его собственный отклик. Эти «другие», таким образом, становятся значимыми для него, обеспечивая ему единство самости.

Результатом взаимодействия (представленного в двух моментах: общении и деятельности) является обмен установками, основанный на принятии установок других по отношению к индивиду, трансформирующий собственные установки по отношению к другим участникам взаимодействия. Более того, именно этот момент принятия и корректировки (т. е., по сути, процесс взаимодействия) обеспечивает становление самости индивида, ибо «когда появляется Я, оно всегда заключает в себе переживание другого; просто переживания Я, самого по себе, быть не может» [10].

Идеи Дж. Г. Мида перекликаются со взглядами другого представителя символического интеракционизма – Г. Блумера. Согласно его представлениям, субъект, вступающий во взаимодействие с окружающими, способен не только изменять конкретные обстоятельства, проявляя себя как автор и режиссер того или иного социального акта, но и заново создавать самого себя в процессе его осуществления. При этом автор полагает, что взаимодействие не является

простой комбинацией внешних и внутренних факторов. Оно включает в себя в качестве необходимого момента и определенную интерпретацию этих факторов, дающую начало возникновению общих смыслов [1]. Подобное видение проблемы раскрывает, на наш взгляд, механизм развития как самого процесса взаимодействия, так и контактирующих в нем субъектов.

Итак, теория символического интеракционизма, разработанная американскими социологами Дж. Мидом и Г. Блумером, значительно углубила процесс изучения взаимодействия. Эта теория исходит из того, что взаимодействие, как и все формы социального поведения людей, основаны на коммуникации. Самое существенное во взаимодействии, основанном на коммуникации, – это значимое действие, включающее в себя осмысление не только поступков, но и намерений партнеров. Сознательная коммуникация наделяет смыслом или значением слова, жесты, поступки индивидов, производящих их, а также тех индивидов, которые откликаются на эти слова, поступки в процессе взаимодействия. Однако, чтобы этот процесс был эффективным, как отмечал Дж. Мид, надо «поставить себя на место другого человека», то есть «принять роль другого человека». Участвующий в таких процессах индивид может принимать всеобщие установки всех других подобных индивидов по отношению к этим процессам, реализующимся в эмпирических взаимоотношениях и взаимодействиях, и соответствующим образом направлять собственное поведение. В процессе взаимодействия между индивидами возникают два вида коммуникаций: внешнее общение, то есть взаимодействие индивидов друг с другом, и внутреннее общение, происходящее между частями единого «Я» – чувствами, мыслями, стремлениями, волей.

Рассмотрим также теорию П. Сорокина, одного из крупнейших социологов XX в., американского ученого, чьи концепции являются важными в современной социологии. Взаимодействие двух людей есть простое социальное явление как с методологической точки зрения (ввиду доступности его для непосредственного наблюдения), так и с точки зрения структурной роли в общественной жизни, которая представляет собой систему взаимодействий. В конкретном социальном взаимодействии Сорокин вычленяет ряд элементов: индивиды, действия («акты») и символы («проводники») действия, каждый из которых классифицируется и подробно рассматривается в качестве функционального элемента социальной системы. Характеристика индивидов дается с точки зрения их возможностей приспособления к внешней среде: наличия нервной системы и способности реагировать на стимулы, наличия потребностей, обеспечивающих межиндивидуальные контакты, и т. п.

Каждый «акт» представляет собой, во-первых, внутреннюю реализацию психологической жизни взаимодействующих индивидов, а во-вторых, внешний раздражитель, вызывающий ту или иную реакцию у других лиц. «Вся жизнь людей представляет почти сплошной поток таких акций и реакций. Каждый из нас в течение каждого дня встречается со множеством людей, получает раздражение от множества действий других индивидов и принужден

ежеминутно в той или иной форме реагировать на них» [1]. Социальный мир своего рода «вечный двигатель», непрерывно испускающий волны раздражения и непрерывно заставляющий нас реагировать на эти импульсы. Все эти акты Сорокин формально делит на интенсивные и слабые, мгновенные и продолжительные, сознательные и бессознательные.

Третий элемент взаимодействия, по Сорокину, совокупность «проводников», передающих реакцию одного индивида к другому: языка, письменности, живописи, музыки, орудий труда, денег и др. В них объективируется цепь «стимул – реакция». Эти явления, говорит Сорокин, имеют «громадное значение для понимания социальной жизни», ибо насыщенность проводниками существенно изменяет различные аспекты взаимодействия, социального пространства и времени как форм, в которых оно протекает. Насыщенность определенного природно-географического пространства множеством социальных проводников (железнодорожная, телеграфная, телефонная связь и т. п.) сокращает социальное пространство. Как географическая карта земли не совпадает с социально-политической, считает Сорокин, так и природно-географическое пространство не совпадает с социальным пространством.

«Проводники», по Сорокину, делятся на два типа: физические и символические. Роль первых связана с их материальными свойствами, а роль вторых – со значением, которое им приписывается. Таковы в современном обществе символы патриотизма, власть денег, атрибуты власти и т. п. Фетишизация товара, открытая Марксом, утверждал Сорокин, есть частный случай общего закона символизации проводников. «Проводники» постепенно, слой за слоем «оседают», «кристаллизуются» и создают в итоге новую, неприродную сферу – «социально-техническую, культурную, как застывший результат прошлых взаимодействий, органически включенных в настоящие взаимодействия». Поэтому, солидаризуясь с Дюркгеймом, Сорокин подчеркивает, что все элементы материальной культуры, когда бы они ни были созданы, раз они включены в орбиту нашего сегодняшнего поведения, должны неизбежно считаться реальным элементом общества наравне с индивидами и их отношениями [1].

Итак, по Сорокину, основная, универсальная единица социологического анализа – взаимодействие, ибо вся «общественная жизнь и все социальные процессы могут быть разложены на явления и процессы взаимодействия двоих или большего числа индивидов; и обратно, комбинируя различные процессы взаимодействия, мы можем получить любой сложнейший из сложнейших общественных процессов, любое социальное событие, начиная от увлечения танго и футуризмом и кончая мировой войной и революциями. Процессы взаимодействий являются теми нитями, из совокупности которых создается ткань человеческой истории. На отношения взаимодействия распадаются все социальные отношения, начиная с отношений производственных и экономических и кончая отношениями религиозными, правовыми и научными» [1].

Сорокин в своих теоретических построениях опирался на бихевиоризм. Благодаря акценту на механический характер связи между стимулом и реакцией и методологическому упору на «наблюдаемое» поведение бихевиоризм особенно подходил для предлагаемых им всевозможных классификаций, придавал конструкциям вид «точной», «объективной» науки. Сорокин выдвигает следующие принципы классификации взаимодействий: 1) чисто формальный критерий, согласно которому явления выбираются в зависимости от количества взаимодействующих индивидов (односторонняя или двусторонняя связь, длительность контактов и т. п.); 2) «неформальный» критерий, позволяющий выделять взаимодействие в зависимости от характеристик индивидов (расовых, половых, возрастных, семейных, профессиональных и др.), их психологической мотивировки и ориентации в акте взаимодействия.

Далее его классификация строится в соответствии с тремя основными элементами в его социологической модели общества. По отношению к первому элементу (индивид) выделяются взаимодействия: во-первых, по количеству индивидов (между двумя, одним, многими и т. п.), во-вторых, обусловленные полиморфизмом индивидов (взаимодействия между индивидами, принадлежащими к одной или разным группам, семье, государству, расе, полу, возрасту и т. п.). По отношению ко второму элементу (акт) выделяются взаимодействия: односторонние и двусторонние, длительные и временные, антагонистические и неантагонистические. И наконец, по отношению к роли «проводников» в социальной системе вычленяются механические, тепловые, звуковые, зрительные и некоторые другие виды взаимодействий [6].

Анализ психологических исследований показывает, что изучение взаимодействия в психологии осуществляется по таким основным аспектам, как уточнение категориального статуса самого понятия «взаимодействие», выделение компонентов его содержания и структуры, определение его места в развитии психических процессов индивида. Рассмотрение ряда научных источников позволяет прийти к следующему: в психологии нет единого мнения относительно места взаимодействия в иерархии других психологических феноменов, что в значительной степени затрудняет и его собственную характеристику.

В работах большинства исследователей рассмотрение феномена взаимодействия тесным образом переплетается с обсуждением проблем общения, деятельности, межличностных отношений (А.Л. Журавлев, Б.Г. Ананьев, Г.М. Андреева, Б.Ф. Ломов, Б.Д. Парыгин, А.Н. Леонтьев, М.И. Лисина, В.Н. Мясищев, И.Н. Обозов, Л.И. Уманский, С.Л. Рубинштейн и др.).

В отечественной психологии под взаимодействием долгое время понималось межличностное взаимодействие, которое определялось как процесс в составе более широкого – общения. То есть взаимодействие включается в состав общения, что является следствием реализации методологического принципа единства общения и деятельности, а интерпретация данного понятия происходит через раскрытие содержания совместной деятельности и описание

способов объединения индивидуальных усилий в ее конкретных формах. Таким образом, мы подошли к следующей проблеме – соотношению категорий «взаимодействие» и «общение». В психологии общение и взаимодействие как исследовательские области составляют сложное диалектическое единство, в то время как с точки зрения философии взаимодействие является исходной категорией, а общение – лишь его формой. В них так много точек пересечения, что трудно порой разобраться в свойствах, которые должны были бы отражать специфику описываемых явлений. Исходя из этого, далее мы проанализируем соотношение взаимодействия и общения.

Смешение этих категорий начинается уже с определений данных понятий. Г.М. Андреева отмечает: «Часть авторов просто отождествляет общение и взаимодействие, интерпретируя и то, и другое как коммуникацию в узком смысле слова (т. е. как обмен информацией), другие рассматривают отношения между взаимодействием и общением как отношение формы некоторого процесса и его содержания. Часть этих разночтений порождена терминологическими трудностями, в частности тем, что понятие «общение» употребляется то в узком, то в широком смысле» [3, с. 156].

Среди дефиниций общения выделяются два ряда определений. Для первого (работы А.А. Бодалева, М.И. Дьяченко и Л.А. Кандыбовича, М.С. Кагана, А.А. Леонтьева, М.И. Лисиной, Б.Ф. Ломова, Р.С. Немова, Н.Н. Обозова, Н.И. Шевандрина и др.) характерна трактовка общения через взаимодействие. Например, общение – это:

- многогранный процесс взаимодействия и взаимовлияния людей [12, с. 205];
- осуществляемое знаковыми средствами взаимодействие субъектов, вызванное потребностями совместной деятельности и направленное на значительное изменение в состоянии, поведении и личностно-смысловых образованиях партнера [14, с. 244];
- взаимодействие двух или более людей, состоящее в обмене между ними информацией познавательного или аффективно-оценочного характера [13, с. 308].

Существует и другой подход, включающий взаимодействие в процесс общения как одну из функций: «Общение – сложный, многоплановый процесс установления и развития контактов между людьми, порождаемый потребностями в совместной деятельности и включающий в себя обмен информацией, выработку совместной стратегии взаимодействия, восприятие и понимание другого человека» [14, с. 278]. Согласно Б.Д. Прыгину, общение выступает как психическое взаимодействие людей во всех его формах, как «сложный и многогранный процесс, который может выступать в одно и то же время и как процесс взаимодействия индивидов, и как информационный процесс, и как отношение людей друг к другу, и как процесс их взаимовлияния друг на друга, и как процесс их сопереживания и взаимного понимания друг друга» [12]. А.А. Леонтьев понимает феномен общения как интеракцию, коллективную деятельность, считая, что общение непосредственно обеспечивает взаимодействие [8]. Г.М. Андреева выделяет три взаимосвязанные стороны общения: коммуникативную, интерактивную

и перцептивную. Таким образом, взаимодействие с этой точки зрения выступает как интерактивная сторона общения, «которая фиксирует не только обмен информацией, но и организацию совместных действий, позволяющих партнерам реализовать некоторую общую для них деятельность» [3].

Итак, одни полагают, что общение – это часть взаимодействия, понимаемого как деятельность в целом, а другие склонны считать, что взаимодействие в качестве особой составляющей входит в структуру общения. Анализ ряда психологических источников позволяет прийти к выводу, что в современной психологии категория «взаимодействие» рассматривается и как самостоятельная категория (А.А. Брудный, А.В. Петровский, А.А. Бодалев, Л.П. Буева, А.Н. Леонтьев, М.С. Каган, Я.Л. Коломинский, И.Б. Котова, Е.С. Кузьмина, В.А. Петровский, Е.Н. Шиянов), и как интерактивная сторона общения [3].

Существует еще одна точка зрения, сторонники (Б.Г. Ананьев, Я.Л. Коломинский, Б.Ф. Ломов, В.Н. Мясищев, Н.Н. Обозов и др.) которой говорят о том, что взаимодействие – это более широкая категория, нежели общение. Суть в том, что общение рассматривают как специфическую форму, условие или процесс взаимодействия. Например, Б.Ф. Ломов пишет, что «общение выступает как специфическая форма взаимодействия человека с другими людьми, как взаимодействие субъектов» [9]. По Ломову, сущность общения проявляется в отдельных межличностных взаимодействиях и специфика различных видов взаимодействия людей определяется по тем свойствам, которые характеризуют их как субъектов, это позволяет раскрыть зависимость характера взаимодействия от особенностей вступающих в него субъектов. Б.Ф. Ломов также отмечает, что психическое развитие личности возможно лишь во взаимодействии с другими людьми в контексте совместной деятельности и общения.

Итак, если общение и взаимодействие рассматриваются на методологическом уровне, то первое соотносится со вторым как общее с частным, но если данные понятия рассматривать в рамках конкретной науки (психологии, социологии), то возможно, что общение будет явлением более высокого порядка, нежели частные, взаимообусловленные действия индивидов в процессе совместного труда.

Если говорить о структуре взаимодействия, то исследователи отечественной психологии придерживаются следующего: Н.Н. Обозов характеризует структуру взаимодействия, основываясь на трехкомпонентном членении поведения индивида, выделяя аффективную, когнитивную и поведенческую составляющие. При этом поведенческий компонент включает в себя прежде всего результаты деятельности и поступки, аффективный – все то, что связано с состоянием личности, а когнитивный компонент понимается как осознание субъектом объекта [11]. В своей классификации автор опирается на аналогичные исследования А.А. Бодалева, выделяющего в структуре межличностного взаимодействия такие составляющие, как практическая, аффективная и гностическая, на высказывания Я.Л. Коломинского о поведенческом, аффективном и когнитивном компонентах взаимодействия,

на обоснование Б.Ф. Ломовым его регулятивной, аффективной и информационной составляющих. Исходя из этого, можно сделать вывод, что включение субъекта в процесс взаимодействия не только влияет на внешние проявления индивида, но и затрагивает все сферы его психики, обуславливая их поступательное совершенствование.

Самая известная и распространенная теория о взаимодействии за рубежом – это «теория взаимодействия исходов» Тибо и Келли. Авторы говорят, что их подход правильнее позиционировать как точку зрения, или «frame of reference», а не как теорию. Основное внимание исследователи уделяют фактору «взаимного обмена вознаграждениями и наказаниями» в контексте интеракции (взаимодействия). Суть подхода состоит в следующем. Всякое межличностное отношение – это взаимодействие. Для анализа первоначально бралось взаимодействие в диаде. «Диадическое взаимодействие наиболее вероятно будет продолжаться и позитивно оцениваться, если участники такого взаимодействия “выгадывают” от него». Эту основную посылку нужно понимать следующим образом. Во-первых, авторы объясняют социальное взаимодействие в терминах «исходов» – вознаграждений и потерь (издержек) каждого из участников взаимодействия. Исход всякого взаимодействия рассматривается как некий шаг, резюмирующий получаемые вознаграждения и понесенные потери. Во-вторых, по их мнению, интеракция будет продолжаться, повторяться, только если ее участники подкрепляются, имея позитивные исходы, т. е. если вознаграждения превосходят потери. Авторы предполагают, что взаимодействующие стороны зависят друг от друга в достижении позитивных исходов. «В качестве независимых переменных выступают возможности взаимного контроля, которыми обладают члены коллектива. Считается, что контроль опосредуется способностью влиять на исходы другого (такие, как вознаграждения, платежи, подкрепления и полезности)». В качестве зависимых переменных выступают продукты взаимозависимых отношений: нормы, роли, власть. Позитивные платежи в социальной интеракции могут быть материальными или же психологическими (выигрыш в статусе, власти и т. д.). Получаемые участниками в итоге взаимодействия вознаграждения или понесенные потери детерминируются, по мнению Тибо и Келли, факторами, внутренними или внешними этому взаимодействию. Последние составляют категорию так называемых экзогенных детерминант. Они включают индивидуальные потребности и способности участников, сходство или различие в их установках, ценностях, ситуационный контекст их межличностного контакта. Как отмечают авторы, во многих случаях это факторы, коррелирующие с социометрическим выбором. В самом общем плане способных партнеров во взаимодействии отличает то обстоятельство, что они, полагая Тибо и Келли, обладают большим потенциалом для вознаграждения другого участника [2]. В результате в отношениях с более способным партнером более вероятен общий позитивный исход. В зарубежной социальной психологии проведено много исследований, показывающих, что индивиды, имеющие похожие установки, склонны

выбирать друг друга в качестве друзей, партнеров по взаимодействию. Обычно эти данные определенным образом интерпретируются с позиций когнитивистской ориентации. С точки зрения Тибо и Келли, они могут быть интерпретированы в рамках их подхода. «Если мы допустим, что во многих сферах ценностей индивид нуждается в социальной поддержке своих мнений и установок, то соглашающийся с ним другой служит для него вознаграждением... Таким образом, два человека, имеющие аналогичные ценности, могут представлять друг для друга вознаграждения просто экспликацией своих ценностей». Тибо и Келли полагают, что сходство между сторонами диады облегчит им обоим достижение позитивных исходов во взаимодействии. К экзогенным детерминантам вознаграждений и издержек в социальных отношениях Тибо и Келли относят такую их характеристику, как дистантность. Диада на расстоянии предоставляет участникам меньше возможностей для позитивных исходов, поскольку для формирования и поддержания физически дистантных отношений требуется больше усилий и, следовательно, больше издержек, чем в противоположном случае. Еще одна рассматриваемая авторами экзогенная переменная – комплементарность, или дополнительность. Они полагают, что образование диады облегчается сторонами, которые способны вознаграждать друг друга ценой низких издержек для себя. В комплементарном отношении каждый может обеспечить то, в чем нуждается другой, но сам это обеспечить не может. В таких отношениях вознаграждения для обоих участников высоки, а издержки низки и, таким образом, исходы позитивны для обоих. Другая категория детерминант вознаграждений и потерь – эндогенные факторы. Они возникают в ходе взаимодействия и как его продукт. Если экзогенные детерминанты определяют пределы достижения позитивных исходов, то эндогенные – определяют, будут ли действительно эти исходы достигнуты. Эндогенные помехи или содействия реализации оптимальных возможностей в отношении издержек-вознаграждений проистекают из «комбинаций последовательностей поведения членов диады». Сочетание поведений может оказаться взаимно несовместимым, как, например, в ситуации, когда один из братьев желает заниматься в кабинете, а другой в это же время – играть на музыкальном инструменте. Подобное сочетание мешает сторонам максимизировать их вознаграждения ценой минимальных издержек. Облегчит максимизацию лишь изменение одной из сторон своего поведения. Тибо и Келли полагают, что несовместимые, соперничающие тенденции увеличивают оптимальные издержки в форме раздражения, смущения, тревоги или необходимости приложить большие усилия для соответствующих реакций. Ученые формулируют следующую гипотезу: издержки, вызываемые интерференцией, пропорциональны конфликту, порождаемому несовместимой ситуацией. Важным моментом в подходе Тибо и Келли являются вводимые ими понятия «уровень сравнения» и «уровень сравнения альтернатив». Согласно авторам, ценность, которую личность приписывает исходу взаимодействия, не может быть определена на основании ее абсолютной величины. Она определяется

на основе сравнения с двумя вышеназванными стандартами. Уровень сравнения индивида – это средняя величина позитивных исходов, которые он имел в своих предшествующих отношениях с другими. То есть, оценивая ценность исхода для себя, личность ориентируется на этот средний уровень. Исход благоприятен, если он выше среднего уровня, и чем выше, тем благоприятнее. Данное понятие используется как некая естественная точка отсчета на шкале удовлетворения. Посредством этой мерки индивид оценивает привлекательность межличностного отношения для себя. Уровень сравнения может варьировать в зависимости от личности и ситуации. Во многом он определяется тем, как воспринимает индивид собственные возможности в достижении благоприятных исходов [2]. Чем к более высоким исходам привык индивид, тем более высоким будет его уровень сравнения в последующих отношениях. Иногда, правда, обстоятельства могут изменить эту тенденцию. Второй стандарт, на основе которого личность оценивает свои исходы, – уровень сравнения альтернатив. Посредством этого критерия индивид решает, будет ли он оставаться в данном социальном отношении или выйдет из него. Предполагается, что личность не останется, например, на удовлетворяющей ее работе, если она имеет возможность получить еще более привлекательную работу, и что она не покинет даже вызывающее неудовлетворение положение, если единственная имеющаяся альтернатива еще хуже. Таким образом, данный стандарт представляет собой наилучший исход, который личность может получить в свете наилучшей возможной для него альтернативы. Как видим из вышеизложенного, идея авторов весьма проста: при альтернативе личность всегда стремится сделать выбор в пользу более благоприятного для себя решения. Так, можно отметить, что Тибо и Келли в трактовке понятия исходов подчеркивают относительность их оценки участниками. Интересно, что этот момент смыкает авторов с представителями гештальтпсихологии, для которых характерен акцент на относительности восприятия. Тибо и Келли утверждают, что в момент вступления в социальное взаимодействие стороны сталкиваются с большой степенью неопределенности в отношении исходов, которые могут быть достигнуты. Личность может иметь недостаточно знаний, чтобы ожидать что-то определенное, либо она может иметь ошибочные представления. Поскольку до самого факта взаимодействия трудно вынести окончательные суждения, постольку в самом начале формирования отношения есть период проб, сравнения (*sampling*), когда участники пытаются реально оценить потенциально возможные в таком отношении исходы. Восприятие исходов на ранней стадии взаимодействия помогает определить, продолжать отношение или выйти из него. Оцениваются исходы первичного контакта по двум рассмотренным выше критериям (уровень сравнения и уровень сравнения альтернатив). Индивиды будут формировать и поддерживать те отношения, которые обещают дать наилучший из возможных исходов. Кроме того, для участников важно предвидеть, останутся ли выявленные позитивные исходы стабильными со временем. Подобное исследование матрицы возможных исходов оказывается весьма

важным, когда в стадию формирования вступают долговременные отношения типа супружества [1]. В рассмотренной теории авторы отражают, концептуализируют вполне определенную социальную, в том числе социально-психологическую, реальность, однако воспринимают ее, по существу, как единственно возможную и универсальную. С этим связана неправомерная, на наш взгляд, универсализация вычлененного ими такого регулятора межличностных отношений, как принцип вознаграждения – издержек. Что же касается оценки характера реализации авторами исходного принципа, то, несомненно, им удалось построить достаточно разветвленную систему представлений о природе межличностных отношений. Зарубежные авторы справедливо отмечают, что подход Тибо и Келли содержит много проницательных суждений о процессах и детерминантах социального взаимодействия.

Анализ категории взаимодействия позволил нам раскрыть ее сущность. Взаимодействие в социально-гуманитарных науках определяется как категория, отражающая процессы воздействия различных объектов друг на друга, их взаимную обусловленность, взаимопереход, изменение состояния, а также порождение одним объектом другого. Также можно говорить о том, что ученые выделяют следующие общие признаки взаимодействия как реального явления: целостность, двусторонность связей, одновременность существования объектов, взаимообусловленность изменений сторон, взаимопереход объектов, внутреннюю самоактивность субъектов. Мы можем сделать следующие выводы: в актах взаимодействия человек познает самого себя, взаимодействие является механизмом самосовершенствования и саморазвития; уровень развития человека находится в диалектической взаимосвязи с характером взаимодействия, взаимодействие помогает строить отношения с другими людьми и повышать качество социальной среды. Анализируя различные концепции и теории психологов по вопросу взаимодействия человека с окружающим его миром, мы пришли к выводу, что, несмотря на осознание в психологической науке этой проблемы как актуальной и существование ряда продуктивных подходов к ее осмыслению, все еще не определен до конца категориальный статус самого понятия «взаимодействие». Однако можно выделить наиболее важные аспекты взаимодействия: деятельностный (действия, операции, приемы) и межличностный (общение, виды отношений). Также в психологии взаимодействие характеризуется как динамичный процесс, которому присущи двусторонний характер связей и изменение взаимодействующих сторон, приводящее каждое звено в новое качественное состояние. Раскрывая структуру взаимодействия, исследователи выделяют аффективную, когнитивную и поведенческую составляющие.

Список литературы

1. Американская социологическая мысль / под ред. В.И. Добренькова. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1994. – С. 496.
2. Андреева Г.М., Богомолова Н.Н., Петровская Л.А. Зарубежная социальная психология XX столетия: Теоретические подходы : учебное пособие для вузов. – М. : Аспект Пресс, 2002. – С. 287.

3. *Андреева Г.М.* Социальная психология : учебник. – 3-е изд. – М. : Наука, 1994.
4. *Виноградова Н.Л.* Социальное взаимодействие как объект философского анализа : автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Волгоград, 1999.
5. *Добреньков В.И., Кравченко А.И.* Социология : учебник. В 2 т. – М. : Норма, 2008.
6. История буржуазной социологии первой половины XX века / М.С. Комаров, А.Б. Гофман, В.В. Пациорковский и др.; отв. ред. Л.Г. Ионин, Г.В. Осипов. – М. : Наука, 1979. – С. 306.
7. *Козырев Г.И.* Социальное действие, взаимодействие, поведение и социальный контроль // Социс. – 2005. – № 8. – С. 37–48.
8. *Леонтьев А.А.* Психология общения. – 3-е изд. – М. : Смысл, 1999. – С. 365.
9. *Ломов Б.Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. – М., 1984. – С. 242–271.
10. *Мид Дж. Г.* Разум, Я и Общество // Реферативный журнал. Серия 11. Социология. – 1997. – № 4. – С. 162–195.
11. *Обозов Н.Н.* О трехкомпонентной структуре межличностного взаимодействия // Психология межличностного познания / под ред. А.А. Бодалева. – М. : Педагогика, 1981. – С. 80–92.
12. *Парыгин Б.Д.* Социальная психология. Проблемы методологии, истории и теории / Ин-т гос. управления. – СПб., 1999. – С. 297.
13. Психологический словарь / под ред. В.П. Зинченко, Б.Г. Мещерякова. – М. : Педагогика-пресс, 1996. – С. 232.
14. Психология : словарь / под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – М. : Политиздат, 1990. – С. 244.
15. *Розанов Ф.И.* Социальное взаимодействие как информационный обмен : автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Новосибирск, 2010.
16. Социологический словарь / отв. ред. Г.В. Осипов. – М. : Норма, 2008.
17. *Эфендиев А.Г.* Общая социология : учебное пособие. – М. : Инфра-М, 2009.

УДК 1

DOI: 10.24412/2308-7196-2022-2-175-182

Мария Сергеевна Коробинцева
аспирант кафедры педагогики и психологии

*ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический
университет», Пермь, Россия
614990, г. Пермь, ул. Сибирская, 24, e-mail: korobintsevams@cspu.ru*

**ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА СОЦИАЛЬНО-
ГУМАНИТАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В ПОЗНАНИИ ПРИЧИН
ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ**

Maria S. Korobintseva
postgraduate student of the Department of Pedagogy and Psychology

*Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
'Perm State Humanitarian Pedagogical University'
24, Sibirskaya, 614990, Perm, Russia*

**PSYCHOANALYTIC PROGRAM OF SOCIAL AND HUMANITARIAN
RESEARCH IN THE COGNITION OF THE MECHANISMS OF DEVIANT
BEHAVIOR OF STUDENTS**

Аннотация. Предпринята попытка связать социально-философские аспекты исследования механизмов формирования девиантного поведения обучающихся через психоаналитическую программу социально-гуманитарного исследования, в основе которой находится психоанализ З. Фрейда, представляющий собой часть познания во многих научных областях, в том числе в коррекционной психологии.

Ключевые слова: социально-гуманитарное исследование, психоаналитическая программа, психоанализ, девиантное поведение, социальная дезадаптация.

Abstract. This article attempts to connect the socio-philosophical aspects of the study of the mechanisms of formation of students' deviant behavior through the psychoanalytic program of social and humanitarian research, which is based on Freud's psychoanalysis, which is a part of knowledge in many scientific fields, including correctional psychology.

Key words: social and humanitarian research, psychoanalytic program, psychoanalysis, deviant behavior, social maladaptation.

Важнейшей областью научного познания являются социальные и гуманитарные науки, объединенные более широким понятием – «социально-гуманитарное знание». Главным содержанием данного понятия значатся социум (общество) и человек в самых разных аспектах. Научно-исследовательские программы считаются рядом сменяющих одна другую научных теорий, объединенных принципами и идеями. Обеспечивая теоретико-методологическое единство обществознания, исследовательские программы способствуют разработке и освоению междисциплинарных связей в различных социальных и гуманитарных науках.

Современная оценка развития социума и человека в настоящих условиях требует дальнейших теоретических и методологических основ и направлений исследования для расширения и углубления традиционных научных представлений [6, с. 576].

Необходимость новых подходов отражена и в такой отрасли социально-гуманитарных наук, как психология, в том числе коррекционная. Развитие и совершенствование системы психологической помощи детям с ограниченными возможностями здоровья, реализация инклюзивных и интеграционных форм образования вызывают необходимость в индивидуализированном подходе и специальных методах исследования, одним из которых являются психоаналитические исследования. Существующие методы в коррекционной психологии обогащают познавательную действительность и одновременно являются перспективным направлением в данной отрасли.

Психоаналитические программы, используемые в различных областях науки, в том числе коррекционной психологии, более масштабно позволяют изучить нарушения социальной адаптации (в том числе школьной), повышенную агрессию, деструктивное поведение лиц с ограниченными возможностями здоровья, а история возникновения данной психоаналитической программы социально-гуманитарного исследования помогает объяснить закономерности влияния психоанализа на дальнейшее развитие коррекционной психологии в целом [5, с. 207].

Исследование факторов нарушения поведения, его перехода от условной нормы к деструктивному как социального феномена – одна из актуальных областей социального знания как в нашей стране, так и за рубежом. Современные исследования данной проблемы нельзя считать строго дисциплинарно отграниченной психологией или коррекционной психологией, она приобретает междисциплинарный характер [4, с. 14]. В этих исследованиях соединяются педагогика, социология, психология, коррекционная педагогика и психология, философия и другие науки. Это не является случайностью: дезадаптивное (девиантное) поведение обучающихся, в том числе обучающихся с ограниченными возможностями здоровья, влияет на дальнейшую школьную и социальную адаптацию.

Таким образом, сегодняшнее исследование данной проблемы является содержательным пространством для многих ученых. Многоплановость,

многоаспектность развития девиантного поведения заставляет применять различные методологические инструментари, не только классические методы, но и методы социального познания [2, с. 24]. В последние десятилетия значительно увеличилось количество обучающихся, в том числе и с ограниченными возможностями здоровья, испытывающих проблемы в школьной и социальной адаптации, что довольно часто переходит в различные формы девиантного поведения.

Происходящие изменения находят отражения в теоретических исследованиях ведущих ученых педагогики, психологии, в том числе и коррекционной. Стоит отметить, что данные исследования во многих случаях направлены на предотвращение девиантности и деструктивности поведения.

В настоящей работе предпринята попытка объединить социально-философские аспекты исследования механизмов формирования девиантного поведения обучающихся с практическими вопросами коррекционной психологии.

Психоаналитическая программа исследования, которая представляет собой метод «психоанализа», в настоящее время становится все более актуальной. В современном мире повысился запрос на психоаналитические программы исследования, что, безусловно, отражает непростой период, переживаемый обществом. Повышенная тревожность, агрессия, информационная зависимость общества приводят к необходимости применения психоаналитических методов и принципов в работе психологов, в том числе специальных. Использование психоаналитических программ исследования для изучения состояния общества, отдельных социальных групп и лиц, в том числе лиц с ограниченными возможностями здоровья, помогает более глубоко понять проблемы развития и выработать стратегии изменений [1, с. 512].

Стоит отметить, что наука довольно долго считала психоанализ лишь вспомогательным методом, хотя и методом «понимающим» и «истолковывающим». Сегодня вопрос о научности психоаналитических программ исследования также достаточно актуален, что обусловлено отсутствием изучения материального или физического и, наоборот, связано с субъективными переживаниями и скрытыми структурами личности. Психоанализ, являющийся основой психоаналитического исследования, тесно связан и с такими науками, как философия, этнография, литература и естественные науки. В психоанализе отражены эволюционное учение Чарльза Дарвина, закон биогенетики Геккеля, что отражает два ведущих аспекта в данном учении: философско-герменевтический и естественнонаучный.

Теоретически проанализировав историю возникновения и основные положения психоаналитической программы исследования, можно сделать вывод о возможности ее применения к изучению механизмов возникновения девиантного поведения обучающихся. В рамках психоанализа З. Фрейда достаточно глубоко исследована проблема возникновения асоциального, агрессивного, не укладывающегося в социальные нормы поведения индивида. Рассматривая данную тему, З. Фрейд подчеркивал бессознательное как основу

данного поведения, а также возможность социальной и культурологической адаптации, ее влияния на индивида [3, с. 32].

Таким образом, многоаспектная факторность психоанализа З. Фрейда, знание философских понятий о внутреннем мире человека, структуре его психики вкупе с обобщенными данными исследований позволила взглянуть на механизмы возникновения девиантного поведения и социальной дезадаптации, агрессии в том числе, через бессознательное. Психоаналитические программы, используемые в различных областях науки, в том числе в коррекционной психологии, более масштабно позволяют изучить нарушения социальной адаптации (в том числе школьной), повышенную агрессию, деструктивное поведение лиц с ограниченными возможностями здоровья, а история возникновения данной психоаналитической программы социально-гуманитарного исследования помогает объяснить закономерности влияния психоанализа на дальнейшее развитие коррекционной психологии в целом.

И.П. Павлов не раз подчеркивал, что З. Фрейд явился основателем новой науки о психике человека. Х. Гартман обосновывал психоанализ через естественные науки, подчеркивая естественные закономерности психического развития человека. Лоренц же психоанализ целенаправленно относил к социальным наукам. Несмотря на некую часть недоверия к психоанализу как научному исследованию, психоаналитические программы становятся все более востребованными в различных социально-гуманитарных науках, проверяясь и подтверждаясь экспериментальными естественнонаучными методами [7, с. 170].

По мнению А. Лекторского, психоанализ, его идеи, принципы и методы, в рамках которых были сформулированы центральные задачи философии, заслуживают самого серьезного изучения на всех уровнях научного знания.

Н.С. Автономова, изучая феномен психоанализа, выделила его главное достоинство: упорядочивание душевного опыта индивида, структурирование представлений, фантазий, собственного тела – это процесс становления человека как субъекта.

А.М. Руткевич, сторонник противоположного мнения, утверждал: психоанализ не является социальной или естественной наукой, что не мешает ему содержать знания о современном человеке. Психоанализ в работах А.М. Руткевича относится к такой сфере человеческого опыта, которая принципиально не может быть научно систематизирована, хотя, бесспорно, отражает все процессы человеческого бытия.

В.М. Лейбин в своих работах отмечает неопределенность и неоднозначность, лежащие в основе психоанализа. Данная особенность ярко проявляется в многозначности понятийного ряда изучаемого вопроса. Психоанализ у самого автора рассматривается и как способ исследования психических процессов, и как метод лечения невротических расстройств, и как ряд конструкций, возникших в ходе данного лечения.

З. Фрейд был сторонником научной модели XIX в., эволюционной теории, а также был уверен, что психоанализ должен расширить данную модель. В рамках научного пути З. Фрейд всегда следовал принципам

о динамическом представлении психики, неразрывности связи лечения и исследования. Обращает на себя внимание и такой факт, как наличие в основе психоанализа рациональности, методичности, опоры на наблюдение и стремление к истине. Наличие в психиатрии только органической теории побуждало ученых к поиску иных причин психических расстройств, что в итоге отразилось в теории З. Фрейда о бессознательном. Данная концепция стала своеобразным дополнительным инструментом для специалистов.

С точки зрения философии использование бессознательного как объяснительного принципа представляет собой иррационализм. Но З. Фрейд, изучая психику со стороны иррационального, остается сторонником рационализма, о чем свидетельствуют попытки толкования снов, оговорок, психосоматики с точки зрения разума. Бессознательное в теориях Фрейда не является врожденным, а, наоборот, связано с логикой [7, с. 170].

З. Фрейд предложил и свою философскую культурологию, где основным исследованием является система отношений «человек – культура» на основных стадиях: 1) историческое рождение автономной мыслящей личности, онтогенез которой движется в тесной системе с культурной средой; культурная среда представлена сказками, легендами, мифами, которые разделены на психологические и пояснительные; 2) появление на свет ребенка, актуализация «наследуемых схем» личностного саморазвития; именно культура должна сопровождать ребенка на тернистом пути, защищая от различных травм, «древних соблазнов» и приманок индивидуации; 3) рождение и формирование взрослого человека, стадия, для которой характерно «посвящение во взрослые»; на этой стадии сама культура представляет собой агрессивное начало, ведет она себя достаточно репрессивно, отвергая любые проявления человеческой индивидуальности.

Обращает на себя внимание такой исторический факт, как преднамеренное изолирование психоанализа сторонниками З. Фрейда от других наук, что объясняет нераскрывшиеся возможности психоанализа. В настоящее время интеграция и междисциплинарное взаимодействие с различными научными знаниями, в том числе специальной психологией, является одной из приоритетных задач развития психоанализа.

По мнению В.Д. Рождественского, сегодня востребовано возобновление научного подхода к психоанализу как объясняющему мировоззрению. Существуют определенные задачи развития психоанализа в России, такие как беспристрастное исследование, интеграция психоаналитического метода в традиционные методы научного социально-гуманитарного познания, разработка системы подготовки специалистов по психоаналитике, которые бы умели работать с культурологическим наследием.

Знание психоаналитиком культурологии обеспечивает изучение не симптомов болезни, а человека в целом, с его связями в обществе, культуре, истории, и должно быть значительным трудом в изучении культурных составляющих. Еще одной важной задачей развития психоанализа на современном этапе российского общества являются разработка и внедрение в психоанализ научно-исследовательского подхода.

Проблема дезадаптивного поведения обучающихся становится все более актуальной. Трудности коммуникации и установления межличностного взаимодействия, повышенные требования дисциплинарных аспектов образования, авторитарность педагогического коллектива, преобладание личных желаний над коллективными в итоге формируют ситуации поведенческих девиаций у школьников. Существует стойкая тенденция к увеличению дезадаптивных ситуаций у обучающихся в образовательных организациях.

Наука на протяжении длительного времени интересовалась изучением поведения человека, не иссяк данный интерес и в настоящее время. В разных областях науки изучаются поведение индивида, взаимодействие его с социумом, проявления данного взаимодействия и особенности характерных поведенческих основ. Поведение человека во многом является отражением социальных проблем, существующих в данный период. Поведение в рамках данного вопроса рассматривается как система различных видов социально-индивидуальной деятельности, способов взаимодействия с окружающими, субъектами социального пространства, внутренним миром человека. Именно поведение регулируется внешней и внутренней активностью индивида, и внешняя социальная среда оказывает значительное влияние на формирование поведения, как и на внутренний мир человека.

Социальная природа поведения является ключевой характеристикой огромного количества научных экспериментов. Исследователи определяют основные составляющие поведения: мотивированность, аутентичность, продуктивность, адекватность и адаптивность. Полное изучение вышеперечисленных характеристик позволяет более целено исследовать особенности поведения человека, в том числе и отклонения от условной нормы. Данную норму принято называть социальной нормой, которая определяется и формируется в рамках, сложившихся исторически. В противовес понятию «норма» выделяется термин «отклонение от нормы». Поведение в контексте отступления от нормы проявляется в разнообразных видах и формах, часто асоциальных. Дезадаптивное поведение характеризуется как отклонение от нормы.

Различные виды риска школьной, а впоследствии и социальной дезадаптации являются объектом изучения педагогики, специальной педагогики и психологии. Данная проблема в социально-гуманитарных науках имеет важнейшее теоретико-методологическое значение для разработки новых основ исследований девиантности и деструктивности поведения обучающихся. Существуют новейшие теоретические и практические исследования в психофизиологии, биологии, педагогике, психологии, социологии, которые могут быть использованы в качестве основы разработки системного подхода к обозначенной проблеме.

Значительная часть психоаналитических исследований посвящена детскому развитию, которое рассматривается как постепенная социализация ребенка, подчиняющаяся закону перехода от принципа удовольствия к принципу реальности.

В истории изучение девиантного поведения в рамках психоаналитической программы исследования характеризуется как «инстинктивное», что, безусловно, относится к психоанализу З. Фрейда. Обозначив проблему в том числе агрессии, что является одним из проявлений девиантного поведения, теории З. Фрейда легли в последующем в основу всех теорий изучения данного вопроса. В работе «По ту сторону удовольствия» З. Фрейд достаточно подробно описал природу и механизмы человеческой агрессии, которая нередко является частью дезадаптивного, девиантного поведения обучающихся, в том числе и с ограниченными возможностями здоровья.

По утверждению автора, поведение человека управляется бессознательным, ищущим выход агрессивных импульсов, направлено вовне, на других. Неуправляемое, неконтролируемое и инстинктивное поведение – это врожденная склонность к разрушению и необузданная страсть к истязанию других и самого себя, что опять же составляет основу девиантного поведения.

По мнению З. Фрейда, данную агрессию можно «уводить в сторону», т. е. социализировать, и главенствующую роль в этом процессе должна играть культура. Именно культура, по мнению основателя психоанализа, должна сдерживать и подавлять бессознательное в человеке, создавая предпосылки для освобождения подсознания внутри себя. З. Фрейд выделил и основные функции культуры: провоцирование через систему универсальных заповедей и запретов; тотальный отказ от удовлетворения желаний, порождающих страх и фобии; запуск механизмов формирования чувства вины за наличие запретных желаний; формирование навыков принудительной взаимоидентификации, снимающей чувство вины и страха за счет подавления личностного.

Главным недостатком методологического обобщения данных девиантного поведения следует назвать полагание на какой-либо один из факторов (фрустрацию, инстинкт, давление социума и т. п.). Недостаточное количество практических исследований, вызванное невозможностью воссоздания преднамеренных реакций в условиях девиантного поведения, также является признаком трудностей методологического характера. Использование же знаний о содержании внутреннего мира человека, такого как сознательное и бессознательное, смысл, идеалы, ценности, внутренние мотивы действий, повысит точность исследований дезадаптивного поведения.

Современное знание о данной проблеме должно быть рассмотрено в контексте физиологии, психофизиологии, социологии, социокультуры, т. к. все формы и виды девиантного поведения являются производной многих аспектов. Для понимания структуры и механизмов девиантного поведения применяются системный, информационный, синергетический, герменевтический (опыт осмысления человеческого знания) подходы, в рамках которых активно используется и метод психоанализа.

Список литературы

1. Бандура А.К. Подростковая агрессия. Изучение влияния воспитания и семейных отношений. – М. : Апрель-Пресс, 1999. – 512 с.

2. *Белкин А.И.* Современные социальные проблемы в свете психоанализа // Российский психоаналитический вестник. – 1991. – № 1. – С. 9–31.

3. *Васильева Н.Л.* Психоанализ как метод научного исследования психической динамики // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2006. – № 3. – С. 3–14.

4. *Ключева Г.М.* Философия и модели организации инклюзивного образования: Учебно-методическое пособие для студентов педагогических вузов по общепрофессиональной подготовке. – Челябинск : Изд-во Южно-Урал. гос. гуманит.-пед. ун-та, 2018. – 207 с.

5. *Лекторский В.А.* О некоторых философских уроках З. Фрейда // Философские науки. – 2000. – № 2. – С. 103–109.

6. *Поппер К.* Логика социальных наук // Вопросы философии. – 1992. – № 8. – С. 15–48.

7. *Торосян В.Г.* История образования и педагогической мысли. – М. : Высшая школа, 2005. – 340 с.

Электронное издание

**ВЕСТНИК ПЕРМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Серия № 3

Гуманитарные и общественные науки

ВЫПУСК 2, 2022

Электронный научный журнал

Ответственный редактор серии
Краузе Александра Анатольевна
Ответственный секретарь серии
Габриель Наталья Леонидовна

Дата размещения на сайте: 27.10.2022

Редактор *М.Г. Коровушкина*
Технический редактор *Д.Г. Григорьев*

Редакционно-издательский отдел
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета
614990, г. Пермь, ГСП, ул. Пушкина, 44, оф. 115
тел. (342) 215-18-52, доб. 394
e-mail: rio@pspu.ru